

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2020 | №4 |

УДК 94(470) "18/19"

ББК 63.3(2)5

И 90

Редакционная коллегия:

Далибор Денда, Юрий Пущаев, Кирилл Шевченко

Ответственный редактор: Модест Колеров

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 4 (16).

М. : Модест Колеров, 2020. (www.ostkraft.ru) 200 с.

ISBN 978-5-905040-63-4

ISBN 978-5-905040-63-4

© Авторы статей, 2020

© Модест Колеров, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав Смагин. Патриотизм и «кольцо мировоззрений» в русской общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX века	5
В. В. Черемухин. Журнал «Малая Русь», или Борьба вокруг понятий «Малороссия» и «Украина» в 1917–1918 гг.	14
Саймон Джонс (<i>Simon Jones</i>). Правильное лекарство для большевиков: британское химическое оружие воздушного десантирования на севере России, 1919 г.	53
И. С. Ратьковский, Ю. В. Чекалин. Спецпоезд И. В. Сталина в 1920 году: хроника передвижений и «августовское происшествие»	69
Татьяна Милошевич (<i>Tatjana Milošević</i>). Югославия и Балканский пакт	84
Ф. А. Гайда. «Интеллигенция»: чудо воскрешения. Заметки об эволюции понятия в советский период	115
Р. Р. Вахитов. Положительная оценка деспотизма у К. Н. Леонтьева и М. А. Лифшица: о консерватизме «правом» и «левом»	138

* * *

- Ю. В. Пущаев. Философия на линии фронта, который почти не виден: Философия на линии фронта. Материалы заседания секции, «Философия на линии фронта», проведенной в рамках Донецких чтений 2018. М. : Объединенное движение «Русская философия», 2019. 157
- Андрей Тесля. М. Фуко. Речь истина. Лекции о парресии (1982–1983) / Изд. и критич. аппарат А.-П. Фрюшо и Д. Лоренцини ; предисл. Фр. Гро ; пер. с фр. Д. Кралечкина под науч. ред. М. Маяцкого. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с. 161
- Андрей Тесля. Й. Радкау. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / Пер. с нем. Н. Штильмарк ; под науч. ред. С. Ташкенова ; вступ. слово С. Ташкенова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 552 с. (серия: «Исследования культуры») 165
- Фёдор Синицын. Паоло Сартори, Павел Шаблей. Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019. 169
- С. Н. Тарасов. В. М. Муханов. Кавказ в переломную эпоху: 1917–1921 годы. М., 2019. 183
- Борис Толчинский. А. М. Эткинд. Природа зла. Сырьё и государство. М., 2019. 189

Станислав Смагин

ПАТРИОТИЗМ И «КОЛЬЦО МИРОВОЗЗРЕНИЙ» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Тема отношения к понятию «патриотизм» в общественно-политической мысли дореволюционной России интересна как сама по себе, так и по той причине, что она является примером любопытного феномена. А именно — мировоззренческого, или идеологического «кольца», соединяющего правых и левых консерваторов, националистов, либералов и мыслителей религиозной направленности.

Для рассмотрения мы выбрали: Константина Леонтьева и Константина Победоносцева как правых консерваторов; Льва Тихомирова как консерватора-центриста и Александра Киреева с Сергеем Шараповым как славянофилов и в этом качестве очень условных левых консерваторов; Иоанна Кронштадтского, Николая Маркова, Михаила Меньшикова, Василия Розанова и Василия Шульгина как националистов; Павла Милюкова, Петра Струве и Бориса Чичерина как либералов; наконец, Николая Бердяева, Федора Михайловича Достоевского и Владимира Соловьева как религиозных мыслителей. Некоторые позиции могут вызывать вопросы — например, определение в националисты очень многомерного Розанова, равно как и определение туда же, а не в религиозные мыслители Иоанна Кронштадтского. Вполне признавая эту дискуссионность, мы в то же время считаем составленную подборку не выходящей за рамки исследовательской корректности.

В качестве базовой координатной сетки для рассмотрения интересующего нас вопроса мы избрали формулу, которая известна как «уваровская триада», хотя по большому счету она сконструирована и популяризована (правда, со знаком «минус») уже после смерти ее непосредственного автора, графа Уварова, историком и литературоведом А. Н. Пыпиным. Мы хорошо знаем ее, пожалуй, еще со школьной скамьи — «Православие — Самодержавие — Народность». Несмотря на определенную ее мифологичность, она удобна в первую очередь с политологической и методологической точки зрения, как охватывающая важнейшие понятия: религия/церковь — центральная власть/властитель — народ/нация. Разумеется, исчерпывающей эту формулу признать нельзя, многие важнейшие детали выпадают из нее или неявно присутствуют в ней и в пространстве между ее субъектами. На таких деталях мы останавливаемся отдельно.

* * *

Практически все консерваторы, вольно или невольно, так или иначе выводили патриотизм из формулы «Православие, Самодержавие, Народность», вне зависимости от того, как они к ней относились, насколько подлинной, истинно «уваровской» считали, и насколько вообще держали ее в уме. Но конкретные параметры отношения к этой формуле различались кардинально:

- Самодержавие, предельно доминирующее над Народностью, базирующееся на Православии и ставящее его облик в зависимость от своих политических потребностей — у Победоносцева;
- Православие, ценное как подпорка Самодержавия, которое, в свою очередь, ценно не само по себе, а как форма сильной власти, с не очень большой зависимостью от Народности, которая менее важна, чем сословность — у Леонтьева;
- Самодержавие, базирующееся на Православии и тесно связанное с Народностью, при том что все три члена фактически формируют еще и четвертый, самоценную Государственность — у Тихомирова;
- Православие и Православная Церковь, определяющие облик и суть Монархии и Народности, которые практически невозможны друг без друга, — у Киреева;

— Православие и Православная Церковь, определяющая облик и суть Монархии и Народности, при определенной приоритетности последней, — у Шарапова.

Нельзя не заметить, что чем выше удельный вес Народности в восприятии мыслителем уваровской триады, тем больше он выводит само слово «патриотизм» и связанные с ним словоформы из имплицитной в эксплицитную, открыто проговариваемую зону. Это же верно и в плане соотношения использования слов «государство», «государственный» — и «Отечество», «Отчизна», «Родина», «родная земля». У Леонтьева и Победоносцева преобладают первые, у Тихомирова — примерный паритет, у Киреева и Шарапов — вторые.

При этом как Леонтьеву с Победоносцевым и Тихомировым, так и Кирееву с Шараповым в той или иной степени присущ рационализм. Акторами патриотизма у них выступают институты (церковь, монархия) и конкретные люди или их совокупность (монарх, народ), но довольно редко — дух, земля, воздух и т. д., главными исключениями здесь является народный/национальный дух и история/связь поколений.

Переходя к националистам, отметим, что у Маркова и Иоанна Кронштадтского взгляды отличаются от консервативно-славяно-фильских разве что более явным акцентом на содержание понятия «народность» и его этнокультурные нюансы. Шульгин оказывается ближе к Леонтьеву с его презрением к демократизму, умалением роли Народности и признанием приоритетности Православия и Самодержавия (но в первую очередь — сильной и аристократической власти как таковой). Меньшиков же, наоборот, отодвигает Православие и Самодержавие на задний план, делая приоритетом Народность и фактически ставя знак равенства между национализмом и патриотизмом.

Розанов в какой-то степени возвращается к уваровской формуле, но с заметным романтическо-личностным акцентом. Понятно, что у человека, негативно относившегося к христианско-му аскетизму, призывающему к переосмыслинию роли гендерной проблематики в христианстве и даже выступавшего со смелыми предложениями вроде размещения ложа молодоженов в первую брачную ночь в пределах храма, понятия «Церковь» и «Православие» во многом наполнены собственным, личностным содержанием. Об отношении к монархии же можно судить по фразе 1917 года, написанной уже после Февральской революции: «Без

царя я не могу жить ... без царя, царицы и царевича для меня вполне не нужен и народ... Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже не нужно, чтобы она была без царя»¹. Здесь также отношение к монарху не столько сакральное, сколько личное, едва ли не интимное.

Можно отметить у националистов возросшее по сравнению с консерваторами стремление осмыслить русский патриотизм вне пределов триады Православие — Самодержавие — Народность. Меньшиков делает это, приравнивая Россию к единственному ее члену (народу/нации в этнокультурном значении), Шульгин говорит об Отечестве/России как таковой, Розанов же развивает эту мысль, обогащая ее философско-психологическими нюансами и прибегая к сравнениям с Женщиной и Матерью. Парадоксальным образом у формально более секулярного и прогрессистского по сравнению с консерваторами крыла политической мысли прослеживается стремление осмыслить патриотизм более мистически, романтически и образно, не ограничивая себя сдерживающими рамками.

Тема патриотизма в либеральной мысли, отдаляясь от уваровской триады, в то же время не идет на кардинальный разрыв с ней. П. Б. Струве, дополняющий стремление к Свободе и этнокультурному доминированию русских в России идеалом Святой Руси, оказывается ближе к консерваторам и консервативным националистам, чем М. О. Меньшиков. В свою очередь Б. Н. Чичерин, не поддерживающий тему «русской России», но являющийся апологетом сильной власти и государственности, одной из опор которых является «соработничество» верхов и низов, стоит ближе даже не к консервативным националистам, а к Леонтьеву и Тихомирову. Несколько особняком здесь стоит П. Н. Милюков, редуцирующий патриотизм практически до одного лишь экономического рационализма и лояльности форме государства и общества, существующей здесь и сейчас².

Наиболее интересным нам кажется то, что Милюков, Струве и Чичерин были убежденными государственниками. Это не столь удивительно, учитывая, что, например, английские — то есть практически эталонные — либералы примерно того же периода

¹ Розанов В. В. Последние листья. М., 2000. С. 237.

² Болтовский Л. Этносоциальные и этнополитологические взгляды П. Н. Милюкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 93/2009.

также придерживались вполне государственных взглядов. Но в отечественной мысли укрепился стереотип о либералах как почти всегда и почти исключительно антигосударственниках.

Не рассматривая подробно этот интересный вопрос ввиду понятых ограничений на объем статьи, выдвинем гипотезу относительно причин эготизма именно трех рассматриваемых либералов. На наш взгляд, объяснение в том, что, в разной степени отчуждаясь от прежних основ патриотизма, дополняя и заменяя их такими новыми ценностями, как свобода, право, экономическая польза и т. д., они не могли обойтись без нового субъекта патриотической идеи, вмещающей и гарантирующей существование всего вышеперечисленного. Если для консерваторов и националистов государство является либо неким «перекрестком» остальных патриотических ценностей, либо отдельной дополнительной ценностью, то у либералов государство, напротив, является главным гарантом и вместилищем их ценностей, ранее в русском сознании мало укорененных, а потому требующих особого защитного скелета; несколько особняком здесь позиция Струве, на определенном этапе мыслительной эволюции — но не сразу — поставившего Святую Русь выше земной³ и считавшего государственность ущербной без опоры на нацию.

Наконец, рассмотрим русскую религиозную мысль. Русский патриотизм у Достоевского приобретает всемирный характер. Развивая *до* Струве идеи о Святой Руси и ее особой христианской миссии в Европе, разделяемые также Розановым, идеи Иоанна Кронштадтского о русских и России как народе и стране, имеющих особую Божью благодать, Достоевский поднимает их планку до главных задач в истории мира и человечества. Русский любит свою Родину и народ не из-за чувства национального эгоизма, не исключительно из ощущения «своего», а, напротив, понимая и принимая их вселенские задачи. Православие же как основа и главный пункт этих задач неразрывно связана на русской земле с Самодержавием и Народностью, хотя, безусловно, Православие Федор Михайлович ставит на первое место.

Соловьев был солидарен с Достоевским в принципиальной необходимости мирового единства на христианском фундаменте, но считал, что объединение должно произойти не вокруг Право-

³ Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914, Кн. XII. Разд. XIII. С. 180.

славия, а на экуменической основе и с определенным приоритетом римского католицизма⁴. Народы в рамках этого объединения должны не столько сохранять самобытность, сколько стирать различия друг меж другим, относясь к чужим как к своим. Патриотизм по Соловьеву — это служение христианской правде, преданность своему народу лишь в той степени, в какой он эту правду разделяет, причем преданность, которая ни в коем случае не должна превосходить по степени теплоты и искренности такого же отношения к чужеземцам⁵.

Бердяев наиболее близко подошел к сакральному, выходящему за рамки формул и преодолевающему социальные, религиозные, политические и этнические привязки пониманию Родины и патриотизма. Любовь к Родине изначальна, по сути своей религиозна и потому не может быть ограничена какими-то рамками. Патриотизм Бердяева имеет глубоко христианское измерение, но при этом не связан с устоявшимся каноническим Православием и официальной Церковью. Нация для него практически идентична Отечеству, в том числе и своей иррациональности и непознаваемости⁶. Государство же — нехристианский, но при этом необходимый для защиты нации и Отечества институт, однако сам по себе, в отрыве от национальных основ ценности не имеющий. Однако человек в любом случае — главная ценность мироздания, стоящая выше нации и Отечества; как государство бессмысленно без нации, так и нация с Отечеством бессмыслены без человека во главе угла⁷.

Подытожим анализ общих воззрений консерваторов, националистов, либералов и религиозно-ориентированных мыслителей конца XIX — начала XX века на проблематику патриотизма. Консерваторы при рассмотрении вопроса любви к Отечеству в целомвольно или невольно ориентировались на уваровскую формулу «Православие, Самодержавие, Народность». На правом крыле, представленном Леонтьевым и Победоносцевым, больший упор делался на Православие и Самодержавие (в случае Леонтьева важнее самодержавия как такового был принцип сильной сословно организованной власти). Левое, славянофильское, как минимум не меньшее значение придавало Народности. Ценности государ-

⁴ Флоровский Г. Владимир Соловьев и Данте: задача христианской империи // Журнал института богословия и философии. 2013. № 28. СПб. С. 178–193.

⁵ Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 89.

⁶ Бердяев Н. А. Судьба России : соч. М., 1998. С. 552.

⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 514–515.

ства и лояльности ему на правом фланге также придавалось большое значение; если Леонтьев и Победоносцев рассматривали его как точку пересечения Православия и Самодержавия, то Тихомиров выделял в отдельную единицу.

Консервативные националисты фактически повторяли мировоззренческие установки славянофилов, понимая патриотизм как верность Православию и Самодержавию с особым вниманием к Народности, понимаемой в более четко этнически окрашенном ключе, в чем и заключалось их основное отличие от славянофилов. Однако уже Шульгин во многом вернулся к наследию Леонтьева и Тихомирова, в целом не отрицая уваровской триады, но считая субъектом патриотизма совокупность сильной государственной власти, нации и веры. Меньшиков же оставил из формулы Уварова одну Народность, понимаемую абсолютно секулярно. Постепенно снижался и пафос патриотизма. Если у консерваторов и консервативных националистов присутствует ощущение особой миссии России в Европе и мире, то Меньшиков проповедовал идею национального эгоизма. Особняком стоит здесь Розанов, признававший особую христианскую миссию России и особую важность в любви к Отечеству Православия, Самодержавия и Народности, но понимаемых не официально, а через личное, практически интимное переживание.

В той же степени, в какой консервативные националисты были перемычкой консервативной и националистической мысли, воззрения Розанова были мостиком от националистов к либералам. На этом фланге Струве и Чичерин также придерживались и декларировали христианские ценности, но в трактовке личного выбора и переживания человека считали оптимальной формой правления конституционную монархию, хотя не придавали этому вопросу первостепенного значения. Главное же, что объединяет людей одной нации и страны, — это Право, Свобода, Достоинство человека, Общий Исторический выбор. Сплочение этими мотивами создает единство практически трансцендентного характера, ради которого каждый из его членов может пожертвовать личным благом и жизнью. Либералы оказываются наибольшими государственниками из представителей всех трех платформ, ведь при уходе на задний план уваровской триады государство оказывается тем субъектом, которое может защитить новые патриотические ценности (духовные у Струве и Чичерина и рационально-материалистические у Милюкова).

Религиозно-ориентированных мыслителей, в частности Соловьева и Бердяева, с либералами объединяет то, что во главу угла своего понимания мироздания в целом и патриотизма в частности они ставят человека и человечность. Однако в остальном между двумя этими философами существуют противоречия: Соловьев предлагал слить локальные патриотизмы, страны и нации в общехристианское единство и считал опасным саму идею отличия одних народов и стран от других, тем самым фактически нивелируя сам феномен патриотизма; Бердяев же, соглашаясь с идеей единства человечества, был против уничтожения его национально-культурного разнообразия. Именно Бердяев фактически первым формулирует идею патриотизма как самостоятельную величину, иррациональную, дорассудочную, стоящую выше любых формул, не подлежащую ограничению и привязке к любым понятиям и ценностям. И, наконец, Достоевский замыкает круг, становясь мостиком от христианских гуманистов Соловьева и Бердяева к славянофилам, — для него русский патриотизм заключается в стремлении русского человека преодолеть национальные и государственные границы и объединить человечество, но объединение должно произойти на фундаменте Православия, которое Федор Михайлович считал неразрывно связанным с Самодержавием и Народностью.

Также важным, на наш взгляд, наблюдением является динамика самого употребления слова «патриотизм». Если у правых консерваторов Леонтьева и Победоносцева оно фактически не проговаривается, оставаясь в имплицитном состоянии, то у Тихомирова начинает периодически употребляться, у славянофилов употребляется активно, а у националистов — на постоянной основе, что можно сказать и о либералах (в первую очередь Струве и Чичерине). Бердяев же от употребления данного слова переходит, как уже сказано выше, к приданнию ему абсолютно самодостаточного наполнения.

Соловьева и Леонтьева роднило отрицание национального, или «племенного», приоритета в государственной и патриотической идеи; главенствующим принципом они считали религиозный. При этом Леонтьев и славянофилы в равной степени не хотели стирания с карты мира и из истории разнообразия наций и Отечеств, пусть и отличались в видении принципов их строения; Соловьев же полагал высшей миссией каждой нации и Отечества стремление к общечеловеческому всеединству. Нельзя не отметить, что

Леонтьев, жестко критикуя приверженцев «племенной политики» за то, что они якобы ведут мир к космополитизации, заметно более снисходительно относился к Соловьеву, проповедовавшему космополитизацию более явно. Причина здесь во все том же приоритете религии.

Вспомним, что в главном споре того времени о «племенной политике», развернувшемся в начала 1890-х между Соловьевым с одной стороны и Киреевым и философом Петром Астафьевым, также сторонником Народности, с другой, в общем и целом *Леонтьев* оказался ближе к позиции Соловьева. Это говорит в пользу тезиса о смыкании крайних флангов противоположных политических течений; правый консерватор Леонтьев оказался ближе к христианскому либералу Соловьеву, чем к левым (условно) консерваторам славянофильского толка. При этом корреляция взглядов Леонтьева с другими религиозно-ориентированными мыслителями была значительно слабее. Так, «Пушкинская речь» Достоевского вызвала у него сильное раздражение (статья «Наши новые христиане», посвященная еще и Льву Толстому).

Можно вспомнить еще одну в чем-то схожую дискуссию — спор о «национальном Эросе», состоявшийся в годы Первой мировой войны у Струве, Дмитрия Муретова и примкнувшего к ним Бердяева против настроенного в «соловьевском», христианско-космополитическом духе Е. Трубецкого. Эти дискуссии во многом взаимосвязаны; вторая в известном смысле является продолжением первой. При этом в первом случае религиозный мыслитель Соловьев примыкал к противнику «национализации» патриотизма Леонтьеву, во втором же религиозный мыслитель Бердяев — скорее к сторонникам этого принципа. Такая диспозиция, на наш взгляд, несколько парадоксальным образом, но вновь говорит в пользу тезиса о «кольце идей» — по важнейшему вопросу Соловьев оказывается ближе не к Бердяеву, а к мыслителю, принадлежащему к противоположному идейному полюсу.

Разумеется, наш краткий очерк может претендовать разве что на роль постановки проблемы, которой требуется дальнейшее изучение и раскрытие. Мы не отказываемся от этой миссии, считая ее полезной для исторической и политической науки.

В. В. Черемухин

ЖУРНАЛ «МАЛАЯ РУСЬ», ИЛИ БОРЬБА ВОКРУГ ПОНЯТИЙ «МАЛОРОССИЯ» И «УКРАИНА» В 1917–1918 гг.

Попытки изучения истории региона, который сейчас носит название Украина, предпринимаются профессиональными исследователями и общественными деятелями уже более века. Однако только в XXI веке стали появляться труды, которые обобщают накопленный предшественниками опыт¹. При обширности исследований выделяется любопытная деталь: в целом ряде случаев исследователи пропускают важные исторические источники, которые могут дать возможность взглянуть на проблему с другой точки зрения. В частности, известная статья «“Малоросс”: история понятия» заканчивает исследование процесса эволюции понятия «малоросс» до Первой мировой войны, как бы указывая, что в 1920-е годы такое понятие перекочевало в русскую эмигра-

---

¹ А. И. Миллер. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном сознании. (вторая пол. XIX века). Киев, 2009; Т. А. Васильева. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века: Дисс. ... к. ф. н. Томск, 2014; Е. Ю. Борисенок. Концепции «украинизации», их реализация в национальной политике в государствах восточно-европейского региона (1918–1941). Дисс. ... д. и. н. М., 2015; А. А. Иванов. «Вызов национализма»: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016; В. А. Антонов. Слово «украина / Украина» в письменности XV–XVIII вв. и его использование в позднейшей историографии. // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXIII. М., 2017. С. 7–32 и др.

цию². К сожалению, авторы не рассмотрели это понятие не только в годы Великой войны, но и в период Революции и Гражданской войны на территории бывшей империи, хотя именно тогда началась не только новая интерпретация данного понятия, но и появлялись новые, родственные с ним, термины, которые мы сейчас связываем с национальной культурой и нередко с этносом. Именно в 1917–1918 гг. на территории современной Украины происходили не только военные, но и словесные столкновения между «украинцами» и «русскими». Одним из активных участников этой идеологической дуэли был В. В. Шульгин. Именно благодаря ему в начале 1918 года в киевской типографии товарищества И. Н. Кушнерева и К° вышел журнал «Малая Русь». История этого журнала тесно связана не только с жизнью главного редактора газеты «Киевлянин», но и с историей Великой Российской Революции 1917 года и Гражданской войны, а главное — с историей понятий «Малая Русь» и «Украина».

* * *

Обстоятельства появления журнала под таким названием достаточно сложные, поэтому следует дать небольшой экскурс в события, предшествующие этому моменту, чтобы понять, как они повлияли на авторов журнала и его содержание.

С началом Февральской революции 1917 года на территории современной Украины стали возникать общественно-политические группы, которые стремились к созданию автономии нового государства с центром в Киеве. Одним из главных идеиных вдохновителей этого процесса стал М. С. Грушевский (1866–1934). Он родился 29 сентября 1866 года в Холме (ныне — Люблинское воеводство Республики Польша) в семье профессора русской словесности Сергея Федоровича Грушевского и его супруги Глафиры Захаровны (урожденной Опоковой). Сергей Федорович являлся автором учебника русской словесности, поэтому у него и его семьи имелись достаточные средства для научной работы. В детстве Михаил Сергеевич учился во 2-й Тифлисской гимназии, а позже на историко-филологическом факультете Императорско-

² А. Л. Котыленко, О. В. Мартынюк, А. И. Миллер. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 9–27.

го Киевского университета Св. Владимира, который окончил с золотой медалью в 1890 году. Следующие годы Грушевский работал в Львовском университете (Австро-Венгрия), где была организована кафедра всеобщей истории. Во время преподавания в университете им были написаны наиболее существенные труды по истории современной Украины, которая в его сочинениях носила двойное название «Украина-Русь»³. С 1898 года М. С. Грушевский начинает публиковать свой 10-томный труд «История Украины-Руси», в котором он развел собственную теорию о происхождении украинского народа и проследил его генезис с XVII века до современности. Не останавливаясь подробно на изложении его идей, подробный разбор которых уже не раз привлекал к себе внимание профессиональных исследователей, мы лишь отмечаем, что с XIX века на территории Малороссии начинает формироваться идея об украинской народности. Начиная со времен первой русской революции 1905 года, понятие «украинец» начинает применяться к этносу, а сторонники идеи существования этой народности фактически стали сторонниками «украинского» движения.

На протяжении долгого времени противником данного направления являлась газета «Киевлянин», чей подзаголовок «Этот край русский, русский, русский» стал символом борьбы «русского» движения на территории Малороссии⁴. Сам главный редактор газеты В. В. Шульгин являлся своеобразным «знаменем» «русского» движения и неоднократно выступал с заявлениями, которые шли вразрез с позицией «украинцев». Излагать свою позицию он мог как многочисленными статьями в собственной газете, так и с трибуны Государственной Думы⁵.

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — известный общественный и государственный деятель начала XX века, публицист и писатель. Он был уроженцем Киева и родился в семье Виталия Яковлевича Шульгина и его супруги Марии Константиновны (урожденной Поповой). В раннем возрасте Василий Витальевич лишился родителей, а его воспитанием стал заниматься Дмитрий Ива-

³ Подробн. см.: Ф. А. Гайдा. Границы и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019.

⁴ А. Э. Котов. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 346–405.

⁵ Подробн. см.: В. В. Шульгин. Россия, Украина, Европа. Избранные работы / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. М., 2015.

нович Пихно, заменивший Шульгина-ст. у «главного руля» «Киевлянина», первый номер которого вышел 1 (13) июля 1864 года. С момента появления газеты его редакция отмечала, что «будет проводить мысль о необходимости постепенного введения в крае администрации в русском духе и из русских людей». Неудивительно, что столкновения с украинской позицией начинались с первого года существования печатного органа⁶. Во многом такая позиция объяснялась отсутствием на территории Малороссии крупного издания, которое могло бы отстаивать идеи русского национализма. Несмотря на то что отец будущего политика не всегда соглашался с мнением М. Н. Каткова и других русских консерваторов, «Киевлянин» продолжал отстаивать позицию русского национализма в регионе, исходя из его особенностей. Когда В. В. Шульгин встал во главе издания, то оно продолжало оставаться одним из самых тиражных и распространенных изданий на территории Малороссии. «Киевлянин» конкурировал даже с известным харьковским «Южным Краем», который по первоначальному проекту и вовсе должен был называться «Украина». Это название в итоге не было утверждено, но и «Южный Край» никогда не имел ярко выраженной окраски сторонника «украинского движения»⁷.

На протяжении долгого времени «Киевлянин» оставался единственной площадкой, которая отстаивала идеи русского национализма в регионе. Активную поддержку «Киевлянину» оказывали общественно-политические клубы (например, Киевский клуб русских националистов во главе с А. И. Савенко) и региональные отделения правомонархических партий⁸. Несмотря на то что Первая мировая война 1914–1918 гг. должна была направить силы всех патриотических организаций на создание крепкого тыла, этого не произошло. Правые партии оказались разделены, а численность их состава сократилась до 50–60 тысяч человек.

Приближение к 1917 году породило не только дискуссии о сущности власти в России и необходимости ее реформирования,

⁶ А. Э. Котов. Указ. соч. С. 359.

⁷ «Южный Край» // Русская периодическая печать (1703–1895) Справочник. М., 1957: <http://starosti.ru/yuzhikray.html>.

⁸ Подробн. см.: Т. В. Кальченко. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008; Т. В. Кальченко. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев, 2014; Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

но и создало новые толки об автономии Малороссии и, возможно, с названием «Украина». Как отмечают воспоминания и дневники жителей Киева в конце 1916 года, всех волновали события в Петрограде, связанные с убийством «святого старца» Григория Распутина. Об этом пишет в своих дневниках и Вдовствующая Императрица Мария Федоровна⁹. Примечательно, но «украинский вопрос» практически не появляется на страницах отечественной периодики до событий революции. Профессор Императорского Киевского университета Св. Владимира Н. М. Бубнов написал в своих воспоминаниях ощущения во время начала революции: «Когда мы в Киеве прочитали манифест великого князя Михаила Александровича, в котором он отказывался от власти, до “Учредительного собрания” …, мы, т. е. многие интеллигентные люди, а в их числе и я, поняли, что дело погибло и что государство и нас ожидают страшные бедствия и испытания»¹⁰.

Практически сразу с началом революции в Киеве были созданы украинские органы власти, которые отстаивали идею об автономии региона. Уже 4 (17) марта 1917 года в Киеве формируется Украинская Центральная Рада, в состав которой вошли: М. С. Грушевский (председатель), политик, историк и публицист Д. И. Дорошенко, публицист и литературовед С. А. Ефремов, а через некоторое время к ним присоединились В. К. Винichenko и один из лидеров и идеологов независимости Украины Н. И. Михновский. В. В. Зеньковский позже вспоминал: «Сразу же после падения в России монархии на Украине вспыхнуло сильное национальное движение, революционно организовавшее Центральную Раду, куда кроме делегатов от украинских партий вошло несколько представителей от русских левых партий на Украине. В различных губерниях Украины складывалась какая-то “местная” власть, но Киев, где собралась… Центральная Рада, сразу стал “столицей”, центром украинского национального движения»¹¹.

⁹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923) / Пер. с датск. Ю. В. Кудриной, О. Н. Дудочкиной-Крог, А. Н. Чеканского. М., 2006.

¹⁰ Н. М. Бубнов. Сквозь череду потерь: воспоминания / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. и прилож. О. Б. Смирнов. М., 2017. С. 240.

¹¹ Воспоминания В. В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вороисповеданий в составе правительства гетмана П. П. Скоропадского // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов / Сост. О. К. Иванцова. М., 2014. С. 216.

Фактически в Киеве действовало двоевластие, напоминавшее то, как уживались в Петрограде Петросовет и Временное правительство. Назначенный в качестве командующего Киевским военным округом Н. М. Оберучев осуществлял военную власть в городе. Он поддерживался Советом рабочих и солдатских депутатов. Одновременно в городе существовал совет общественных организаций, признаваемый Временным правительством. Одновременно Центральная Рада формировалась свои органы власти в регионе¹².

Сам Оберучев, который в момент начала революции и вовсе находился в вынужденной эмиграции и под угрозой ареста, понапачалу патетически воспевал активную деятельность «украинского» движения: «Быстро сорганизовалась группа людей, составивших кружок для объединения возможно широких кругов украинцев вокруг идеи самоопределения украинского народа и для борьбы за автономию. Эта группа лиц приняла названия Центральной Украинской Рады и проявила колоссальную деятельность. Она развила широкую агитацию в народе, созывала съезды украинских работников — то кооперативов, то крестьян, то рабочих, а то и войсковые съезды. Отсюда черпала она силы... Жаль только, что она как-то сумела сразу отмежеваться от всероссийской демократии...»¹³. Интересно, что о «русском» движении в регионе он не написал практически ничего, а фамилия Шульгина и вообще не появлялась в его воспоминаниях.

В действительности деятелей украинского движения не интересовала тесная связь с всероссийскими преобразованиями. В украинской газете «Нова Рада» появились соответствующие слова: «Автономия — федерация! Широкая автономия Украины в ее этнографических границах в федеративной связке с демократической российской республикой. Это наша платформа»¹⁴. Понапачалу публикации об этом движении в «Киевлянине» появлялись нечасто, но со временем это становится одной из центральных тем русского издания города. Так первой небольшой заметкой «Чего хотят некоторые “украинцы”» авторы сделали компиляцию из нескольких речей и работ М. С. Грушевского, но не рассказали обо всей палитре «украинского» движения. В то же время са-

¹² Там же.

¹³ Н. М. Оберучев. В дни революции: Воспоминания участника великой русской революции 1917 года; Офицеры в русской революции; Советы и советская власть в России / Предисл. и примеч. С. И. Дробязко. М., 2017. С 138.

¹⁴ Від слова до діла // Нова Рада (Киев), 31 березня (марта) 1917.

ми «украинцы» готовились к проведению Украинского национального съезда, который в то время называли не иначе как «конгресс украинцев»¹⁵. Были, однако, и журналисты, которые придавали этому съезду почти учредительное значение. К слову, слухи о том, что этот конгресс объявит себя Учредительным собранием Украины, были широко распространены среди российской общественности. Тогда с разъяснением к организаторам съезда обратились корреспонденты московских «Русских Ведомостей». Организаторы констатировали, что попытки объявить этот конгресс «Учредительным собранием» «лишены основания», а вопрос «об автономии Украины должен решаться всероссийским учредительным собранием». Однако участники конгресса признали, что «существует крайне национальное течение, выставившее лозунгом: “Украина — для украинцев”, но это лишь крайность, отклоняется общим государственным разумом»¹⁶. Несмотря на разъяснения позиции конгресса, центральным пунктом заявления стало объявление о том, что в будущем территории Украины должны получить «национально-территориальную автономию»¹⁷.

«Киевлянин» сам печатал стенограммы работы «украинского съезда», но излишне негативной реакции такие публикации не имели¹⁸. Однако появление таких материалов подогревало дискуссию о существовании «украинства» в печати¹⁹. Сам Шульгин в одной из сво-

¹⁵ Чего хотят некоторые «украинцы» // Киевлянин, 2 апреля 1917 г.

¹⁶ Украинцы // Русские Ведомости (Москва), 7 апреля 1917 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Стенограммы «украинского съезда» были отражены в этих публикациях: Украинский съезд // Киевлянин, 8 апреля 1917 г.; Украинский съезд // Киевлянин, 9 апреля 1917 г.

¹⁹ Так на протяжении апреля-мая в «Киевлянине» были опубликованы следующие статьи, так или иначе раскрывающие «украинскую проблематику»: Я. Ник. К вопросу о местных автономиях // Киевлянин, 9 апреля 1917 г., 12 апреля 1917 г.; В. Шульгин. «Украинский язык» // Киевлянин, 16 апреля 1917 г.; В. Шульгин. [Передовица] // Киевлянин, 18 апреля 1917 г.; Вопрос о формировании украинского языка // 18 апреля 1917 г.; История «Украинского полка» // Киевлянин, 21 апреля 1917 г.; А. Е. Об организации «украинского полка» // Киевлянин, 22 апреля 1917 г.; Украинаизация школы // Киевлянин, 27 апреля 1917 г.; Протест против национальной украинаизации школы // Киевлянин, 28 апреля 1917 г.; Украинцы и автономия Малороссии // Киевлянин, 30 апреля 1917 г.; К. Б. Чувство национальности // Киевлянин, 7 мая 1917 г.; Фронтовой украинский съезд // Киевлянин, 7 мая 1917 г.; Фронтовой украинский съезд // Киевлянин, 9 мая 1917 г.; Фронтовой украинский съезд // Киевлянин, 10 мая 1917 г.; Украинский «большевизм» // Киевлянин, 13 мая 1917 г.; Ходатайство Украинской Рады // Киевлянин, 17 мая 1917 г.; Т. Локоть. Украи-

их публикаций назвал «украинцами» тех, «кто говорит и пишет на диалекте Грушевского», русские же изъясняются по-русски²⁰.

Язык в таких конфликтах становится главным средством борьбы с противником. Возникшее в апреле 1917 года в Киеве Общество «Русь» как раз и ставило одной из своих задач «объединение и организацию тех граждан, которые на вопрос о своей национальности отвечают “я — русский”»²¹. В их представлении русские должны говорить на русском языке. Такие настроения поддерживали и другие организации. Так, в апреле в городе на Днепре создается Кружок «Юго-руссов». По определению организаторов кружка, «юго-руссом называется тот, кто признает своим языком русский литературный язык, а местом своей деятельности всю Россию»²². В течение года аналогичные организации возникали еще не раз.

Так, в июле 1917 года появилось сообщение, что в городе на Днепре возник «Малорусский союз имени Гоголя». «Членами союза, — сообщалось в прессе, — действие которого предполагается распространить на всю Малороссию, могут быть коренные малороссы, считающие себя русскими, а не украинцами». Члены союза, среди которых могли быть великороссы и белорусы, должны разделять несколько идей. Во-первых, «малорусы или южно-русы, — ветвь единого русского народа»; во-вторых, «единство обще-русского литературного языка, являющего собой создание всех ветвей русского народа»; в-третьих, «политическое единство Малороссии и Великороссии, не исключающего возможности широкого областного самоуправления (автономии) отдельных их частей, если по местным причинам это будет признано необходимым»²³.

Отношения между разными органами власти не были спокойными. Так одним из камней преткновения стала ситуация вокруг

низация школы // Киевлянин, 19 мая 1917 г.; К вопросу о формировании новых украинских полков // Киевлянин, 25 мая 1917 г.; Делегация Украинской центральной рады в Петрограде // Киевлянин, 25 мая 1917 г.; К украинскому вопросу // Киевлянин, 28 мая 1917 г.; [Передовица] // Киевлянин, 30 мая 1917 г.; Всеукраинский сельский съезд // Киевлянин, 30 мая 1917 г.; Всеукраинский сельский съезд // Киевлянин, 31 мая 1917 г.

²⁰ В. Шульгин. [Передовица] // Киевлянин, 18 апреля 1917 г.

²¹ «Русь». Национальное культурно-политическое общество // Киевлянин, 23 апреля 1917 г.

²² Кружок «Юго-руссов» // Киевлянин, 24 апреля 1917 г.

²³ Малорусский союз имени Гоголя // Киевлянин, 13 июля 1917 г.

бывшего императорского дворца в Киеве, часть помещений которого предлагалось передать в пользование Центральной Рады и других органов власти. Против таких мер выступали представители исполнительного комитета Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов. В итоге дворец перешел во владение государства и стал музеем комплексом без права размещения в нем каких-либо государственных учреждений²⁴.

Усугубляли ситуацию и сами представители «украинского» движения. В середине мая 1917 года в Киеве был проведен I Украинский военный съезд, на котором был поставлен вопрос о создании национальных вооруженных сил Украины. На этом же съезде столкнулись представители двух направлений «украинства»: сторонники независимости («самостийники») и «автономисты». Несмотря на столкновения, на заседаниях преобладали сторонники идеи территориальной автономии, поэтому во многом под их давлением была принята резолюция «Об украинской народной милиции», которая позволяла создавать подразделения, отвечающие за общественный порядок на территории будущей автономии.

С этими требованиями представители Украинской Рады отправились на встречу с представителями Временного Правительства. Однако, не получив ясного ответа по отношению к вопросу об автономии, В. К. Винниченко и С. А. Ефремов вернулись в Киев, где ситуация начала накаляться, что беспокоило представителей «русской» группы.

10 (23) июня 1917 года II Украинский военный съезд провозгласил Первый Универсал — документ, в котором объявлялось о национально-территориальной автономии Украины. Согласно документу, в автономии создавался свой парламент (сейм) и его исполнительный орган — Генеральный секретариат. Последний на своем заседании принял декларацию об объявлении Центральной Рады высшим исполнительным и законодательным органом «всего украинского народа». «Киевлянин» отреагировал на это жестко и саркастично: «“Манифест” украинской Рады был бы смешон, если бы не был грустен. Если бы от него не становилось на душе невыносимо тяжело, больно и стыдно ... Ведь ничто не из-

²⁴ Подробнее см.: В. В. Черемухин. «В первый раз на ектенях не поминали Их Величеств ... ». Киевские страницы послереволюционной истории Дома Романовых // Родина. 2017. № 8. С. 110–113.

менилось в соотношении сил и обстановке. С “универсалом” или без “универсала”, Рада продолжала бы делать свое черное, вредное дело, не брезгая никакими средствами, разжигая страсти, создавая вражду, готовя братоубийственную расплю»²⁵.

Следующие две недели казались решающими для принятия Временным правительством такого решения, чтобы оно не противоречило основным программным установкам самого правительства и в то же время позволило не вступить в жесткую конфронтацию с украинскими органами власти. Поэтому 2 (15) июля 1917 года была принята «Декларация Временного Правительства к Украинской Раде», которая признала существование Генерального Секретариата как органа государственной власти на территории автономии²⁶. Генерал Деникин, внимательно следивший за этими событиями, написал впоследствии: «Правительство недолго сохранило свое первоначальное твердое решение против национализации. Декларация 2 июля, наряду с предоставлением Украине автономии, разрешила и вопрос национализации войск: “правительство считает возможным, — продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии, или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не нарушит боеспособности армии... и находит возможным, — привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, командируемых Центральной радой в военное министерство, генеральный штаб и Ставку”»²⁷.

«Киевлянин» отреагировал на это явление своеобразно. Впервые со страниц киевской газеты их авторы задались вопросом «Где малороссы?». «Украинская Рада добилась своего, — начала передовица. — Украинцы победили, украинцы торжествуют успех, но деяния их останутся навсегда заклейменными в памяти современников и в суде истории. Дорогому нам краю предстоит пережить эпоху господства новых “завоевателей”. Гонению и поношению подвергнется общерусская культура — наше драгоценнейшее достояние и сокровище, но в этом сокровище кроется тот талисман, который незаметно, но верно, выведет нас на путь спа-

²⁵ [Передовица] // Киевлянин, 13 июня 1917 г.

²⁶ Телеграмма Центральной Раде // Киевская мысль, 4 июля 1917 г.

²⁷ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / Предисл. А. С. Кручинина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 456–457.

сения и победы. Свойство культур таково же, как свойство природы. Гоните культуру в дверь — она войдет в окно». Однако главное не только в культурном вопросе. Если «украинская партия» смогла победить и получить возможность для построения национально-территориальной автономии, то «русская партия» должна была отыграть свои позиции на городских выборах, а добиваться этого можно только «своей самодеятельностью». «Сделайте так, — призывал «Киевлянин», — чтобы за вами было право на ваше существование. Проявите себя. Народитесь на свет божий в новой свободной России. Организуйтесь, агитируйте, отстаивайте себя. ... Покройте Малороссию сетью малорусских организаций. ... И вот перед вами непосредственно первый этап борьбы: выборы в городскую Киевскую думу. Докажите, что Киев — русский город. Добейтесь победы на выборах!»²⁸

На сегодняшний день избирательная кампания в Киевскую городскую думу подробно исследована А. А. Чемакиным, поэтому мы отсылаем к его статье²⁹. Русских националистов и «малороссов» на выборах представляли Внепартийный блок русских избирателей (ВПРИ) и общество «Русь». «Русь» объединила остатки русских право-монархических организаций в городе, а также другие более мелкие организации и вновь появившиеся партии. По оценке самого В. В. Шульгина, на выборах интересы «русской» партии представляли 19 организаций. Их противниками стали Социалистический блок (эсеры, меньшевики, польские социалисты и Бунд), украинский блок (эсеры и эсдеки), большевики, кадеты и другие кандидаты. Выборы состоялись 23 июля (5 августа) 1917 года. По оценке А. А. Чемакина, на окраинах города русский блок провалился, в то время как одержал уверенную победу в центральных округах Киева. По итогам выборов очевидную победу одержал Социалистический блок (37,01%), второе место остались за собой «украинцы» (19,95%), далее следовали: русский блок (14,65%), кадеты (8,7%), большевики (5,4%). Это был единственный на всем пространстве бывшей Российской Импе-

²⁸ Где малороссы? // Киевлянин, 4 июля 1917 г.

²⁹ А. А. Чемакин. «И останется, как прежде, нашим, русским Киев-град»: русские националисты и выборы в Киевскую городскую думу 5 августа 1917 г. // Украина.ру: <https://ukraina.ru/history/20190805/1024460131.html>; А. А. Чемакин. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) // Российская история. 2019. Вып. 5. С. 132–158.

рии случай, когда русские националисты выставили собственный список и к тому же получили третье место.

На протяжении второй половины 1917 года конфликты между «украинцами» и «русскими» происходили неоднократно, но чаще всего борьба за умы и друг с другом происходила на полях печати. Выражавший русскую позицию жителей города «Киевлянин» неоднократно вступал в полемику с «Новой Радой», «Народной Волей» и другими украинскими изданиями. В полемике принимали участие журналисты, политики, общественные деятели и учёные. Так, с отдельными брошюрами выступали учёные Киевского университета Св. Владимира и преподаватели со всей территории Малороссии. Так, один из них — профессор И. А. Линнченко — даже выпустил «открытое письмо профессору М. А. Грушевскому», однако последний так и не ответил на выпад своего коллеги, которого хорошо знал. Об отдельных личностях мы еще скажем ниже.

С июля 1917 года в «Киевлянине» появилась постоянная «рубрика» под общим названием «Против насильственной украинизации Южной Руси». Многочисленными публикациями, чаще всего присланными заявлениями и письмами из разных регионов Малороссии, давалось понять, что на этой территории происходит насильственная украинизация. Чаще всего эти истории рассказывали о том, как происходит постепенное внедрение украинского языка в преподавание в местных школах, а также о появлении «украинских» органов местного самоуправления.

Особой критике подвергались постановления и инструкции Временного правительства в отношении Центральной Рады и Генерального Секретариата. Так, в начале августа 1917 года Временное правительство приняло «Временную инструкцию Генеральному секретариату», в котором признавало последнее элементом государственной власти в регионе. Согласно данному документу в территорию Украины вошли Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов) губернии. Генеральный Секретариат должен был назначаться Временным Правительством по представлению Центральной Рады³⁰. «Киевлянин» в лице неустановленного П. Пихно (возможно, од-

³⁰ Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 года. М., 2004. С. 227–228.

нофамильца или родственника Д. И. Пихно) написал заметку о документе, озаглавив ее «К Инструкции». По мнению автора, чья позиция вряд ли расходилась с представлениями редакции, Временное Правительство совершило ошибку, издав данный документ: «Временное Правительство таки удосужилось и выдало ма-зепинцам или, если хотите, украинцам “временную инструкцию”. Но время горячее, а правительству некогда. Некогда спрашивать историков, существует ли на свете “украинская национальность” или нет такой, тем более, раз историк Грушевский утверждает, что есть. Пока что для “временной” инструкции этого достаточно. Национальность признана. Схватить ножницы и выстроить терри-торию тоже недолго. Не беда, если при этом от Черниговской гу-бернии отрезано несколько уездов. Могут и сами присоединить-ся, да и не только уезды, а пусть хоть целые губернии присоединя-ются»³¹.

Идеологические столкновения «русских» и «украинцев» имели и личностные черты. Так, заочные «дуэли» С. М. Грушевского и В. В. Шульгина продолжались на протяжении всего года. В од-ной статье с характерным названием «Родственники» даже отме-чалось, что перипетии родственных связей связали обоих лидеров противоборствующих лагерей. Так, Михаил Грушевский — гла-ва «украинцев», а его дальний родственник Сергей Григорьевич был «убежденным русским», в то время как Василий Шульгин — «убежденный русский», а его двоюродный племянник Александр Яковлевич — «щирый украинец» и «один из “секретарей” укра-инского правительства»³². Эта статья появилась уже после то-го, как к власти пришли большевики. В первой половине ноября 1917 года «украинцы» разгромили редакцию «Киевлянина», а са-ма газета не выходила более двух недель. На этом этапе отноше-ния «украинцев» и «русских» в Киеве накалились, однако о побе-де одной из сторон говорить еще не приходилось. Надо сказать, что в политическом смысле «русских» жителей Киева волнова-ли грядущие выборы во Всероссийское Учредительное Собрание, в то время как «украинцев» — собственное самоопределение.

После прихода к власти большевиков в Киеве начались бес-порядки, а ведущие периодические органы были закрыты. 26 ок-

³¹ П. Пихно. К Инструкции // Киевлянин, 10 августа 1917 г.

³² В. Родственники. // Киевлянин, 28 ноября 1917 г.; А. А. Чемакин. От русского на-ционалиста до «украинизатора» // Вопросы национализма. 2016. № 1 (25). С. 51.

тября 1917 года в Киеве началось вооруженное восстание. Верность Временному правительству и его органам власти сохранили войска киевского военного округа во главе с генерал-лейтенантом М. Ф. Квенцинским (сменившим Оберучева, вышедшего в отставку в августе). Во главе киевских большевиков стоял председатель Киевского ВРК и Совета рабочих и солдатских депутатов Г. Л. Пятаков, которому к тому моменту исполнилось лишь 29 лет. Центральная Рада официально не участвовала в событиях восстания, однако заняла позицию благожелательного нейтралитета к большевикам. После трехдневного противостояния большевики одержали победу над правительственные войсками, которые были вынуждены капитулировать. Фактически в Киеве вновь установилось двоевластие. Во главе советской власти в городе встал Г. Л. Пятаков и его помощник И. Пуке (латыш по национальности), а во главе украинской национальной власти до сих пор оставался М. С. Грушевский, Центральная Рада и Генеральный Секретариат.

17 ноября в городе почти одновременно состоялись заседания обоих органов власти. Совет рабочих и солдатских депутатов и ВРК во главе с Г. Л. Пятаковым провозгласили признание советского правительства — Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным (Ульяновым). Основными требованиями большевиков было передача Совету рабочих и солдатских депутатов всей власти на территории Украины, а Центральная Рада должна была быть переизбрана на Всеукраинском съезде Советов. Данные требования практически полностью расходились с представлениями сторонников украинской независимости. В. К. Винниченко на заседании Центральной Рады и Генерального Секретариата призвал отстаивать «идейную борьбу с большевизмом», чтобы остановить попытки дискредитации национальной власти Украины.

7 (20) ноября Центральная Рада опубликовала III Универсал, который провозглашал создание на подконтрольной ему территории Украинской народной республики (УНР). В состав Украины по документу вошли следующие территории: Киевская, Харьковская, Подольская, Волынская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонесская и Таврическая (без Крыма) губернии³³. Данный документ завершил идеологическую эволюцию

³³ (III) Універсал Української Центральної Ради // Офіційна сторінка Верховної Ради України: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-3.html>.

сторонников особого пути Украины в 1917 году от автономии до полной независимости. Фактически этот документ нормативно утвердил, что Центральная Рада и Генеральный Секретариат не будут передать свою власть Советам во главе с большевиками³⁴. Подтвердить это должен был новый орган власти — Украинское учредительное собрание. Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) признавал, что с точки зрения своих ценностей неуместно участие этих своих сторонников в этом совещании, однако указал, что ВБРИ будет принимать участие в выборах в него. В качестве избирательной платформы лежал «наказ» ВБРИ по участию в выборы во Всероссийское Учредительное Собрание³⁵. К слову, сам Шульгин дал свое название УНР — «Южно-Русская республика»³⁶.

Даже будущий гетман Украинской Державы П. П. Скоропадский, не бывший в этот момент в городе, но командовавший украинским воинским соединением, вспомнил характерный диалог со своим начальником штаба генералом Я. В. Сафоновым. Тогда Скоропадский решил не выполнять приказы нового Верховного Главнокомандующего прaporщика Н. В. Крыленко и не вести свой 2-й Гвардейский Корпус на Киев, чтобы не дать возможность разгромить город и не поддерживать большевиков. Тогда Сафонов спросил: «Но как же, ваше высокопревосходительство, мы же получили определенное приказание от главковерха? — Да вы, Яков Васильевич, бросьте, подумайте, кто теперь главковерх! Да, верно-то верно, но все-таки...»³⁷. Так большевики начали создавать военный контингент для захвата власти в Киеве.

Обстановка среди воинских частей была нестабильная, а на верность всех сил, призванных под знамена, не могла рассчитывать ни одна из сторон. Сторонники советской власти не были до конца уверены в своих собственных силах. Даже с точки зрения численности войск большевики могли выставить лишь до 6 тыс. человек, в то время как сторонники УНР могли заручиться поддержкой около 16 тыс. вооруженных солдат и офицеров. Однако были

---

³⁴ Р. Гнатюк. Неудачный октябрь: попытка большевистского восстания в Киеве в 1917-м // Толстая политика: thickpolicy.media/neudachnyj-oktyabr-popytka-bolshevistskogo-vosstaniya-v-kieve-v-1917-m/.

³⁵ Украинское учредительное собрание // Киевлянин, 21 ноября 1917 г.

³⁶ В. В. Шульгин. Оселок // Киевлянин, 30 ноября 1917 г.

³⁷ П. П. Скоропадский. Воспоминания гетмана. М., 2019. С. 58.

и с той, и с другой стороны те, кто сомневался в целесообразности выступать за конкретную сторону. Так, Украинский полк им. Тараса Шевченко поддерживал лозунги большевиков до такой степени, что Центральная Рада и ее сторонники боялись их перехода на сторону противника.

Пока события в Киеве накалялись, Василий Шульгин продолжал интеллектуальную работу. В декабре 1917 года в «Киевлянине» вышел очередной цикл статей журналиста под общим названием «Так было, но так да не будет». В этих статьях Шульгин дал определение украинской идеи как «мазепинской» по аналогии с известным военным деятелем времен Петра I И. С. Мазепой, который перешел на сторону шведского короля Карла XII и воевал на стороне шведов во время Великой Северной войны 1700–1721 гг. Шульгин охарактеризовал «мазепинскую идею» как «ядовитое жало», суть которой заключается в том, «чтобы во время войны передаться на сторону врага и вместе с ним, погубив Россию, осуществить свои самостийные стремления»³⁸. К этой категории его современников он отнес «Союз вызволения Украины», а также украинских социалистов-революционеров. По определению журналиста, именно в тот момент, когда они создали полк имени И. С. Мазепы, это «только подчеркнуло это направление». В совокупности это направление Шульгин назвал «пораженческим». Ссылаясь на брошюру, изданную в Кракове в 1914 году под названием «Великая Габсбургия как результат русско-австрийской войны», политик и публицист пришел к выводу, что автор брошюры еще за три года до этих событий революции предсказал их. Дело в том, что в издании 1914 года была помещена карта «Великой Габсбургии». Согласно этой схеме в состав территории входят все земли Австро-Венгрии, а также территории Южной России, включая Крым, Восточную Украину вплоть до Дона. Журналист указал, что в 1917 году «сделана одна из задач: “Украина” не только отделена от остальной России той чертой, которая показана на карте и является северной границей Малорусских губерний, но по этой черте уже располагается новый русско-русский фронт. Не сделана вторая часть задачи: присоединение Украины к Австро-Венгрии. Почему? Потому ли, что мы еще в 1917 году, а следовательно, не прошло время исполниться пророчеству фон-Октавиуса». Сам же Шульгин сомневал-

³⁸ В. В. Шульгин. Так было, так не будет // Киевлянин, 6 декабря 1917 г.

ся, что создать такое государство возможно по нескольким причинам. Во-первых, в нем бы преобладали славянские народности. Поэтому «если бы такая держава в один прекрасный день под давлением славянского большинства заключила бы тесный союз с Россией, то панславянская идея была бы сразу осуществлена». Именно это является главной причиной, почему такое государство невозможно, поскольку это не соответствует пангерманизму, утверждал Шульгин. Сам же Василий Витальевич не сомневался и в том, что в украинстве есть и те, кто не тяготеет к центрально-европейским державам: «У нас такое ощущение, пока еще не мгущее перейти в полную уверенность, что в украинстве назревают рядом с Венской и Берлинской ориентацией какие-то силы, бессознательно или сознательно тяготеющие к остальному русскому народу и ищущие поддержки в “союзниках”»³⁹.

На протяжении декабря 1917 года киевские интеллектуальные клубы несколько раз пытались совершить попытку обстоятельно-го обсуждения истории терминов «Малая Русь» и «Украина». Одна из наиболее плодотворных попыток состоялась 17 (30) декабря на заседании Киевского клуба прогрессивных русских националистов. На заседании клуба выступил отечественный историк, один из первых исследовавший генезис понятий «Украина», «Великороссия» и «Малая Русь», бывший преподаватель Императорского Университета Св. Владимира в Киеве А. В. Стороженко. Доклад получил название «Малороссия или Украина?» и стал основой для будущей публикации в сборнике «Малая Русь». Один из выводов его доклада гласил: «Впервые особое понимание термина “украина” образовалось в польской науке в 18 веке. Оно было создано искусственно, с целью заглушить русское национальное самосознание у народа, населявшего наш край. Киевская губерния была краем польского государства, поэтому Киевскую губернию стали называть Украиной, а потом стали подыскивать искусственные доказательства тому, что народ, живущий в Киевской губернии, не русский, а народ особый — украинцы»⁴⁰.

Следующий раунд общественных обсуждений перешел на площадку собрания русских избирателей, который поддерживал списки выдвиженцев в Украинское учредительное собрание. В. В. Шульгин возглавлял список № 10 по Подольской губер-

³⁹ В. В. Шульгин. Так было, так не будет // Киевлянин, 8 декабря 1917 г.

⁴⁰ Н. Малороссия или Украина? // Киевлянин, 19 декабря 1917 г.

нии, список № 7 по Волынской губернии и список № 5 по Киевской губернии. На заседании избирателей выступили Шульгин и А. И. Савенко, который выдвигался вторым по Киевской губернии. В своем выступлении Шульгин неоднократно подчеркивал, что украинство как движение имеет две стороны: темную («тень») и светлую («свет»). К темной стороне он отнес желание украинцев отмежеваться от русской национальности и установить украинскую культуру на всех землях, которые контролировались УНР. Одновременно с этим он обозначил и светлые стороны своих идеологических противников. «Светлое в украинстве то, — продолжил журналист, — что в нем есть хотя и должно понимаемый, но все же национализм. **А национализм в наших русских условиях есть единственное движение, сохранившее элемент идеализма**». И далее: «Среди этого разгула себялюбия [так он понимал ценности социализма. — В. Ч.] и эгоизма всякий истинный национализм есть светлое явление, ибо национализм, прежде всего, учит приносить в жертву свое личное “я” человеческому союзу, именуемому нацией». О столкновении с украинскими националистами он сказал следующими словами: «...я вовсе не боюсь искренних украинских националистов. Когда они отпускают положенное число поклонов во славу революции и изрекут установленную порцию анафем по адресу старого режима, искренние украинские националисты поймут, в чем благо нашего родного края и где будущность украинского, или, по нашему произношению, малорусского народа. Вся эта ненависть к Москве исчезнет, как дым, и **обще-русская культура будет строиться двумя потоками одновременно южно-русским и северо-русским, и местные патриотизмы точно расцветят эту культуру невиданной яркостью и блеском**»⁴¹.

Выступавший вслед за Шульгиным Анатолий Савенко отметил, что «коренное население Малороссии есть население русское, и еще никакого особого украинского народа нет и никогда не было». Он обозначил, что жители этого региона считают себя «**русскими Малой Руси**». Для мотивации борьбы блока русских избирателей Савенко отметил, что «**блок в области культурно-национальной под знаком Н. В. Гоголя будет вести борьбу за идеи единства всего русского народа, а в области национально-полити-**

⁴¹ Речь, сказанная В. В. Шульгиным 20-го декабря в собрании русских избирателей // Киевлянин, 22 декабря 1917 г.

ческой под знаменем Богдана Хмельницкого и будет вести борьбу за единство и неделимость Русского государства»⁴².

Неудивительно, почему в рождественском послании читателям «Киевлянина» его главный редактор написал следующие слова: «Вся “Грешная Русь” (некогда бывшая “Святой”) должна от края до края вознести к Богу чудную молитву, которую шептали наши предки, когда после четырехвековой кары за наши распри, междоусобия и споры — в малом, но великом Переяславле, вновь соединилась Единая Русь: *Боже, утверди! Боже, укрепи, чтобы все мы во веки все едины были!*»⁴³

Столкновения на улицах города прекратились. Большевики не смогли взять власть в городе и вынуждены были бежать в Харьков. Здесь прошел альтернативный Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил создание Украинской народной Республики советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Этим решением фактически вновь созданная советская Республика забирала власть у Центральной Рады и Генерального Секретариата, несмотря на то, что военные действия сразу после этого не возобновились. Получив поддержку от СНК РСФСР Народный Секретариат Советской Украины официально считался законной властью над этими территориями.

* * *

Большевики, впрочем, взяли Киев не сразу, поэтому у Шульгина и его сторонников была возможность реализовать свой последний издательский проект перед закрытием «Киевлянина» и отъездом из города. 10 января 1918 года в «Киевлянине» появилась заметка о том, что принимается подписка на новый журнал, который получает название «Малая Русь». Печатный орган носил характер ежемесячного научно-исторического и литературного журнала. Подписка принималась только на январь месяц за 2 рубля. В этой же заметке анонсировали авторский коллектив первого номера и темы статей⁴⁴. Номера журнала не были тематическими, а посвящались исключительно историко-литератур-

⁴² Из речи А. И. Савенко, произнесенной на собрании русских избирателей 20 декабря // Киевлянин, 22 декабря 1917 г.

⁴³ В. В. Шульгин. [Передовица] // Киевлянин, 24 декабря 1917 г.

⁴⁴ Местные известия // Киевлянин, 10 января 1918 г.

ным вопросам. Всего журнал вышел из печати три раза, причем последний номер был отпечатан в другой типографии — в типографии Л. И. Раищиса в 90 доме по Столыпинской улице в Киеве. Тематически похожими являются только первый и третий номера. Второй номер был целиком посвящен событиям в Киеве с ноября 1917 по январь 1918 годов, вплоть до прихода в город большевиков. Во втором номере также были опубликованы некрологи всем погибшим офицерам и солдатам, которые защищали город.

Однако не стоит путать события начала 1918 года со знаменным романом М. А. Булгакова «Белая гвардия». События, описанные в романе, пусть и кажутся похожими с исторической действительностью, но произошли не в начале 1918 года, а в ноябре—декабре 1918 года⁴⁵.

Сам В. В. Шульгин не вспоминал в своих записках о деятельности авторского коллектива и выпуске «Малой Руси». Например, в показаниях 1945 года он сказал, что «моя политическая деятельность в Киеве протекала в условиях, когда там функционировала власть Украинской Рады, в отношении которой я находился во враждебном лагере. Поэтому обстановка, в которой мне приходилось проводить свою политическую деятельность монархического направления, была чрезвычайно сложной. К концу января 1918 г. на Киев наступали войска Красной Армии, и 26 января отряд Красной армии, под командованием бывшего полковника царской армии Муравьева, отбросил петлюровские войска и занял город. Моя деятельность в это время была прервана арестом»⁴⁶. Приблизительно так же он высказывается об этих событиях в своих записках, посвященных 1917–1919 годам, не упоминая об издании «Малой Руси»⁴⁷. Однако в первом номере журнала он так выразился о цели издания: «Восстановлению исторической правды будет, прежде всего, посвящен наш журнал»⁴⁸. Говоря это, сам редактор предполагал, что разница между понятиями «Украин-

⁴⁵ А. В. Ганин. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

⁴⁶ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова. М., 2010. С. 159.

⁴⁷ Подробн. см.: В. В. Шульгин. 1917–1919 / Предисл. и публик. Р. Г. Красюкова, коммент. Б. И. Колоницкого // Лица. Биографический альманах. 1994. № 5. С. 121–328.

⁴⁸ В. В. Шульгин. «Малая Русь» // Малая Русь. 1918. Вып. 1. С. 4.

на» и «Малая Русь» весьма определенная, а территория «Украины» должна называться «Малая Русь», потому что именно так исторически сложилось и именно это название определяет культурную и политическую культуру малорусского человека. Именно доказательству того, что «Малая Русь» и являлась объективным названием Юга России, и был посвящен данный журнал.

***

Цель издания требовала привлечь к написанию текстов наиболее авторитетных и грамотных людей своего времени, проживавших в Киеве. Авторский коллектив всех номеров «Малой Руси» составили известные журналисты, политики, историки, экономисты, профессора нескольких университетов. В числе авторов были: В. В. Шульгин (главный редактор), Е. Г. Шульгина (под именем «А. Ежов»), А. И. Савенко, Н. К. Савенко, А. В. Стороженко, Б. Н. Щеглов, профессор А. Д. Билимович, С. Г. Грушевский (дальний родственник Председателя Центральной Рады УНР М. С. Грушевского), Д. В. Скрынченко, И. А. Линниченко, А. Г. Москвич, К. Бельговский, С. Ольгин, В. Лазаревский, Ю. Кин, А. Кульженко, Г. Нандельштедт. Всех их объединяло, что каждый из них был в той или иной степени связан с В. В. Шульгиным общественной, политической или издательской работой. Кроме того, все представленные авторы «Малой Руси» печатались в газете «Киевлянин» и, конечно, все так или иначе выступали против «украинцев» и были сторонниками единого Российского государства, где Малая Русь являлась ее неотъемлемой частью, а малороссы были одной из ветвей единого русского народа.

Следует немного сказать о каждом из представленных персонажей. Если о В. В. Шульгине нами было уже сказано достаточно, то о других авторах следует рассказать подробнее.

Супруга Василия Шульгина — Екатерина Григорьевна (урожденная Градовская) (1869–1934) не единственная, чье имя не написано в содержании ни одного из номеров журнала. Она публиковала статьи на политические темы под псевдонимом «**А. Ежов**». Она приходилась своему мужу двоюродной сестрой — мать Градовской и мать Шульгина были родными сестрами. Она вышла замуж за Шульгина 20 января 1899 года в Одессе. Екатерина Григорьевна писала политические статьи, работала в тайной организации «Азбука» (1918) и была товарищем председателя общества

«Русь». Попыталась с отрядом Шульгина в 1920 году перебраться в Румынию, однако не смогла этого сделать. Шульгин вместе с сыном отправился в эмиграцию, а Екатерина осталась в Одессе. В 1922 году под именем крестьянки А. К. Тереховой выехала за границу и стала проживать в Белграде. Дала развод Шульгину в 1923 году. 24 апреля 1934 года покончила с собой, утопившись в водоеме. Была похоронена в Люблляне. От брака с Василием Витальевичем родила троих сыновей: Василий (1899–1918, погиб в бою в Киеве в декабре 1918 года); Вениамин (ум. 1920; на его поиски отправился Шульгин в 1921 году в Крым); Дмитрий (1905–1999; служил в РОА и состоял в НТС, оставил потомство). В 2019 году записки Екатерины Шульгиной под названием «Конспект моих политических переживаний (1903–1922)» были опубликованы в московском издательстве «Кучково поле»⁴⁹.

Анатолий Иванович Савенко родился 16 (28) декабря 1874 года в городе Переяславе Полтавской губернии (ныне — Киевская область Украины) в семье старшего урядника Малороссийского конно-казачьего Второго Полтавского полка И. С. Савенко и его жены Анисии Ивановны⁵⁰. Окончил Переяславское духовное училище и Лубенскую гимназию. Высшее образование получил на юридическом факультете Императорского Киевского университета Св. Владимира (1900). С раннего возраста заинтересовался публицистикой, в зрелые годы публиковался в «Киевском слове», «Новом времени», «Вечернем времени», «Московских ведомостях», «Киевлянине». После окончания университета работал присяжным поверенным в Киевском окружном суде, а позже стал управляющим водными перевозками по Днепру, Десне, Дунаю и Днестру. Итоги своей работы на посту обобщил в «Путеводителе по Днепру и Десне от Киева до Екатеринослава и Чернигова» (1902). Тогда же женился на оперной певице (сoprano), дочери статского советника Надежде Константиновне Новоспасской (1877–1962). В 1918 году в журнале «Малая Русь» она тоже стала одним из авторов под фамилией мужа. Она преподавала в Народной консерватории и выступала в Киевской опере (до 1907 года). Выступала в парах с Ф. И. Шаляпиным, В. А. Лос-

⁴⁹ Е. Г. Шульгина. Конспект моих политических переживаний (1903–1922) / Подг. текста, предисл., comment. А. А. Чемакина. М., 2019.

⁵⁰ А. А. Иванов. А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста // Русский исторический сборник / Гл. ред. В. М. Лавров. Т. 2. М., 2010. С. 147–167.

ским и другими известными исполнителями. В браке с Новоспасской у Савенко родилось четверо детей (Борис, Татьяна, Ирина и Наталья). Ирина Анатольевна в будущем напишет воспоминания об отце под названием «Во сне и наяву». В 1905–1907 годах в Киеве А. И. Савенко основал «Партию правого порядка», которая объединяла сторонников сильной монархической власти. В будущем ее члены перешли к ультраправым партиям (Союз Русского Народа, Русский народно-монархический союз им. Михаила Архангела) и в «Союз 17 октября», в результате чего партия распалась. Весной 1908 года он вместе с профессором Императорского Киевского университета, доктором медицины В. Е. Черновым основал Киевский клуб русских националистов, ставший главной дискуссионной площадкой русских монархистов в городе. Был постоянным автором газеты «Киевлянин», освещал «дело Бейлиса», а также писал публицистические статьи об «украинстве» и борьбе с украинизацией края. В ноябре 1912 года вошел в состав фракции русских националистов и умеренно правых в Государственной Думе III созыва. Стал депутатом и в 1914 году, но во время Первой мировой войны оказался во фракции прогрессивных националистов. Во время революции 1917 года не был арестован, а наоборот, выполнял поручения Временного комитета Государственной Думы, в частности сопровождал проживавших в Киеве Романовых к новому месту проживания в Крыму. Тогда же переименовал свой клуб в «Киевский клуб прогрессивных русских националистов» и активно сопротивлялся попыткам «украинцев» создать свою власть в регионе. В годы Гражданской войны перешел на сторону белых, а в августе 1919 года стал во главе Киевского отделения ОСВАГа (Осведомительного агентства) после захвата города белыми частями. В годы войны активно публиковал статьи и брошюры по малорусскому вопросу. Например, издал статью «К вопросу о самоопределении населения южной России» (1919) и написал брошюру «Украинцы или малороссы? (Национальное самоопределение населения Южной России)» (1919). Скончался в 1922 году в Крыму, после возвращения из эмиграции, где двумя годами ранее похоронил сына Бориса. В одной из публикаций в газете «Вечерний Киев» за 1927 год, где были преданы огласке ранее не опубликованные «записки» А. И. Савенко, его характеризовали так: «Видный оратор, журналист и депутат Государственной думы — идеолог дворянско-помещичьего класса. Друг Шульгина. Пламенный организатор

и вдохновитель дела Бейлиса и многих других “дел”. Автор реакционных брошюр (напр. «Украинцы или малороссы?»). Знаменитый начальник денкинского “агитпропа” — ОСВАГа. Жалкий эмигрант на острове Халки. Такова карьера этого гвардейца во фраке, заглушавшего когда-то своим зычным голосом крамольные речи думских ораторов»⁵¹. Его супруга, Надежда Константиновна, пережила мужа на 40 лет и скончалась 2 февраля 1962 года в Чимкенте Казахской ССР в возрасте 85 лет (ныне — Шымкент, Республика Казахстан).

Одним из немногих историков в авторском коллективе «Малой Руси» являлся бывший преподаватель Императорского Киевского университета Св. Владимира А. В. Стороженко. Ныне украинские историки предпочитают относить его к своим историкам, однако его убеждения и позиции далеко не во всем сочетаются с идеей украинской идентичности. Андрей Владимирович происходил из казацко-старшинского рода Стороженко и родился в Великой Круче Пурятинского уезда Полтавской губернии 12 августа 1857 года. Он стал старшим ребенком в семье отставного подпоручика Лейб-гвардии Семеновского полка Владимира Андреевича Стороженко и его супруги Варвары Андреевны (урожденной Александрович). Семья относилась к крупным помещикам Полтавской губернии, владела имениями в Царстве Польском и домами в Киеве. В будущем у Андрея Владимировича родились брат и сестра: Мария Владимировна (род. 1859) и Николай Владимирович (1862–1944). Последний, как и сам Андрей, стал впоследствии известным историком и педагогом. Получил образование в Катковском лицее в Москве, но из-за болезненного состояния брата семья была вынуждена переехать на юг, и Стороженко окончил историко-филологический факультет Императорского Киевского университета Св. Владимира с золотой медалью (1879). Научным руководителем Стороженко был славист и профессор университета А. А. Котляровский. Преждевременная смерть Котляровского осенью 1881 года не дала возможности Стороженко защитить магистерскую диссертацию и осталась при университете. С 1881 года являлся действительным членом Исторического общества Нестора Летописца. В 1882 году женился на дочери действительного статского советника и помещика Марии Патрикеевне Ильяшенко (род. 1873), в браке с кото-

⁵¹ И. А. Савенко. Наяву — не во сне: Роман-воспоминание. Киев, 1990. С. 9.

рой имел троих детей: Владимира (род. 1896), Якова (род. 1898) и Андрея (род. 1900). После окончания университета переехал в Полтавскую губернию, где занимался вопросами земства, занимая должность почетного мирового судьи Переяславского уезда. К 1912 году он возглавил Переяславское уездное дворянское собрание. В начале XX века был директором Киевской первой гимназии, после чего на этом посту его сменил младший брат Николай. С 1908 года являлся членом Киевского клуба русских националистов. Несмотря на большую занятость в земстве, постоянно занимался научной работой. Публиковался в журнале «Киевская старина», изданиях Исторического общества Нестора Летописца, писал книги. Так он написал труды об истории собственного рода, о Стефане Батории (1904), истории переяславской земли (1900) и т. д. По итогам одного из докладов в Киевском клубе русских националистов в 1911 году опубликовал брошюру «Происхождение и сущность украинофильства», в которой доказал, что украинство — это движение, происходящее из германских земель и являющееся следствием немецкой пропаганды в регионе. Известный публицист М. О. Меньшиков тогда же назвал украинское движение «мазепинской опасностью»⁵². Кроме того, сам Стороженко посчитал, что Михаил Грушевский и его сторонники выступают за защиту прав еврейского населения в регионе. В докладе он недвусмысленно намекнул: «не скрываются ли под некоторыми “украинскими” псевдонимами злобные сыны Иуды?». Такая активная печатная активность Стороженко, видимо, и стало причиной, почему он был приглашен одним из авторов шульгинского сборника. В сборнике он опубликовал статью «Малая Россия или Украина?», которая потом была переиздана в Ростове-на-Дону в 1919 году. Когда Стороженко отправился в эмиграцию, точно неизвестно, но он опасался расправы большевиков, которые, захватив город в начале 1919 года, получили список действительных членов Клуба прогрессивных русских националистов. По одной из версий, в 1922 году он оказался в Польше, но потом переехал в Берлин, как делали многие эмигранты дворянского происхождения. В 1925 году в Берлине была опубликована его последняя книга «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям» с предисловием

⁵² М. О. Меньшиков. Могильщикам России // М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 1999. С. 442–447.

князя А. М. Волконского. В этой книге историк сказал следующее об украинцах: «“Украинцы” — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою “русскость” и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, но только не русским. ... Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: *Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский*. Сын их, он бешено кричит: “Ганьба!” (“Позор!” От польск.). Это объясняется тем, что многие из “украинцев” по тупости и невежеству полагают, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России»⁵³. Дата и место смерти Стороженко остаются неизвестными до сих пор.

Младший брат во многом повторил судьбу старшего: стал членом Клуба националистов, был историком и педагогом, дослужился до чина действительного статского советника, публиковался в научных журналах, однако крайне редко выступал по вопросам малороссийской идентичности. По этой причине он не стал автором «Малой Руси». Сам Николай Владимирович иронизировал, что они с братом «будто поменялись судьбами — то, что предназначено было сделать ему — стать педагогом, сделал я, а он — земским деятелем; хотя оба мы на всю жизнь сохранили приверженность исторической науке». Николай Владимирович умер в эмиграции во Франции в 1942/1944 годах⁵⁴.

Еще одним историком, ставшим автором «Малой Руси», был преподаватель, профессор и общественный деятель Иван Андреевич Линниченко (1857–1926). Его жизненный путь, казалось, был предопределен. Отец Ивана Андреевича Андрей Иванович Линниченко (1822–1888) был известным отечественным ученым, славистом, историком литературы, профессором Нежинского лицея, доцентом кафедры истории всеобщей литературы Императорского Киевского университета Св. Владимира и директором Фунду克莱евской женской гимназии. Его учебники и курсы лек-

⁵³ Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 250–251.

⁵⁴ Подробно см.: М. В. Стороженко. З мого життя: (Спогади) / Упор. В. Ульянівський. Київ, 2005; Н. Пазюра. До біографії Миколи Стороженка: Київська Перша гімназія та її соціокультурне середовище // Історіографічні дослідження в Україні. 2006. Вип. 17; Н. Пазюра. Микола Стороженко у світлі своїх спогадів // Історіографічні дослідження в Україні. 2008. Вип. 19. С. 229–239.

ций неоднократно переиздавались и считались ценными в преподавании истории литературы и поэзии. По матери Линниченко был внуком профессора Киевской духовной академии и Университета Св. Владимира И. М. Скворцова. Сам Линниченко обучался в 1-й Киевской гимназии, а позже поступил в Киевский университет, по окончании которого оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1884 году защитил магистерскую диссертацию по теме «Взаимные отношения Руси и Польши» и стал приват-доцентом Новороссийского университета. Одновременно он занимал аналогичный пост в Императорском Московском университете. В 1894 году защитил докторскую диссертацию по теме «Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв.». С 1898 года — ординарный профессор Новороссийского университета. На протяжении многих лет Линниченко являлся активным участником международных исторических конгрессов (1903–1913). Одновременно с этим он получил звание академика в Krakowskoy akademii nauk (1901), а в 1913 году стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Он преподавал в нескольких учебных заведениях и одновременно **активно участвовал** и возглавлял разные научные кружки и объединения. Несмотря на то, что основным предметом его научных изысканий являлась Галицкая Русь в Средние века, некоторые свои работы он посвящал и современному положению на Украине, впрочем, это он делал нечасто. Он был лично знаком с лидером украинского движения М. С. Грушевским. Это знакомство во многом заставило его воспользоваться своим положением и выступить с детальным разбором основных положений своего коллеги. В 1917 году он опубликовал провокационную работу под названием «Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо профессору Грушевскому». Эта работа во многом была навеяна политическим моментом, но первые вопросы к Грушевскому, по личному признанию Линниченко, у него возникли еще в 1904 году по поводу публикации в журнале «Статьи по славяноведению» работы Грушевского о новой схеме истории восточного славянства. Основные выводы своей работы, в которой Линниченко детально разобрал основные идеи украинского движения, он обозначил в нескольких пунктах. В отличие от националистов и политиков, Линниченко более академично подошел к анализу положений движения «украинства», пожалуй, он даже сделал первую серьезную научную критику положений их полити-

ческой программы, поэтому приведем его слова полностью, потому что они заслуживают большого внимания:

«1) Наша нынешняя задача — создать не силой, а убеждением сплоченную *нацию* из всех народов, составляющих наше государство.

2) При национальном единстве в *правовом* государстве местные племенные интересы не пострадают; при сознательной, дружной работе для одной общей цели все местные особенности могут беспрепятственно развиваться. Что может иметь правовое государство против развития местного языка, местных обычаяев, против религиозных обрядов отдельных национальностей?

3) Ярые националисты исходят из утверждения, что все добытки местного хозяйства должны идти только на нужды исключительно своих.

Но ведь государство дает защиту всем, оно страхует безопасность отдельных частей, отдельных лиц; средств местных органов недостаточно для такой страховки, и они, не имея возможности принять на страх имущество и жизнь своих сочленов, перестраховывают их у государства — более крупного страхового общества.

4) Народная масса к вопросам политическим, формам общегосударственного и местного устройства, совершенно равнодушна. Для нее самые важные вопросы жизни — вопросы экономические. А естественно, что только в крупном государстве такие вопросы могут получить наиболее благоприятное для народа разрешение (например, при насыщении данной территории населением — эмиграция в другие области государства).

5) История не идет назад. Фантазерам утопистам мерещится возрождение старой Гетманщины, в которой якобы население жило на совершенно демократических началах и благоденствовало. Такие фантазеры очень плохие историки. Хорошо демократическое устройство с бесконтрольной старшиной во главе, собравшие колоссальные *latifundia*, на которых работало в сущности те же крепостные — посполитые!

6) Земли, занятые малорусским населением, очень обширны; у них нет общих экономических интересов; такие интересы отдельные области Малороссии имеют с близлежащими областями, занятymi родственными и неродственными народами, населяющими Русь, а поэтому автономия на исключительно пле-

менных началах пошла бы во вред экономическим интересам местного населения.

Автономия Малороссии, занимающей огромный район, ослабила бы единство и мощь всего Государства, особенно теперь в его тяжелые минуты, и надолго после войны, когда нам придется переживать долгий экономический кризис, вызванный теперешней ужасной борьбой народов, а узкие местные патриоты, для которых вопрос власти, личного самолюбия выше интересов народа, стали бы употреблять все силы к обострению отношений отдельных ветвей русского народа, тормозили бы стремление к созданию из наших отдельных этнографических элементов одной нации»⁵⁵.

Как справедливо отметил одесский исследователь А. Музычко, М. С. Грушевский не ответил на это письмо, даже несмотря на то, что лично знал Линниченко⁵⁶. К слову сказать, реакция «украинцев» на это письмо, которое по объему соответствовало небольшой брошюре, неизвестна. Вероятно, что большинство ее просто не читало, а украинские политики просто решили ее проигнорировать. Как отмечает биограф Линниченко А. А. Непомнящий, на протяжении всех 1917–1918 гг. профессор жил в Одессе и преподавал в университете. Только после прихода в город большевиков в 1919 году Линниченко переехал на территорию Крыма, где и встретил окончание Гражданской войны. Он очень тяжело переживал победу большевиков и в оставшиеся годы ничего не публиковал. Единственный труд, над которым он работал последние годы, был «День русского профессора (брюзжание контрреволюционного профессора)», который так и остался в рукописи. Последние годы он работал в Таврическом университете и осуществлял работу с библиотеками бывших имений южного побережья Крыма. Скончался известный историк 9 июня 1926 года, оставив богатое, но не опубликованное на сегодняшний день наследие в виде записок, дневников и очерков, хранящихся в Государственном архиве Республики Крым⁵⁷.

⁵⁵ И. А. Линниченко. Малорусский вопрос и автономия Малороссии: Открытое письмо проф. М. А. Грушевскому. Пг.; Одесса, 1917. С. 39–40.

⁵⁶ Подробн. см.: А. Музычко. Профессор и революция: общественно-политические взгляды И. А. Линниченко в 1917–1920 годах // Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2013. Т. 16. С. 266–280.

⁵⁷ А. А. Непомнящий. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время. 2014. № 2 (16). С. 223.

Еще один ученый, ставший автором «Малой Руси», был не историком, а экономистом. Это был Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963). В отличие от многих знакомых Шульгина, известный экономист был его родственником. Александр Дмитриевич был женат на родной сестре журналиста Алле Витальевне, с которой прожил многие годы и от которой имел детей. Он также окончил Киевский университет (1900) и оставлен при кафедре для получения ученой степени. Тогда же он стал приват-доцентом. Последовательно в 1909 и 1915 гг. защитил магистерскую и докторскую диссертации и возглавил кафедру политической экономии и статистики. При защите докторской диссертации, которая была посвящена «Подъему товарных цен в России», его основным оппонентом стал другой видный экономист, политик и общественный деятель П. Б. Струве. На протяжении многих лет профессор Билимович написал множество экономических работ и посещал с научными целями разные страны, где работал и встречался с многими известными экономистами и политиками своего времени. В частности, во время своей командировки в Германию и Францию в 1905–1907 гг. он посетил университет в Тюбингене, где слушал лекции ведущих экономистов Германии. Во многое его поездки за границу и определяли его научные интересы — большая часть работ Александра Дмитриевича посвящена теории распределения, хозяйственным благам, хозяйственному устройству, причем в первую очередь России и Германии. Кроме того, Билимович был активным публицистом. Родство с Шульгиным позволило ему публиковать публицистические и научно-популярные очерки по развитию сельского хозяйства в Малороссии на страницах «Киевлянина». Политические позиции Билимовича были близки позициям русских националистов, хотя сам он не особо активно принимал участие в общественной жизни правых. Однако его статьи по духу были похожи на работы Линнченко, в которых он аналитически пытался показать, что нововведения в области владения землей, принятые большевиками, не соответствуют особенностям края. Например, по поводу закона о социализации земли, принятого Малой Радой УНР, Билимович написал: «Лишение частной собственности на землю всей массы крестьянства и превращение их во временных арендаторов общинных земель с периодической переверсткой участков, с отнятием участков у одних и передачей их в пользование других, может быть, посторонних данному обществу лиц, — вызовет резкое нарушение

всех установившихся в крестьянских массах отношений. Переход к такому аграрному строю, если бы он произошел в действительности, сопровождался бы массовыми крестьянскими междуусобиями. Во время их в первую очередь были бы разграблены более многоземельные и зажиточные крестьянские хозяйства, затем этот погромный процесс, переходя со ступеньки на ступеньку, будет разрушать все большее число крестьянских хозяйств». Поэтому единственной надеждой Билимовича в этом вопросе была мечта «в гораздо меньшей силе различных декретов и законов»⁵⁸. Видя введение отдельных от общероссийских денежных знаков на территории УНР, Билимович предрек снижение платежного баланса и увеличение инфляции: «Появление сепаратных денег еще более усилит наплыv в стране денежных знаков. Множественность денег присоединится в качестве дополнительного фактора к той окончательной гибели рубля, к которой привела политика Временного Правительства, которую довершает сейчас разграбление государственного банка большевиками. Мы присутствуем сейчас при следующем процессе: поток падения рубля разбивается на отдельные брызги, которые еще легче покатятся в бездну обесценения, как на международном, так и на внутреннем рынках. И даже сокращение военных расходов, связанное с демобилизацией, может не спасти рубля»⁵⁹. Александр Дмитриевич предрекал и то, что появление новых денежных знаков в одном регионе не будет способствовать тому, что у населения появится желание платить налоги в украинскую казну. Как следствие — возможная анархия в хозяйстве приведет к сокращению спроса на украинские деньги и, как следствие, к их обесцениванию⁶⁰. Поэтому если Билимович и был противником украинской власти и провозглашения независимости Украины, то по той причине, что это приведет к экономической деградации региона и к разрушению его хозяйства. Во многом по таким причинам Шульгин доверил «экономический» блок журнала «Малая Русь» именно Билимовичу. В журнале он опубликовал статьи, посвященные вопросам хозяйства в регионе. В момент создания Украинского университета в Киеве Билимович не покинул родной ему Университет Св. Владимира.

⁵⁸ А. Д. Билимович. Социализация земли // Киевлянин, 21 декабря 1917 г.

⁵⁹ А. Д. Билимович. Украинские бумажные деньги (I) // Киевлянин, 10 декабря 1917 г.

⁶⁰ А. Д. Билимович. Украинские бумажные деньги (II) // Киевлянин, 12 декабря 1917 г.

димира. В. В. Зеньковский, ставший одним из 10 профессоров, перешедших в Украинский университет, сказал, что их отношения с консервативными профессорами особенно сильно осложнились именно по национальному вопросу. Самого же Билимовича Зеньковский охарактеризовал как «боевого лидера» консервативной профессуры⁶¹. Не скрывал Александр Дмитриевич и своего отношения к Украинской Державе. Когда Зеньковский захотел узнать его мнение, как изменятся их отношения, если последний займет пост товарища министра народного просвещения в правительстве П. П. Скоропадского, то Билимович сказал: «Я не скрою от Вас, что борьба моя с Вами станет еще острее»⁶².

Сам же Зеньковский был убежден, что экономист Билимович очень сильно влиял на взгляды самого Деникина. В 1919 году он принял участие в работе Особого Совещания, где возглавлял управление земледелия и землепользования, а также принимал участие в Комиссии по национальным делам. В рамках работы он опубликовал несколько брошюр, распространенных на юге России: «Революция, большевики и хозяйство России» (1919) и «Деление Южной России на области» (1919). В первой брошюре Билимович доказывал, что почти в каждом секторе хозяйства произошли «явления анархии»: в сельском хозяйстве требовалось проведение земельной реформы и «проведение в жизнь широких мер для поднятия сельскохозяйственной культуры»; в промышленности требуется восстановление предприятий, восстановление порядка в хозяйстве и ремонт оборудования; железным дорогам требуется восстановление и ремонт подвижного состава и улучшение качества и количества топлива для постоянных перевозок; в торговле требуется скорейшее восстановление единого рынка и «духа свободной торговли»; в финансовой сфере требуется прекращение беспорядочной печати денег для стабилизации единой валюты⁶³. Исходя из своего представления об экономической связи между регионами, Билимович в своей второй брошюре предложил разделить регионы юга не по этнографическому признаку, а по экономическому, так, чтобы они имели крепкие внутренние связи.

⁶¹ Воспоминания В. В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вороноеводствий в составе правительства гетмана П. П. Скоропадского. С. 229.

⁶² Там же. С. 242.

⁶³ А. Д. Билимович. Революция, большевики и хозяйство России. Ростов-на-Дону, 1919. С. 16–25.

Когда белое движение проиграло на фронтах гражданской войны, Билимович отправился в эмиграцию вместе с женой, детьми и своими родственниками. В эмиграции он работал в Люблянском университете. С 1948 года он работал в Калифорнийском университете в Беркли, преподавая экономическую теорию и историю отдельных экономических регионов Старого Света. Написал книги по кооперации, о влиянии пятилеток на экономическое развитие СССР, а также о том, какая должна быть экономический строй государства после падения власти большевиков. Скончался Александр Дмитриевич в Монтерее (Калифорния, США) 21 декабря 1963 года. Его внучка Ольга Матич сегодня является профессором Калифорнийского университета и преподает культурологию.

Другой автор «Малой Руси» известен как богослов, публицист и историк Русской православной церкви. Это был выпускник Казанской духовной академии (1901) Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874–1947). Происходивший из духовного сословия, Дмитрий Васильевич сразу выбрал для себя богословское и духовное образование. Уроженец села Песковатка (Воронежская губерния), он окончил Задонское духовное училище и обучался в Воронеже сначала в духовном училище, а потом в духовной семинарии. В Казани он работал под научным руководством профессора В. И. Несмелова и написал работу «Ценность жизни по современнно-философскому и христианскому учению», за которую получил степень кандидата богословия. Впервые в русской философии перевел с древнегреческого работу неоплатоника, представителя Александрийской школы неоплатонизма Немесия Эмесского «О природе человека». Несмотря на то, что он считается первым переводчиком, издание 1904 года вышло в переводе Ф. С. Владимира в типографии Почаево-Успенской Лавры. На сегодняшний день биография Скрынченко является достаточно исследованной, поэтому основные вехи его жизни мы приводим по изданию В. Б. Колмакова. Работал в Пермской духовной семинарии, где совмещал преподавательскую деятельность с работой в Пермской губернской ученой архивной комиссии по истории древностей Пермской губернии. Позже работал в Минской духовной семинарии. Здесь же, в Минске, стал заниматься активной издательской деятельностью и публиковать статьи по проблемам богословия и истории русской церкви. Возглавлял издание «Минских епархиальных ведомостей» и «Минского слова». Стоял на пози-

циях консерватизма. Сам себя позиционировал как «правый националист»⁶⁴. Он поддерживал концепцию о том, что в Белоруссии существовал единственный язык и основанная на нем литература. Этот язык он считал русским. В 1907 году Скрынченко вошел в состав создаваемого Минского отдела Русского Собрания, а еще ранее на основе «Русского предвыборного комитета» во II Государственную Думу создал Русский окраинный союз. Союз был одним из немногих правых организаций региона. Еще через некоторое время Дмитрий Васильевич создал в Минске отдел Всероссийского национального союза — правой политической партии, на которую опирался в своих преобразованиях П. А. Столыпин⁶⁵. В выборе своих политических союзников Скрынченко всегда отстаивал русские интересы в первую очередь. Поэтому когда шла избирательная кампания в Государственную Думу IV созыва, Скрынченко вместе с Шульгиным выступали за то, чтобы не вступать в блок с поляками. Этот блок мог только навредить победе на выборах и «общему делу»⁶⁶. Во всех других вопросах он отстаивал позицию русского национализма. В 1913 году переехал в Киев, где работал во II Киевской мужской гимназии. Тогда же начинает активно сотрудничать с «Киевлянином» и его сотрудниками. По всей видимости, тогда же его приняли в Киевский клуб русских националистов. В годы Первой мировой войны он был активным противником предоставления особых прав польскому населению в России, а также старался блокировать в печати и по своим каналам возможность их расширения⁶⁷. В отличие от Линниченко, Скрынченко рассматривал революцию 1917 года как катастрофу, а падение монархии — как огромную беду для России. Также, в отличие от других авторов «Малой Руси», Скрынченко освещал события Всероссийского Поместного Собора в «Киевлянине». В 1918 году он принял участие во Всеукраинском церковном соборе, являясь его противником⁶⁸. Зеньковский характеризовал

⁶⁴ В. Б. Колмаков. С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни. Воронеж, 2012. С. 92.

⁶⁵ В. Б. Колмаков. Указ. соч. С. 119–120; С. М. Санькова. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.

⁶⁶ С. М. Санькова. Указ. соч. С. 193.

⁶⁷ В. Б. Колмаков. Указ. соч. С. 263.

⁶⁸ Воспоминания В. В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вероисповеданий в составе правительства гетмана П. П. Скоропадского. С. 313.

Скрынченко как «одного из наиболее “черных”, хотя и искреннее религиозных, деятелей антиукраинской группы»⁶⁹. Богослов был одним из противников «украинизации» богослужения и выступал резко против автокефалии церкви на территории Малороссии, о чем мечтали некоторые националисты. В годы Гражданской войны почти постоянно проживал на территории Киева. Не был подвергнут аресту и не попал в списки Киевской ЧК (одно из объяснений состоит в том, что его имени не было в списках Киевского клуба, то, что он переехал в Киев только в 1913 году). В феврале 1920 года он переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где проживал в городе Нови-Сад. В эмиграции преподавал в сербских гимназиях, а также активно участвовал в церковной жизни Зарубежной Церкви. Последним местом службы была организация «Общество по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». 30 марта 1947 года скончался в Нови-Саде и похоронен на Успенском кладбище.

Среди авторов «Малой Руси» был и дальний родственник лидера «украинского» движения М. С. Грушевского, Сергей Григорьевич Грушевский (1892–1937). Он был сыном Григория Николаевича Грушевского (1840–1913) и его супруги Ольги Владимировны (урожденной Ранцовой), по происхождению великорусской. Григорий Николаевич закончил Киевскую духовную семинарию, а с 1900 года служил псаломщиком Свято-Троицкой церкви в Чигиринском уезде Киевской губернии. Григорий Николаевич был сторонником своего родственника М. С. Грушевского, а вот его сын путь отца не повторил. Крестным Сергея Григорьевича украинские историки считают самого Михаила Грушевского. Сергей Григорьевич в 1909 году окончил Златопольскую мужскую гимназию с золотой медалью. Во время его обучения там работал один из будущих лидеров украинского движения В. К. Винниченко. Позже он поступил на историко-филологический факультет Университета Св. Владимира в Киеве. Сразу же он активно включается в движение русских националистов — вошел в местное общество «Двуглавый орел», которое отстаивало антиукраинские и антисемитские позиции. В 1916 году он женился на Ольге Левитской, которая тоже происходила из Чигиринского уезда. В 1917 году он открыто поддерживал В. В. Шульгина и его сторонников. От Внепартийной группы русских избирателей вы-

⁶⁹ В. Б. Колмаков. Указ. соч. С. 265.

ставил свою кандидатуру на выборах в Киевскую городскую думу и даже стал городским гласным. В начале 1918 году Шульгин предложил ему участвовать в сборнике «Малая Русь» и Грушевский принял предложение. В других националистических газетах выступал крайне редко.

В дальнейшем в его мировоззрении произошли изменения, но причины этому найти и указать трудно. В Гражданской войне он фактически не участвовал, а после ее окончания (1921) начал работать в Институте народного образования имени III Интернационала, который был открыт на месте закрытой Златопольской гимназии. Позже он переехал в Полтаву на должность инспектора народного образования. В 1920-е годы ему пришлось тяжело, т. к. в одной из старых монархических газет была найдена ранняя публикация Грушевского. Только после того, как он покаялся в этом в местной прессе, ему позволили стать деканом Института народного образования в Луганске. Научными интересами его были истории отдельных краев Украины (в частности Луганщина), по прошлому которой он написал несколько статей, одна из которых была посвящена оккупации региона немцами в 1918 году. В 1930 году он переехал на Кубань, где получил должность заведующего кафедрой истории Краснодарского педагогического университета. Он стал поддерживать украинское движение, написал книгу «План украинизации Северо-Кавказской аграрно-педагогического института Н. А. Скрипника». В 1933 году он был арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации «Союз Кубани и Украины» и проходил по делу «Союза освобождения Украины». Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. 3 ноября 1937 года он был расстрелян в уочище Сандармох в Карелии. Родным сообщили, что ему был добавлен еще один срок заключения на 10 лет, а позже объявлено, что он умер в местах заключения в 1948 году. Реабилитирован за отсутствие состава преступления лишь 8 августа 1960 года⁷⁰. Как родственники репрессированного были арестованы отец Григорий Николаевич, который к тому моменту, по версии его противников, по настоянию жены перестал поддерживать «украинцев» и перешел в Украинскую православную автокефальную церковь, и его брат Лев Григорьевич. Известно, что Григорий Ни-

---

⁷⁰ О. Кучерук. Сергій з роду Грушевських // Радио Свобода: www.radiosvoboda.org/a/24820336.html.

колаевич был репрессирован в 1938 году, а судьба Льва Григорьевича неизвестна. Вероятно, он был тоже репрессирован, а его дело за отсутствием состава преступления пересмотрено в 1963 году по настоянию жены⁷¹.

В работе над сборниками «Малая Русь» принимали участие и целый ряд журналистов из команды «Киевлянина». Лишь о нескольких из них удалось найти достаточную информацию.

Александр Григорьевич Москвич (р. 1894) являлся сыном известного в конце XIX — начале XX в. автора и издателя путеводителей и путешественника Г. Г. Москвича. Он стал работать в «Киевлянине» и в 1917–1918 гг. был активным сторонником В. В. Шульгина и других националистов. Но в нем проснулся «себлазн», как писал сам Шульгин. В итоге он перешел на сторону большевиков, а в 1924 году выдал подпольную организацию «Центр действия», куда внедрился, работая в ЧК. После переехал в Гомель, где работал в административном аппарате Белорусской железной дороги. В 1937 году репрессирован⁷².

Другой журналист, Константин Бельговский, тоже вышел из «команды Шульгина». В годы Гражданской войны он в 1919 году редактировал газету «Сын Отечества» (Одесса). Позже оказался в эмиграции в Чехословакии. Был членом Союза русских писателей и журналистов, директором агентства Центропресс. В 1920–1930-е гг. занимался активной публицистической деятельностью, печатался во многих изданиях русской эмиграции. Во время окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. арестован и депортирован в СССР. Дальнейшая судьба Бельговского неизвестна⁷³.

Биографию Бориса Николаевича Щеглова (род. 1893⁷⁴) восстановить еще труднее. Был сотрудником газеты «Киевлянин». В 1917 году активно участвовал в деятельности Внепартийного блока русских избирателей, во встречах с избирателями и агитаци-

⁷¹ В. Ф. Семистяга. Маловідома сторінка з родову Грушевських. Лев Григорович Грушевський // Реабілітовані історію: У 27 томах. Луганська область: У 3 кн. Кн. 3. Луганськ, 2008. С. 34–36.

⁷² Л. И. Лысова. Неизвестные страницы жизни автора путеводителей по Крыму Г. Г. Москвича // West-East. 2016. № 9. С. 111–112, 120.

⁷³ Константин Бельговский // Балтийский архив: www.russianresources.lt/archive/Belg/Belg_0.html.

⁷⁴ В общем избирательном списке Борис Николаевич Щеглов идет № 11. На момент избирательной кампании ему исполнилось 24 года: Список третий вне-партийного блока русских избирателей // Киевлянин, 15 июля 1917 г.

онной работе за русских националистов. После городских выборов 1917 года стал гласным городской думы. Учился в Университете Св. Владимира и как стипендиат остался при университете для получения ученой степени⁷⁵. Других данных о Щеглове пока найти не удалось.

Еще об одном журналисте, Сергеем Ольгине, тоже почти ничего неизвестно. В мае 1917 года он тоже вступил в дискуссию об «украинстве» на страницах «Киевлянина». Тогда он написал статью «Ходатайство Украинской Рады». В этой статье были следующие слова: «Итак, под шумок, явочным порядком украинцы хотят провести автономию Малороссии в жизнь. Нельзя не назвать все это иначе, как грандиозной подтасовкой общественного мнения Малороссии. С обычной своей развязностью украинцы говорят от имени 35-миллионного малорусского народа, сильно напоминая в этом отношении пресловутый союз русского народа, тоже очень любивший говорить от имени миллионов. <...> Но, впрочем, можно ли ждать теперь от украинцев, совершенно ослепленных победами своего шовинизма, благоразумия? Думаю, что нельзя»⁷⁶. Впрочем, пока это единственный источник, упоминающий Ольгина. Поиски продолжаются.

Владимир Лазаревский (род. 1897) также являлся сотрудником «Киевлянина» и принадлежал к дворянскому сословию. В 1914 году окончил курс Императорской Александровской Киевской гимназии. С 1916 года — вольноопределяющийся 1-го разряда в Алексеевском артиллерийском училище. За бой 27 декабря 1916 года награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». Дослужился до звания поручика инженерных войск. В годы Гражданской войны был на стороне белого движения. Зачислен в штаб генерала Ломновского в Киеве в ноябре 1918 года. Работал в ОСВАГе (сначала в Одессе, позже — в Киеве), был начальником информационной части Киевского ОСВАГа с 11 сентября 1919 года. Эвакуировался из города вместе с отрядом В. В. Шульгина. Дошел до Одессы, где в январе 1920 года вступил в уличный бой с большевиками. В составе

⁷⁵ Съезд русских избирателей Киевской губернии // Киевлянин, 17 октября 1917 г.

⁷⁶ Киевлянин, 17 мая 1917 г.; фрагмент также приведен в книге украинского историка Стефана Машкевича: С. В. Машкевич. Киев 1917–1920. Том 1. Прощание с империей. Киев, 2019 // ЛитРес: www.litres.ru/stefan-mashkevich/kiev-1917-1920-tom-1-proshchanie-s-imperiei/?track=from_all_books_my.

отряда полковника Стесселя совершил поход до румынской границы, перешел ее, но был вынужден перейти границу обратно. Был старшим офицером роты, поэтому свое звание был вынужден скрывать. В 1920 году занимался разведывательной деятельностью на территории Украины по заданию помощника П. Н. Врангеля. 5 ноября 1920 года уволен в отставку и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. Вместе с В. В. Шульгиным отправился в Крым для поисков его сына. После возвращения в эмиграцию проживал в Польше. Стал соавтором В. В. и М. Д. Шульгиных в романе «1921 год»⁷⁷. Был секретарем Шульгина. Окончил русский юридический факультет в Праге. Стал выпускающим редактором газеты «Возрождение» (Париж). Автор сборника «Свободный голос». В 1947 году основал газету «Русская мысль» (Париж). В эмиграции состоял в объединениях: Российский национальный союз, Общество окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ), Национальное объединение российской молодежи, Русский национальный комитет. Скончался 24/25 августа 1953 года в Ницце. Похоронен на русском кладбище Кокад⁷⁸.

Личность ряда журналистов установить пока не удалось. Среди них: Ю. Кин, А. Кульженко, Г. Нандельштедт. Не исключено, что кто-то из них мог использовать псевдонимы при написании статьи в «Малую Русь».

---

⁷⁷ А. А. Чемакин. «Крымская экспедиция» В. В. Шульгина и книга «1921 год» // В. В. Шульгин. 1921 год / Сост. А. А. Чемакин. М., 2018. С. 8–10, 43.

⁷⁸ Незабытые могилы. Российское зарубежье : некрологи 1917–2001 : в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. Т. 4. Л. ; М., 2004. С. 31.

Саймон Джонс (Simon Jones)

ПРАВИЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО ДЛЯ БОЛЬШЕВИКОВ: БРИТАНСКОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ВОЗДУШНОГО ДЕСАНТИРОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ, 1919 г.¹

В 1934 году генерал-майор Чарльз Фоулкс, командир газовой службы британских экспедиционных сил во время Первой мировой войны, рассказал о существовании «самого эффективного химического оружия, когда-либо созданного». «Это было все еще секретное британское изобретение, «Устройство М», которое он надеялся использовать в 1919 году для реализации своего «излюбленного плана... сброса газа в колossalных масштабах непосредственно перед крупной британской атакой. «Устройство М» генерировало токсичный дым в результате нагревания производного мышьяка, неэффективно использованного в немецких снарядах «Блю Кросс» (Голубой крест). Симптомы применения этого оружия были впервые опубликованы в 1925 г. Джоном Бердоном Сандерсоном Холдейном:

Боль в голове описывается как боль, возникающая, когда пресная вода попадает в нос при купании, но несравненно более сильная... сопровождаемая самыми ужасными психическими расстройствами и страданиями. Некоторых солдат... необходимо было удерживать от самоубийства; другие временно сходили с ума и пытались зарыться в землю, чтобы спастись от воображаемых преследователей.

¹ OSTKRAFT благодарит Владимира Игоревича Станулевича (Архангельск) за помощь в подготовке этой публикации.

И все же через сорок восемь часов значительное большинство выздоровело, и практически никто не стал инвалидом на всю жизнь.

Британцы впервые узнали о снарядах *Блю Кросс* после бомбардировки в июле 1917 года, когда солдаты в Ньюпорте испытывали сильное чихание, раздражение носа, глаз и стеснение в груди. Позже персонал перевязочного пункта испытал «приступы сильного чиха» при контакте с одеждой солдат. Неразорвавшиеся снаряды были найдены недалеко от Витсбете, они были отмечены синим крестом, в каждом из которых находилась стеклянная бутылка внутри взрывчатки. Содержимое вызывало чихание, когда его исследовали ученые из Центральной лаборатории Штаба главнокомандующего, и, будучи отвлечены более впечатляющими эффектами снарядов с Желтым крестом, содержащим «горчичный газ», использованным в то же время, они не распознали содержимое снаряда с Голубым крестом в течение примерно месяца. Это был дифенилхлорарсин (DA), извлеченный из анилина, производного каменноугольной смолы, используемого в красильной промышленности. Горчичный газ представлял собой маслянистую жидкость, которая испарялась при дневном свете, тогда как DA было твердым веществом, которое использовалось в виде мельчайшей пыли. Немцы полагали, что раздражение дыхательных путей веществом DA заставит солдат снимать респираторы и вдыхать смертоносный фосген из газовых снарядов при смешанных бомбардировках. Мельчайшие частицы DA должны были проникнуть через респираторные фильтры, предназначенные для защиты только от газа. Однако из-за отсутствия полевых испытаний немцы не смогли понять, что снаряды создавали недостаточно мелкие частицы, чтобы быть эффективными. Снаряды не стали серьезной проблемой для союзников, и десять их миллионов, выпущенных немцами в 1917–1918 годах, были напрасными усилиями.

Тем не менее использование иприта и DA привело к тому, что директор центральной лаборатории профессор Уильям Уотсон в середине сентября 1917 года предложил провести исследование по изучению ядовитых туманов и токсичных частиц пыли. Фоулкс предложил изменение тактики с неожиданной концентрированной подачи смертоносных веществ до того, как немцы успели надеть свои респираторы, на использование нелетальных веществ, чтобы заставить их снять маски. Гораздо более эффективный способ использования DA был обнаружен, когда из любопытства

один из сотрудников Фоулкса нагрел небольшую щепотку на своей плите в штаб-квартире в Сент-Омере. Получившийся дым причинял настолько сильную, невыносимую боль дыхательным путям, что весь персонал был немедленно эвакуирован из здания. Немецкий респиратор с удлинителем для защиты от снарядов *Блю Кросс* не дал никакой защиты от этого дыма, который был более эффективен, чем туман или пыль. Более того, эффект поражения был настолько мощный, что не было необходимости использовать любой другой газ одновременно. Во время регулярных визитов Фоулкса в Великобританию он делал все возможное, чтобы ускорить исследование DA, но ученый, назначенный в октябре Комитетом по химической войне, спустя три месяца так ничего и не добился. 12 февраля 1918 года на Экспериментальной станции в Портоне Фоулксу показали, как DA нагревается в маленьких котлах, называемых «Портоновские печи». В марте офицер в Портоне сообщил о ранее неизвестных симптомах апатии и депрессии, сохраняющихся у некоторых наблюдателей в течение одного и более дней после того, как боль в дыхательных путях утихла:

В тяжелых случаях... они жалели, что вообще родились, те же, кто получил меньшие дозы, чувствовали, что они могут вскоре умереть — это выражения, которые вкратце описывают их чувства безнадежной тоски.

В начале марта Фоулкс призвал скорее использовать DA, отравив это в докладе сэру Дугласу Хэйгу, командующему британскими экспедиционными силами, поскольку вещество с большой вероятностью станет «средством неизмеримой ценности при наступательных действиях». 22 апреля Хэйг запросил 50 тонн DA и термогенераторы для масштабных испытаний в боях против Германии. В течение мая была открыта вариация DA, которая была и более эффективным ядом, и более простой в производстве, нежели DA для артиллерийских снарядов. Особая Бригада сфокусировала свои усилия на изучении методов атаки с облачным газом, которые полностью зависели от направления ветра, и использование этой тактики продолжилось до августа 1918 года. Впервые после фiasco битвы при Лоо 25 сентября 1915 года облачный газ был использован для обеспечения прорывов пехоты.

Испытания показали, что DM может проникать в траншеи, не защищенные блиндажи, а также через последнюю модель немец-

кого противогаза. Было проведено масштабное полевое испытание дымового облака с заменителем DA на юге Франции в июле 1918 года с целью оценки эффекта продвижения газа по земле. Самое крупное испытание в Великобритании, кажется, было с использованием 48 «Устройств М». Даже небольшое применение газов на фронте насторожило бы немцев и заставило бы их улучшить свои респираторы. Фоулкс был готов подождать до тех пор, пока не будет создано достаточное количество «Устройств М», даже если это означало неприменение их до самого конца войны, лишь бы не лишиться имеющегося преимущества. Производственные проблемы, однако, были решены лишь в середине октября, и в итоге Фоулкс лишился этого шанса.

События на севере России дали возможность опробовать «Устройство М». Британская оккупация Мурманска в марте 1918 года и Архангельска в августе, с целью предотвращения попадания в руки немцев военных складов, к началу 1919 года стала очевидным вмешательством в гражданскую войну в России против большевиков. Несмотря на то что сохранялась надежда на соединение с силами Белой армии адмирала Колчака, «Освободительные войска» готовились к выходу с севера России.

Уинстон Черчилль, занявший пост военного министра 10 января 1919 года, был решительным сторонником как применения химического оружия, так и интервенции против большевиков. 2 февраля он сообщил главнокомандующему в Архангельске генерал-майору Айронсайду, что в середине месяца к нему направится корабль с газовыми артиллерийскими снарядами для 18-футовых, 4,5-дюймовых и 60-футовых орудий. В то же день, боясь огласки, Черчилль опубликовал заявление для прессы, в котором утверждал, что на Архангельском фронте большевики использовали газовые снаряды. Айронсайд заявил Черчиллю, что у него уже есть газовые снаряды для 6-дюймовых гаубиц, и спросил, что он с ними должен делать: «Я еще не получил свидетельства использования этого оружия врагами», хотя у него были свидетельства о том, что «несколько немецких газовых снарядов были выпущены». 7 февраля Черчилль проинструктировал его:

Максимально использовать их вашими войсками сейчас или поставить их русским войскам, чтобы они применяли их, поскольку большевики используют газовые снаряды против союзных войск под Архангельском.

Айронсайд воспользовался советом бывшего офицера специальной бригады капитана Джона Хитчинга. Айронсайд запросил один или два расчета миномета Ливенса и подрасчета 4-дюймовых минометов Стокса. Он не требовал газа в баллонах для облачных атак, так как тот был «бесполезен в этой стране, ввиду природных условий». Через две недели Черчиль ответил, что прислать запрошенный персонал и оборудование невозможно. Вместо этого он предложил прислать Айронсайду 24 офицера, если он согласится, с новым газом, который может быть легко использован пехотой, при помощи специального респиратора. Газ был засекречен и должен был использоваться только «в случае крайней необходимости». Айронсайд спросил, какой эффект он производит «на полянах, окруженных лесом», где нет ветра, добавив при этом, что он определенно хотел бы его использовать. Он попросил направить эксперта, который объяснил бы принцип действия газа, чтобы он мог оценить все возможности его использования в довольно специфических условиях. Отправка такого эксперта в Архангельск была организована 9 апреля.

Глава отдела производства взрывчатых и химических веществ в Министерстве боеприпасов Кейт Прайс призвал использовать DA, ошибочно полагая, что газ выводит из строя временно, в то время как DA убивает:

Какое из этих лекарств подходит для большевика, я не знаю.

Он утверждал, что знает местность вокруг Архангельска, и заявлял, что из-за леса использование химических снарядов будет бесполезно, в то время как «газ будет, я думаю, прекрасно распространяться». События показали совершенно противоположный результат.

Черчиль выразил сомнения заместителю командующего имперским генеральным штабом, генералу сэру Чарльзу Харингтону, по поводу возможного рассекречивания «Устройства М» «ради столь незначительного применения, какое возможно на севере России». Харрингтон рекомендовал его использовать, так как секрет все равно рано или поздно будет раскрыт, а если применение газа не будет успешным, то терять будет нечего. Но если успех все-таки будет, то это означало бы повышение престижа Британии и «триумф наших ученых». Черчиль на это ответил, что «если мы можем себе позволить раскрыть секрет, то очень хотелось бы использовать газ в войне с большевиками».

К 24 апреля положение было таково, что издержки при применении «Устройства М» были незначительны, хотя оружие и не предназначалось для прикрытия вывода небольших сил, какие были на севере России:

...Применение этого газа лучше всего подходит для больших скоплений войск и спланированного последующего наступления на позиции противника, который посчитает, что имеет эффективные защитные противогазы. Более того, первое применение прошло в абсурдно малом масштабе, на который мы бы никогда не согласились, если бы была возможность более достойного использования.

Безопасность гражданских не бралась в расчет, поскольку использование DM маловероятно было бы летальным или постоянным, и,

...поскольку мы никогда не переживали о возможном риске для французского населения, применяя во Франции более смертоносные газы, то почему мы сейчас должны об этом переживать?

Сообщалось, что это тоже было мнением Черчилля.

26 апреля Военное министерство приказало направить в Архангельск 50 тыс. «Устройств М». Эксперт, однако, так и не выехал, так как получил черепно-мозговую травму в дорожно-транспортном происшествии в день своего предполагаемого отъезда. Не было никакого экспертного заключения относительно пригодности использования «Устройства М» на севере России, однако тем не менее устройства были направлены в Архангельск 10 мая.

Экспертом был майор Томас Генри Дэвис, 37-летний тасманийский химик, инженер, имеющий опыт работы в специальных бригадах во Франции — 2,5 года. В июне 1918 года после того, как он пострадал от применения газа, Дэвис был отправлен в Великобританию на службу в Министерство боеприпасов.

Он был консультантом по разработке термогенератора, но не любил Англию и попытался вернуться во Францию в августе. Он был отозван и постоянно проводил время на заводе по производству «Устройства М» в Моркамбе. Когда два других офицера попросили освободить их от работы с DM, так как это вызывало у них беспокойство, Дэвис стал работать по выходным. Проводя испытания, он был твердо убежден, что это устройство «наконец завершит войну».

Несколько офицеров специальной бригады вызвались сопровождать Дэвиса на север России и были направлены в Портон для обучения работы с «Устройством М». Дэвис наконец выехал в Россию 13 мая 1919 года и прибыл сюда вместе с девятнадцатью специалистами 26 июля. Все они сказали Дэвису, что в Портоне они использовали немецкие противогазы, которые не спасали их от воздействия DM, вызывая сильные приступы кашля, что «было очень заметно, особенно в ночное время».

Местность под Архангельском очень сильно отличалась от западного фронта. Два узких фронта, заросших лесом, содержали длинные линии коммуникации, тянущиеся от Архангельска до вологодской железной дороги к юго-западу и юго-востоку от реки Двины. Вскоре после прибытия в Архангельск Дэвис объяснил Айронсайду, как работает «Устройство М», отметив, что оно способно проникать во все типы противогазов, кроме британского Грин Банд. Через 3–5 минут устройство вызывает дискомфорт на расстоянии 8–10 миль. Он посоветовал применить 20 тыс. «Устройств М» на одну милю с разбросом в каждые два ярда, с периодичностью в минуту в течение получаса. Это выведет любые войска из строя на четыре часа, и «они не смогут оказать практически никакого сопротивления, если облако появится сразу после бомбардировки».

6 июня Айронсайд предложил использование «Устройства М» в атаке российских войск на железнодорожном направлении, пока его основные силы двигались вниз по реке. Дэвис обнаружил, что местность наступления была вся в лесах, за исключением 30 ярдов чистой местности, где проходила железная дорога. Слабый ветер здесь не имел направления и имел тенденцию подниматься вверх. Он поручил отряду приготовиться к высадке, но использовать минометы Ливенса и минометы Стокса для запуска химических и дымовых снарядов, как советовал Хитчинк в феврале. Испытания на фронте «Устройства М» 17 июня показали, что дым DA эффективно распространялся на 500 ярдов и ожидать лучших результатов следует от DM. Тем не менее единственным подходящим местом был слишком густой лес с большевистскими позициями, окруженный высокими деревьями, подлеском и слишком широкой ничейной землей в 1 400 ярдов. В тот же день Дэвис отдал приказ оочной бомбардировке 2 тыс. 300 снарядами «Устройства М», за которой должна последовать атака 800 пехотинцев.

Тем временем Дэвис, пытаясь найти способ использования «Устройства М», которое не так бы зависело от ветра, попро-

сил разрешения попробовать сбросить их с самолетов. Когда королевские BBC ему в этом отказали, он обратился к Айронсайду, указав на тот факт, что 1 млн «Устройств M» уже заказаны и что нужно продемонстрировать какой-то результат их использования. Айронсайд согласился, и адъютант Дэвиса, лейтенант Кристофер Алкерсон, совершил 20 вылетов, проводя испытания различных модификаций, пока не получил ранение при аварийной посадке 8 июля. В результате чего DM просочился через порезы на руках, что вызвало высыпание на коже, что привело к неспособности управлять обеими руками в течение нескольких месяцев. После того, как генеральный штаб прекратил эксперименты, Дэвис получил разрешение на продолжение испытательных полетов на самолетах, собранных в Архангельске. Чтобы не причинять вреда мирному населению, его офицеры получили неприятный приказ — заменить DA на кирпичную пыль. В конце концов он изобрел лопасть и замедлитель, чтобы контролировать сброс бомб, и прогладки в носу самолета, предотвращающие повреждения бомб при загрузке. Прототип приспособления был изготовлен слесарем из топливной канистры. Дэвис организовал производство всего необходимого в мастерских боеприпасов в Архангельске, где в ко-нечном счете была создана 1 тыс. 500 изделий.

В конце июля прибыл корабль с минометами Стокса и минометами Ливенса. Груз был бесполезен: ни для одного из орудий не было доставлено ни метательных снарядов, ни взрывателей, ни детонаторов. На железнодорожном фронте продолжалась подготовка к более масштабной наземной операции 2-го Гэмпширского полка. Офицеры специальной бригады продемонстрировали им оружие 28 июля, а 31 июля провели разведку. Рейд был задуман исключительно для испытания «Устройства M». Командир батальона подполковник Джон Шервуд-Келли выразил против этого протест своему бригадному командиру, так как нет необходимости ни разведки позиций большевиков, ни понижения их боевого духа. На следующий день была проведена репетиция с «Устройством M», пятьдесят человек были обучены применению изделия. Респиратор Лейкока отказал во время тренировки, что привело к «серезному нарушению его умственных способностей», в результате пришлось прибегнуть к госпитализации. Вечером 17 августа два взвода отправились с газовыми баллонами до пункта назначения в 500 ярдах от противника. Однако ветер был недостаточно силен, чтобы направить газ в сторону противника, поэтому пришлось возвращаться ни с чем.

Два дня спустя были отданы новые приказы о проведении рейда, но 28 августа они были отменены, на этом планы по наземному распространению газа завершились. 23 августа Военное министерство приказало Айронсайду сбросить оставшиеся «Устройства М» в Белое море, вместе с бесполезными минометами Ливенса и пустыми снарядами. Дэвис был против того, чтобы так уничтожать склад устройств, на производство которых он потратил столько времени.

К этому времени «Устройство М» использовалось в качестве авиационных «Бомб М». Айронсайд надеялся использовать их для поддержки наступления 10 августа на речном фронте, чтобы обеспечить безопасное отступление, нанеся мощный удар по большевикам. На аэродроме Бересник были подготовлены специальные держатели для бомб для двухместных бомбардировщиков DH9 и DH9A, но плохая погода означала незначительное количество операций, и, по всей видимости, ни одна «Бомба М» не была сброшена.

Первое зафиксированное применение «Бомб М» произошло 27 августа в качестве подготовки к наступлению на позиции русских войск на охраняемом железнодорожном фронте. 53 бомбы были сброшены в 12.30 на станцию Емца, а затем в 19.30 еще 62 снаряда. Последствия бомбардировки были зафиксированы королевскими BBC. Город накрыло дымом и заставило вражеские войска в панике бежать в сторону леса. Солдат Красной армии, рядовой Кашевников из 3-го Петроградского стрелкового полка, видел, как три самолета сбросили 10 бомб в 40 ярдах от него. От дыма у него слезились глаза, он испытывал сильный кашель, страдал от головных болей и «ходил словно пьяный». Он сдался спустя два дня, испугавшись бомбардировок. Он сказал, что из его роты пострадали 30 человек, однако никто не погиб и не был госпитализирован. Другие бомбы были сброшены на деревню Чуново, восемь снарядов — на безлюдную местность.

На следующий день 62 «Бомбы М» были сброшены на Емцу и 62 — на станцию Плесецкую. Рядовой Лепешкин из Печорского полка пострадал от четырех снарядов, разорвавшихся в 10 ярдах от него. Он испытал головные боли, слезотечение, боли в горле, затрудненное дыхание и обильную рвоту. Лепешкин не мог стоять, упал и лежал на земле полчаса, после чего его отнесли в казармы. Через три дня он сдался, продолжая испытывать слабость от отравления.

Хотя 29 августа, в день наступления, туман остановил дальнейшие бомбардировки Емцы «Бомбами М» до полуночи, русские войска захватили деревню, взяв 550 военнопленных и всю артиллерию. Станция Емца по-прежнему удерживалась большевистскими бронепоездами. Вечером бомбардировки станций Емцы и Плесецкой возобновились, всего было сброшено 73 бомбы. Когда лейтенант специальной бригады Дональд Грентхэм посетил Плесецкую, через девять дней после бомбардировки, он обнаружил несколько мирных граждан, отравленных газом. Он также допросил большевистских пленных, которые

сообщили, что пострадавшие лежали практически беспомощно на земле, испытывая обычные симптомы кровотечения из носа и рта. Один или двое из тех, кого я видел в лагере, испытывали приступы носового кровотечения и находились в совершенно непригодном для работы состоянии.

14 бомб были сброшены на Чуново 30 августа в 10.00. Майор специальной бригады Артур Сандерс, сопровождавший наступление войск, чтобы убедиться, что воздух очистился от газа, был свидетелем того, что бомбардировка заставила замолчать противовоздушный обстрел, когда спустя 10 минут самолет вернулся в район, подвергшийся бомбардировке. Пленный заявил, что десять большевиков пострадали. Туман помешал воздушной рекогносцировке, и атака была отложена. Чуново вновь подверглось бомбардировкам 2 сентября, 14 снарядов упали в поле, 16 — в лесу.

4 сентября 183 «Бомбы М» были сброшены на Выхтово и около 15 — на Поча, после чего последовала атака русских и британских войск. Цель состояла в том, чтобы взять две деревни, захватив как можно больше пленных. Атакующим было приказано не входить в места, куда сбрасывались газовые бомбы на протяжении полутора часов после того, как была сброшена последняя бомба, избегать подвалов, не пить воду и избегать контактов кожи с землей, на которую упали снаряды. Если все-таки происходил контакт, то в качестве облегчения подходило курение сигарет или раствор хлороформа. Для рейда было запрошено шесть DH9, способных нести по 50 бомб каждый. Уточняясь тактику бомбометания, капитан специальной бригады Чарльз Най приказал сбросить на Почу фосфорную бомбу, чтобы узнать направление ветра. Снаряды должны были быть сброшены полукругом, учитывая опыт «бегства в лес», которое произошло в Емце.

Упор на использование бомб был сделан для ликвидации сопротивления большевиков, но, если этого не удастся достигнуть в достаточной мере, атака должна была прекратиться. Когда Гроган, командир бригады, узнал, что только три из шести самолетов будут доступны для нападения, он отказался от атаки русских войск и ограничил операции в Поче. Четыре самолета взлетели в 9.30, капитан Оливер Брайсон сбросил фосфорную бомбу на Почу. Когда ветер показался подходящим, он выпустил сигнальную ракету для указания на необходимость начала бомбардировок. Все бомбы упали на ветряной стороне деревни, где располагалась система траншей. Густые клубы дыма DM порой скрывали всю деревню от обзора летчиков. С земли это описывалось как несколько грибовидных облаков, поднимавшихся вверх. Пулеметный и зенитный огонь вскоре затих в районах, над которыми дрейфовало облако, хотя он продолжался за пределами деревни, что привело к уничтожению одного бомбардировщика. На Выхтово было сброшено около 15 бомб, вызвав панику у гарнизона и заставив его бежать в лес. Капитан Роберт Чидлоу Робертс пролетел над деревней Поча, чтобы дать ожидающим войскам оценку последствия бомбардировки. Он не увидел здесь никакого движения, однако наткнулся на интенсивный стрелковый огонь с севера и с юга. В 12.30 три самолета вернулись в Почу с 20-фунтовыми бомбами и, за исключением четырех всадников, не увидели здесь никаких войск. Майор Чарльз Карр приземлился на берегу реки и доложил Грогану, что сопротивления, по-видимому, нет, но ему сказали, что принятое решение пока не проводить наступление. Войскам было видно, что дым заставил большевиков покинуть Почу, но на окраине леса виднелась какая-то группа людей, по-видимому не попавших под действие газа. Причиной, по которой успеха не было, было названо недостаточное количество бомбардировщиков, что ограничивало время для выбора стоящей цели. Гроган также отметил, что чем меньше самолетов, тем меньше площадь, которую можно поразить снарядами, а это значит, что большее количество большевиков может избежать облака дыма.

7 сентября Роулингсон, новый главнокомандующий на севере России, осмотрел плененных большевиков, которые подверглись отравлению газом в конце августа. Он заключил, что «Бомбы M» стали главной причиной успеха в операции под Архангельском. По-видимому, они оказали деморализующее воздействие на противника и сделали его временно небоеспособным. Взятый

в плен комиссар заявил, что большевики эвакуируют не только Плесецкую, но и все Онежские окрестности. Он заявил, что смертей от DM не было, данный факт, а также временный эффект от газа заставили заместителя директора медицинской службы, полковника Тома, скептически отнестись к словам пленных. Он отметил, что из 97 раненых пленных никто не был отравлен газом:

это заставляло задуматься — был ли газ так эффективен, как о нем заявлено.

Он посетил Емцу с врачом-консультантом, подполковником Джоном Комри, и опросил британских и русских офицеров и врачей. Том обнаружил, что войска железнодорожного фронта были «не очень впечатлены эффективностью нового газа», ни один из офицеров не видел пострадавших от отравления пленных или мертвых, и Том и Комри также не смогли найти трупы. Комри, осмотрев 46 пленных большевиков, докладывал:

Симптомы, как правило, проявлялись в слезоточивости, кашле, затрудненном дыхании, головной боли, головокружении, рвоте и общей слабости, особенно в ногах. В тяжелых случаях наблюдалась кашель с кровью и кровью из носа, иногда были жалобы на помутнения в глазах. Эти симптомы продолжались от получаса до 3–4 часов, большинство из пострадавших не приходили в норму в течение нескольких дней после отравления.

Единственными остаточными симптомами были нечастые расстройства пищеварения, два или три человека страдали от бронхита, у нескольких были легкие воспаления глаз. Некоторым удалось защитить глаза, прикрыв их влажной тряпкой. Их симптомы сильно варьировались по тяжести и продолжительности. Данный факт Комри объяснил различием в концентрации дыма, связанной с количеством сброшенных бомб и ветра, а также от расстояния от места взрыва,

поэтому у одного человека могли быть одни симптомы, в то время как у другого, находившегося в нескольких футах от него, — другие и намного более серьезные.

Утверждения некоторых пленных о том, что они видели людей, погибших от дыма, не могли быть проверены.

Дэвис опросил 46 пленных в период с 16 по 18 сентября и нашел их непригодными для работы и все еще страдающими от последствий отравления DM. Все они заявили, что их начальники связывали наступление с применением «Бомб М». Он доложил об этом Роулингсону:

Я считаю полученные результаты превосходными и доказывающими, что в генераторе дыма мы получили необычайно мощное оружие.

В докладе Айронсайда по поводу последних операций в Архангельске говорилось, что применение этих бомб оказалось очень успешным. Роулингсон докладывал, что, хотя

концентрация была незначительной, а применение локальным, и не было немедленного последующего наступления... нет никаких сомнений в том, что моральное воздействие на противника было очень велико и помогло операции.

9 сентября Дэвис был выведен из строя во время демонстрации «Устройства М», которое, по-видимому, помогло русским, так как на следующий день они вывели свои войска с Архангельского фронта.

Ввиду их успеха, 9 сентября шесть офицеров Дэвиса были посланы с 250 «Бомбами М» на помощь генералу Мейнарду, командующему мурманским фронтом. Глава генерального штаба Роулингсон заявил Мейнарду, что «командир очень хочет, чтобы вы воспользовались этим газом».

Британцы развернули наступление вдоль железной дороги Мурманск — Петроград и создали базу для гидропланов в 250 милях от порта, на берегу Онежского озера. Мейнард запланировал свой отход на первую неделю октября, а последняя атака для прикрытия эвакуации была запланирована на середину сентября. Как и в Архангельске, Мейнард планировал яростную атаку, которая позволила бы безопасно вывести войска и отдать завоеванные позиции русским войскам. Целью был новый фронт у реки Суна, продвижение к этой линии на 35 миль предполагало изгнание большевиков с полуострова Шунга. Наступление планировалось на 14 сентября, с предварительной воздушной бомбардировкой фугасами и «Бомбами М». Двухместные гидропланы Fairey 3C могли нести по 40 снарядов каждый.

Предварительная бомбардировка 12 и 13 сентября осложнялась сильным ветром, который, по словам наблюдателя королевских ВВС, сделал «Бомбы М» практически бесполезными. Деревня Кавгора была захвачена 13 сентября. Было обнаружено, что бомба упала через крышу дома комиссара и она практически не оказала никакого воздействия на противника. Укрепленные позиции линии Чорга подверглись бомбардировке 30 снарядами 12 сентября и 35 двумя днями позже, после чего гарнизон отступил, практически не оказав сопротивления. Лижма также была захвачена 14 сентября, после атаки 30 бомбами. Дым при безветренной погоде поднимался вертикально и висел над населенным пунктом, казавшись наблюдателям «действительно очень хорошим». Михеева Сельга была атакована 16 бомбами 13 сентября и 30 на следующий день, также была захвачена без сопротивления.

Пять дней спустя лейтенант Грентхам посетил Чоргу и Михееву Сельгу для установления результатов воздействия «Бомб М». Он обнаружил сильно укрепленные оборонительные позиции, которые были покинуты в спешке, он также обнаружил сотни винтовок и боеприпасов, разбросанных повсюду. После разговора с английскими офицерами и пленными большевиками он сделал вывод:

При первом же сбросе бомб все большевистские войска отступили в беспорядке, и из того, что мог узнать от пленных, они после этого не могли реорганизоваться. Эффект был совершенно деморализующим.

С помощью бомб наступление Мейнарда продвинулось на 20 миль за несколько часов. Единственная задержка была на очень невыгодных позициях у Койкори и Уссуна на правом фланге, не подвергнутом бомбардировкам. Это предотвратило окружение большевиков на полуострове Шунга, и наступление было отложено «до прибытия большего количества газа».

Ни у одного из заключенных не было симптомов отравления DM. Отсюда был сделан вывод, что большевиков покинуть свои позиции заставил исключительно «деморализующий» эффект. Пилот королевских ВВС, капитан Уолтер Парк, позднее вспоминал, что бомбы «давали очень хорошие результаты при условии благоприятного ветра». Он рассматривал применение «Бомб М» как эффективную особенность операций на севере России, хотя

и требовавшую точного выбора времени для того, чтобы «от испарений от нее пострадали наши войска».

15 сентября «Бомбы М» были сброшены на хорошо укрепленную деревню Тавойгора и на соседнюю Заполки, из которых большевики отступили. На следующий день наступление было остановлено в точке, за которой разрешалось действовать только русским частям, с этого момента белые должны были действовать самостоятельно. Наступление русских без «Бомб М» 20 сентября было, как докладывалось, недостаточно успешно, и было предложено возобновить атаку уже после «бомбардировки газом с воздуха». Это произошло два дня спустя, когда русский самолет-разведчик Парк с полковником Барбасом и еще один гидропланбросили 40 бомб на Койкори и ближайшие к ним позиции с траншеями. Какое-то время они были полностью затянуты дымом, и оба экипажа утверждали, что дым также попал и на штаб большевиков. Никаких свидетельств о сопротивлении из деревни не поступало, однако точно не известно, пошли ли русские после этого в наступление.

Это было последнее зафиксированное применение «Бомб М». В ночь с 17 на 18 сентября оставшиеся 47 тысяч «Устройств М» были сброшены в Белое море.

23 сентября майор Сондерс, демонстрируя русским работу «Устройства М» в Мурманске, случайно вдохнул газ. Он испытывал боли в ногах, голове и спине, за которыми последовала крайняя слабость, диарея. Данный факт свидетельствует о том, что русские, как это было и в Архангельске, оставили себе «Бомбы М» для собственных целей после эвакуации британских войск 12 октября.

DM повлиял и на офицеров специальной бригады. Лейкок пролежал в госпитале четыре месяца после его отравления DM. 1 августа он все еще страдал от апатии и слабости, которые были вызваны нервным перенапряжением, усугубленным отравлением DM. Обе руки Алдерсона были неподвижны некоторое время после того, как он получил травму в авиакатастрофе в июле. Позже его левая нога была парализована и оставалась в таком состоянии до ноября, в то время как Сондерс все еще страдал как от отравления DM, так и от перелома запястья, полученного еще при Сомме. Так как это не было зафиксировано, он не получил права на компенсацию. Он не мог лечь, не ощущая головокружения, часто ночью «покрывался холодным потом», он был истощен и не мог вернуться к своим прежним занятиям в Австралии, где он работал

армейским инструктором по физической подготовке. «Когда Дэвис предстал перед медицинской комиссией 31 марта 1920 года, она сделала следующее заключение»:

Бледный, нервный, страдающий от различных фобий. Он хотел бы вернуться в Австралию, но боялся подняться на борт корабля.

DM был единственным новым серьезным химическим боевым агентом, разработанным британцами во время Первой мировой войны. «Устройство М», преподносящееся как ключ к прорыву на Западном фронте, достигло лишь локального успеха на севере России. Затраченные средства на исследования, производство, а также доставку персонала в Россию не соответствовали практическим результатам. Химическая война не оправдала ожиданий, что было не раз подтверждено во время Первой мировой войны. Совет эксперта, присланного Айронсайдом в Россию, был проигнорирован, и Военное министерство не до конца понимало, что применение отравляющего газа всецело зависело от местных условий. Непостоянные поставки на север России не могли обеспечить военных специалистами и оборудованием для производства химического оружия.

Вооруженный не тем оружием Дэвис импровизировал там, где другие бы сдались. К 1934 году, когда достоянием общественности стали сведения о первом применении химического оружия с воздуха, DM утратило репутацию средства победы в войне, которую оно имело в 1918. В результате британских испытаний в 1937 году были сделаны выводы, что DM менее эффективен, чем стандартный слезоточивый газ, и его производство в качестве химического оружия было остановлено.

Перевод с английского под редакцией Олега Павлова

И. С. Ратьковский, Ю. В. Чекалин

СПЕЦПОЕЗД И. В. СТАЛИНА В 1920 ГОДУ: ХРОНИКА ПЕРЕДВИЖЕНИЙ И «АВГУСТОВСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ»

В исторической литературе есть несколько указаний на покушения, направленные против И. В. Сталина в период российской гражданской войны. Наиболее известно указание историографии сталинского периода на петроградское покушение на Сталина в 1919 г. Однако там речь шла о покушении (бросили бомбу) против Штаба Обороны, которым руководил Я. Х. Петерс, и бомба, скорее всего, предназначалась именно ему. Дело тогда, как отмечалось ранее, ограничилось вышибленной дверью. Еще одно возможное покушение на Сталина в период гражданской войны датируется августом 1920 г.

Это был один из многочисленных в гражданскую войну «железнодорожных инцидентов». Они были достаточно частым явлением, при этом среди фигурантов были знаковые фигуры из большевистского руководства. Так, 1 сентября 1918 г. в результате теракта потерпел крушение спецпоезд Н. И. Подвойского [Ратьковский, с. 33–49]. 16 мая 1919 г. на станции Насветевич Екатерининской железной дороги потерпел крушение знаменитый спецпоезд Л. Д. Троцкого. Человеческих жертв не было.. Троцкий описывал это событие так: «В ночной тишине раздавался лишь одинокий слабый, жалобный голос. Никто не показывался, и это рождало тревогу. Не враги ли? С револьвером в руке я выскочил через окно и натолкнулся на человека с фонарем. Это был начальник поезда, который не мог пробраться ко мне. Вагон стоял на от-

косе, зарыв три колеса глубоко в насыпь и подняв три других над рельсами. Задняя и передняя площадки были исковерканы. Передней решеткой придавило к площадке часового. Это его жалобный голосок, точно плач ребенка, раздавался во тьме. Освободить его из-под плотно накрывшей его решетки было нелегко. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что часовой отдался только синяками и испугом. Всего было разбито восемь вагонов. Ресторан, игравший роль поездного клуба, представлял груду полированных щепок. Ожидавшие заступить свою смену читали там или играли в шахматы. Все они покинули клуб ровно в полночь, за десять минут до крушения. Жестоко пострадали еще товарные вагоны с книгами, обмундированием и подарками для фронта. Из людей не пострадал серьезно никто. Причиной оказалась неправильно переведенная стрелка. Была ли за этим неряшливость или умысел, осталось неизвестным. На счастье, мы проезжали мимо станции со скоростью всего 30 километров» [Троцкий, с. 152].

В январе 1920 г. при крушении поезда погиб начальник Артиллерийского управления и Управления снабжения РККА генерал от артиллерии Алексей Алексеевич Маниковский (1865–1920), направленный в командировку в Ташкент. Однако профессор А. Б. Николаев указывает возможную другую дату этого события при схожих обстоятельствах. Он указывает, что, согласно записи от 29 декабря 1926 г. члена РВС СССР и начальника ГУ РККА С. С. Каменева, Маниковский «погиб при железнодорожной катастрофе» в октябре 1920 г. «во время поездки по служебным делам в г. Харьков». О смерти генерала Маниковского на Южном фронте вспоминала и его жена¹. Так или иначе смерть известного генерала произошла в результате железнодорожного происшествия.

В августе 1920 г. контрреволюционерами было совершено покушение на инспектора пехоты Туркестанского военного округа А. П. Востросаблина (потомственный дворянин, бывший генерал-лейтенант Императорской армии). В пути, во время следования поезда, его около станции Кизыл-Арват (сейчас город Сердар в Туркмении) выбросили из вагона белогвардейские агенты.

---

¹ Николаев А. Б. Генерал А. А. Маниковский: масон, заговорщик, «февралист»? // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 20 марта 2015 г. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов. СПб., 2016. С. 101–102.

Одной из версий была попытка выпытать сведения о золотом запасе у Востросаблина. Травмы, полученные во время этого происшествия, в итоге послужили причиной его смерти. От полученных ранений Востросаблин скончался. В этот же период была застрелена неизвестными его жена [Гражданская война и интервенция в СССР, с. 118].

В этом же 1920 г. расследовалось и дело о возможной попытке крушения спецпоезда И. В. Сталина. При этом сами обстоятельства этого дела еще не стали предметом научного изучения. Нет в исторической литературе характеристики и самого сталинского спецпоезда, в отличие от обширной литературы по истории спецпоезда Троцкого. О спецпоезде Сталина и предотвращенном крушении ничего не написано в подробных биографиях И. В. Сталина, в т. ч. в фундаментальном исследовании О. В. Хлевнюка [Хлевнюк, с. 95–96]. Имеются только электронная и газетная публикации С. Турченко, правда, с привлечением архивных материалов [Турченко 2001, Турченко 2015].

Между тем в распоряжении исследователей имеется обширный комплекс источников по этим событиям. Материалы предварительного следствия 1920 г. отложились в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в сталинском фонде (Ф. 558). Также эти события стали предметом расследования в 1938 г. в ряде следственных дел. В частности, можно указать на следственное дело бывшего секретаря Сталина в 1920 г. Я. Е. Брезановского (1888–1938). На момент ареста 22 декабря 1937 г. он исполнял обязанности начальника сектора кадров Наркомата Пищепрома СССР. Согласно следственным материалам от 3 апреля 1938 г., «БРЕЗАНОВСКИЙ признался в том, что в 1920 году, во время работы в штабе Юго-западного фронта, он был участником антисоветского троцкистского заговора, в котором помимо него принимали участие ЕГОРОВ — командующий фронтом, СЕРЕБРЯКОВ, ПОСТНИКОВ, БЕРЗИН, РАКОВСКИЙ, МАНЦЕВ. Вдохновителем и организатором контрреволюционного заговора является ТРОЦКИЙ. Заговорщики подготовляли физическое уничтожение т. СТАЛИНА, чтобы сорвать выполнение выдвинутого тов. СТАЛИНЫм генерального плана разгрома белогвардейских полчищ» [Лубянка, с. 259–266]. Впоследствии фамилия Брезановского, обвиненного в участии в контрреволюционной организации, будет включена в «Записку Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением списка

лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. 26 июля 1938 г.» (в записке будет указано 139 фамилий. — И. Р.). Все упомянутые в записке лица (за исключением А. И. Егорова, вычеркнутого тогда из списка) будут приговорены к высшей мере наказания. Характерна была резолюция Сталина и Молотова, наложенная на первом листе: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст., В. Молотов» [Лубянка, с. 540–544]. 28 июля 1938 г. Брезановский будет расстрелян.

На наш взгляд, существует и связь событий 1920 г. и расследования 1936–1937 гг. более позднего знаменитого крушения военного состава № 504 в Шумихах 27 октября 1936 г. Материалы шумихинского расследования отложились как в следственных материалах непосредственно после крушения поезда, так и в материалах второго московского процесса, а также в знаменитом интервью 8 января 1937 г. Сталина писателю Л. Фейхтвангеру. Отвечая на его вопрос о роли признаний обвиняемых в судебных делах, Stalin отметил: «Еще факт — в прошлом году произошло крушение воинского поезда на ст. Шумиха в Сибири. Поезд шел на Дальний Восток. Как говорилось на суде, стрелочница перевела стрелку неверно и направила поезд на другой путь. При крушении были убиты десятки красноармейцев. Стрелочница — молодая девушка — не признала свою вину, она говорила, что ей дали такое указание. Начальник станции, дежурный были арестованы, кое-кто признался в упущениях. Их осудили. Недавно были арестованы несколько человек в этом районе — Богуславский, Дробнис, Князев. Часть арестованных по делу о крушении, но еще не приговоренных, показали, что крушение произведено по заданию троцкистской группы. Князев, который был троцкистом и оказался японским шпионом, показал, что стрелочница не виновата. У них, троцкистов, была договоренность с японскими агентами о том, чтобы устраивать катастрофы. Чтобы замаскировать преступление, использовали стрелочницу как щит и дали ей устный приказ неправильно перевести стрелку. Вещественные доказательства против стрелочкицы: она перевела стрелку. Показания людей доказывают, что виновата не она» [РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 15–16]. Данное дело будет очень похоже на события более раннего периода, что мы покажем ниже. Более того, Stalin отслеживал ситуацию и контролировал показания подследственных железнодорожников. И там и там имелось ошибочное решение железнодорожных стрелочников, и в обоих случаях

поезда будут направлены на запасные пути, где стояли товарняки. В одном случае крушение было предотвращено, в другом — нет.

Обстоятельства более позднего крушения сейчас известны [Хи-менкова]. Что же за события произошли в августе 1920 г.?

И. В. Сталин в этот период был одной из ключевых фигур проходившей тогда советско-польской войны. Обычно, упрощенно, вся деятельность Сталина летом 1920 г. сводится к его работе в Реввоенсовете Юго-Западного фронта, к мероприятиям, имеющим отношение к советско-польской войне. На самом деле, помимо этой деятельности, Сталин в 1920 г. был военным и политическим деятелем, который одновременно руководил на Южном фронте борьбой с белыми войсками генерала П. Н. Врангеля. Многие вопросы по организации военных операций против врангелевских войск рассматривались при его личном участии. Он был членом Реввоенсовета республики, ЦК РКП, Совета Труда и обороны. Stalin практически возглавляет Реввоенсовет Юго-Западного фронта.

Положение Сталина в этот период подчеркивал подписанный 26 мая 1920 г. В. И. Лениным мандат о праве Сталина пользоваться специальным поездом [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5457]. Данний мандат свидетельствовал о высоком статусе Сталина в 1920 г.

В организованном вскоре спецпоезде Сталина находилось несколько вагонов, в т. ч. вагон 1 класса № 1021 Александровской железной дороги, который Stalin иногда делегировал для поездок другим советским деятелям [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5477. Л. 1–2]. В составе находился и вагон 3 класса, также делегировавшийся, иногда на более длительный (до трех недель) период для аналогичных целей [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5480. Л. 1]. В первом вагоне находился во время передвижений Stalin, его секретарь, во втором — вооруженная охрана поезда.

4 июля 1920 г. был учрежден штат поезда. Перечень включал коменданта поезда, его помощника по хозяйственной части, письмоводителя, артельщика, электротехника, машиниста электростанции, трех телефонистов, 2 уборщиков и повара. Также в штат входила охрана поезда: взводного командира и 15 красноармейцев. Документ был подписан командующим Юго-Западным фронтом Егоровым, членом РВС фронта Берзином и начштабом Юго-Западного фронта Петиным [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 317. Л. 1]. Этим же днем на содержание поезда было выделено 50 тыс. руб. [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 318. Л. 1].

Вооружение охраны поезда установить не удалось. Однако, на наш взгляд, возможно, в распоряжении красноармейцев были американские винчестеры. Так, в одном из воспоминаний о пребывании Сталина в Синельниково говорилось об этом оружии, которое лично получил от Сталина адъютант командарма Юго-Западного фронта И. Калинченко. В воспоминании говорилось, что это оружие в большом количестве привез сам Stalin. Затем Калинченко подарит винчестер вместе с 300 патронами местному телеграфисту [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 257].

Помощником коменданта сталинского поезда стал И. В. Да выдов. Осенью он уже будет комендантом поезда, о чем свидетельствует его удостоверение за подписью Сталина от 17 ноября 1920 г. [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4687. Л. 1]. Важную роль в поездках, по ноябрьским воспоминаниям М. Павловича, играл секретарь Сталина Я. Брезановский и супруга последнего, выполнившая обязанности машинистки и шифровальщицы [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4687. Л. 1]. Отметим, что Брезановский был тесно связан со Сталиным еще до лета 1920 г., работая с ним в Наркомнаце. Из других работников сталинского поезда можно упомянуть проводника И. И. Фомина. Впоследствии он напишет воспоминания о сталинском поезде 1920 г. [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 650. Л. 277–280].

В июне 1920 г. Stalin практически не пользовался спецпоездом для поездок, передав, как указывалось ранее, два вагона для поездок другим советским деятелям, причем в одном случае на две недели. Сам же Stalin во второй половине июня чаще находился на станции Синельниково-2, где на железнодорожном пути в тутичке № 4 был расположен вагон командующего Юго-Западным фронтом Александра Ильича Егорова. Вагон был стационарен: к нему были протянуты провода телефона и электросвета [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 248]. Пребывание Сталина в Синельниково продлилось около 2 недель [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 250].

В июле Stalin уже активно пользовался спецпоездом, совершая короткие и длительные переезды по тылам Южного и Юго-Западного фронтов, в т. ч. с командующим фронтом А. И. Егоровым. 2 июля он еще был в Синельниково, отправив В. И. Ленину телеграммы со сведениями из врангелевской газеты. Stalin обращал внимание на сообщения о новых военных частях противника, формирующихся за рубежом, а также о поставках оружия Врангелев-

лю из Европы [Правда, 14 ноября]. 3 июля 1920 г. Stalin уже был в Харькове, 8 июля в Москве, 13 июля в Харькове, после чего намечался выезд в 13 армию [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 319. Л. 1]. По приезде в Харьков, 13 июля, Stalin отправил пространную, подробную телеграмму Leninу о состоянии фронтов, очевидно, по результатам поездки, так и в ответ на предшествующую телеграмму Lenina [Большевистское руководство, С. 142–143].

Затем последовала новая поездка на фронт. Он посетил разные города, в т. ч. Мариуполь, Александровск (Запорожье) и т. д. [сайт «Шукач, 2012, 2 сентября】. При этом после посещения Мариуполя, днем позднее, уже из Волховахи Stalin отправил новую телеграмму Lenину. В ней он рассказывал о состоянии азовской флотилии:

«Москва — Кремль — Только Lenину.

Волноваха 17/7

Вчера ездил в Мариуполь. Медленно, с большими трудностями строится наш слабенький азовский флот, невольно вспоминаешь петровский период с его азовским флотом, хотя наш Начморсил мало походит на Петра. Десант противника в районе Кривая Коса успешно ликвидируется. № 17 720.

Stalin» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 514. Л. 1–2].

В Харьков Stalin возвратился 20 июля 1920 г. Приехав в город, Stalin незамедлительно поставил вопрос о большем объеме финансового обеспечения снабжения поезда. Очевидно, что им предусматривалось частное использование спецпоезда для поездок, а прежнее финансирование было недостаточно из опыта двух поездок Stalina. В этот же день 20 июля РВС Юго-Западного фронта постановил отпустить на содержание поезда сто тысяч рублей, а также оплатить счета отдела продкома Западного фронта на сумму 3720 руб. за забранные продукты для Stalina [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 321. Л. 1].

Пребывание Stalina в Харькове продлилось до конца месяца. 31 июля началась новая командировка Stalina. Сама указанная поездка Staliniным в телеграмме Lenину прямо противопоставлялась поведению L. D. Troцкого. В телеграмме Lenину от 31 июля 1920 г. он акцентированно указывал: «Я уже писал, что Главком приезжает к нам на фронт. Сегодня он пишет, что поездку отменяет в связи с положением на Запфронте. Мне кажется, что он просто струсил, запуган действиями Bрангеля и не хочет связать себя с судьбой наших операций против Bрангеля, в которые он видимо

не верит, хотя ясно, что связь такая остается несмотря на отмену поездки. .... Сегодня вечером с комфронтом выезжаю на фронт» [Большевистское руководство, с. 151–152].

Во время этой поездки Stalin, как и раньше, поддерживал постоянную телеграфную связь с Лениным. Так известны его телеграммы Ленину 3, 4 и 12 августа 1920 г. [Большевистское руководство, С. 153–155]. 14 августа 1920 г. Stalin и Егоров вернулись в Харьков из очередной длительной двухнедельной фронтовой служебной поездки [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 325. Л. 1].

Это был один из важнейших периодов советско-польской войны. Накануне своего приезда в Харьков Stalin отправил Главному С. С. Каменеву телеграмму с отказом выполнить директиву о передаче армии Буденного и еще двух армий в распоряжение Западного фронта: «13 августа 1920 года. Ваша последняя директива 4774 оп/1052/ш без нужды опровергает сложившуюся группировку сил в районе этих армий, уже перешедших в наступление; директиву эту следовало бы дать либо три дня назад, когда Конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии Конармией района Львов, в настоящее время она только запутывает дело и неизбежно вызывает ненужную вредную заминку в делах в интересах новой перегруппировки. Ввиду этого я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение Югозапа в развитие Вашей директивы» [Военно-исторический архив. С. 218].

Конфликт с С. С. Каменевым и Л. Д. Троцким развивался. Stalinу была направлена телеграмма: «Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что (не расшифровано) необходимым выяснения путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву. 14/8248/ш. Секретарь ЦК Крестинский» [Краткая история гражданской войны в СССР, с. 214]. Обстоятельства потребовали личного и незамедлительного присутствия Stalina в Москве.

Вскоре Stalin выезжает на своем спецпоезде в столицу. Однако с самого начала поездка не задалась. 18 августа 1920 г. экстренный поезд Stalina, следовавший из Харькова в Москву, только начав свое движение, едва избежал крушения. Учитывая политические обстоятельства, предшествующие этому событию, могло создаться мнение о неслучайности данного события, в т. ч., возможно и о неудавшемся теракте.

Sam Stalin уже на следующий день телеграфировал в Реввоенсовет Южного фронта: «Харьков, 19 августа 1920 года. Из Бел-

города № 1587-99-18-2-10. Реввоенсовет Южфронта Берзину. В 20.30 18 августа после отхода моего поезда на Москву из Харькова нас остановил семафор. Я установил: семафор не был открыт. Спустя пять минут после инцидента с семафором мой поезд былпущен не на тот путь, а на товарный парк. Крушение было избежнуто благодаря искусству машиниста. Сообщая Вам об этом, прошу привлечь к ответственности виновных. О принятых мерах сообщите...

Член реввоенсовета республики Сталин» [Турченко, 2001].

В РГАСПИ есть еще одна схожая телеграмма, отправленная уже по другому адресу: «Копия. Из Белгорода № 1587-99-18-2-10. А.

НАЧВОСО ЮГОЗАП Постникову.

Копия РВС югзап Берзину.

17 августа 23 часа 20–30 минут непосредственно после отхода моего поезда на Москву, я установил: 1) семафор не был открыт, из-за чего пришлось остановить поезд в двух—трех верстах от Харькова; 2) спустя пять минут после инцидента с семафором, мой поезд былпущен не на тот путь, на который его следует пропустить, а на товарный, в парк, причем вероятное крушение было избежнуто, благодаря искусству машиниста. Сообщая Вам об этом, прошу привлечь к ответственности виновных, о принятых мерах сообщить. № 188\20.

Член РВСР Сталин» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5539. Л. 1–2].

Очевидно, что Сталин телеграфировал об инциденте всем заинтересованным сторонам.

В РГАСПИ находится дело, непосредственно связанное с этим инцидентом: Ф. 558. Оп. 11. Д. 169. «Об экстренном поезде Сталина И. В.», которое содержит 20 документов. Там, в частности, находится 15-страничное дознание по «непроизводительной задержке поезда тов. Сталина». Оно было инициировано практически сразу после телеграммы Сталина [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 169. Л. 2–17].

В деле указывалось: «Факты установки у семафора экстренного поезда тов. Сталина № 1122 и пропуска его по неправильном пути мною установлены. 17/XIII в 21–45 дежурным по станции Харьков пассажирский был сделан телеграфный запрос постам товарному, Южному и Северному о пропуске экстренного поезда № 1122, 21–50 был получен путь. Но указанный поезд отправился лишь в 23 часа того же числа, несвоевременное отправление объясняется исключительно заявлением с поезда. Дежур-

ный ДСП товарного поста тов. Черкасов, несмотря на то, что дал согласие на беспрепятственный пропуск экстренного поезда, воспользовался этим промежутком времени и продолжал делать приостановленные было маневры, благодаря чему к приходу экстренного поезда путь, по которому должен следовать он, оказался занятым, поезд был остановлен у семафора и простоял от 10 до 15 минут, о чём показывают опрошенные мной свидетели: машинист, ведший экстренный поезд тов. Кондратьев, ст. Кондуктор Кулик, багажный кондуктор Кобелев. По открытию семафора поезд проследовал далее к южному посту, где и произошел второй факт неблагополучного следования поезда № 1122, т. е. поезд пошел по неправильному пути» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 169. Л. 3–4].

Указанное происшествие случилось в период советско-польской войны 1920 г., при этом в самый разгар военных действий. Возможно, в связи с этим ответные меры последовали не сразу. Заседание коллегии Реввоентрибунала Южного желдора состоялось только через 12 дней. На нем было принято решение о начале расследования, которое поручили следователю Козлову. Следствие длилось два с половиной месяца — со 2 сентября по 18 ноября 1920 г.

В ходе следствия были опрошены различные должностные лица, имеющие непосредственное отношение к движению экстренного поезда на железнодорожном участке, где едва не произошло крушение.

«Показания дежурного приемного поста ст. Харьков-Сортировочная Станислава Несторовича Ляховича, крестьянина, 43 лет, римско-католического вероисповедания. 18.08 в 21 час 45 минут в ожидании экстренного поезда № 1122... я лично осмотрел стрелки в присутствии милиционеров Ребрикова и Медведева и заявил стрелочникам Носову и Оберемку: как будет проходить экстренный поезд на Северный пост, открыть семафор и держать стрелку включенной. Когда я впоследствии прибыл на пост для встречи поезда тов. Сталина, проверить положение стрелки не мог ввиду отсутствия фонарей освещения. Увидел, что поезд пошел по пути на товарную станцию, когда было уже поздно что-либо предпринимать, кроме остановки состава. ... Показания стрелочника станции Харьков-Сортировочная Ильи Николаевича Носова, крестьянина Орловской губернии, 22 лет, православного вероисповедания... Приблизительно в 21 час 45 минут Ляхо-

вич заявил мне, что пройдет из Харькова экстренный поезд. Я распорядился стрелочнику Оберемку открыть семафор... Перевод стрелки я лично проконтролировал. Но перед самым проходом экстренного поезда ввиду расстройства у меня желудка я со стрелкой отлучился, но опять же повторил Оберемку, что стрелка должна стоять на главном пути до прохода экстренного поезда. Когда я возвращался из будки, то увидел, что поезд идет в сторону Сортировочной. Я крикнул Оберемку, чтобы он подал поезду флагом остановку. Почему Оберемок переделал стрелку на Сортировочную, мне неизвестно...»

«Показания стрелочника станции Харьков-Сортировочная Ивана Ивановича Оберемка, крестьянина Харьковской губернии, 22 лет, православного вероисповедания... Минут за десять до прибытия экстренного поезда кто-то по телефону мне приказал перевести стрелку на Сортировочную станцию. Только когда поезд вошел на стрелку, я заметил по его виду, что это экстренный, и стал давать сигнал остановки».

Эти показания легли в основу заключения следователя Козлова: «На основании телеграммы Сталина И. В. от 19 августа с. г. и наложенной на ней резолюции предвоентрибунара тов. Куни я произвел следующее расследование.

Вечером 18 августа с. г. поступило... телеграфное сообщение о проследовании экстренного поезда № 1122. В 21 час 50 минут путь был получен, но указанный поезд отправился только в 23 часа того же числа. Задержка объясняется следующим.

Дежурный ДСП товарного поста тов. Черкасов, несмотря на то, что было получено требование на беспрепятственный пропуск экстренного поезда, продолжал производить маневры. Поезд № 1122 был остановлен у семафора и простоял от 10 до 15 минут. Затем поезд проследовал к южному посту, где произошел второй факт несанкционированной остановки экстренного поезда. После чего в 23 часа 22 минуты поезд был направлен по неправильному пути. ДСП этого поста товарищ Ляхович, получив уведомление о следовании экстренного поезда, дал личное распоряжение стрелочникам Носову и Оберемку об открытии стрелки на главный путь, ведущий на северный пост. Носов стрелку приготовил сам и приказал Оберемку держать ее таким образом до прихода экстренного поезда. Сам же отлучился для естественных надобностей. Стрелочник Оберемок почему-то перед самым проходом поезда (сам он ссылается на какие-то никем не подтвержденные те-

лефонные распоряжения) перевел стрелку на Сортировочную, куда и прошел экстренный поезд. Ошибка была быстро замечена машинистом Кондратьевым. Поезд был остановлен, пройдя по неправильному пути саженей 25.

В действиях виновных злого умысла не усматриваю» [Турченко, 2001].

Следует отметить, что следователь Козлов для своего заключения использовал не все имевшиеся у него материалы. Как указывал С. Турченко, был еще «Рапорт от механика разъезда Михаила Гладилина тов. члену реввоенсовета Южфронта Берзину... 18 августа в 23 часа 50 минут по отправлении экстренного поезда тов. Сталина... на спуске, когда осложнено торможение, на пути оказались тележки, груженные каким-то хламом. Машинист об этом предупрежден не был. Но благодаря его быстрой реакции состав немедленно сбавил скорость и врезался в тележки, сбросив их с пути без катастрофических последствий... Если бы не реакция машиниста, дело приняло бы очень серьезный поворот. Неизвестно, откуда взялись эти тележки. Прошу товарища Берзина дать этому рапорту должный ход и привлечь виновных к ответственности [Турченко, 2001]».

18 ноября 1920 г. состоялось итоговое заседание реввоентрибунала Юждонарода по расследованию обстоятельств указанного дела. Протокол № 908 заседания реввоентрибунала фиксировал: «Слушали: дело по обвинению ДСП товарного поста ЮЖД Ляховича, стрелочников Оберемок и Носова в халатном отношении к своим служебным обязанностям и непринятии мер к безостановочному следованию экстренного поезда тов. Сталина. Постановили: на основании амнистии ВЦИК к 3 годовщине Октябрьской революции дело прекратить» [Турченко, 2001].

Таким образом, дело с изменой формулировки обвинения о «непринятии мер к безостановочному следованию экстренного поезда тов. Сталина» было закрыто, его участники амнистированы.

Сама амнистия, в еще большей степени формулировка обвинения, пропуск важнейшего документа (рапорта) ставит вопросы о возможной организации намеренного крушения экстренного поезда Сталина.

Обратим на два возможных варианта организации этого крушения, сначала применительно к указанным трем лицам. Очевидно, что говоря между ними маловероятен и речь идет о возмож-

ном действии одного из них. Само действие (перевод стрелки) совершил стрелочник Оберемок, однако важно, что обстоятельства показывают маловероятность организации им попытки крушения. Он не мог предусмотреть заранее ни странный уход его напарника Носова, ни «отсутствия фонарей освещения» у Ляховича. Более того, есть его указания, что он впоследствии пытался исправить ситуацию. Уход Носова ставит вопрос о возможности организации последующего звонка Оберемоку лично им. Однако и в этом случае остается вопрос с Ляховичем и необнаружением им перевода стрелки. Поэтому, на наш взгляд, именно Ляхович — ключевая фигура в указанных событиях. Он имел, в отличие от двух других подозреваемых в халатности, точные сведения о продвижении экстренного поезда. Все остальные эти сведения имели с его слов. Он имел возможность организации звонка стрелочнику Оберемоку, и он же мог заметить или не заметить перевод стрелки. Его действия в указанный промежуток времени, в условиях практически стремительного и поверхностного следствия, не были тщательно изучены. Однако обращает внимание его стремление указать на свидетелей при осмотре стрелки и при отдаании указания о стрелке. При этом, демонстрируя тщательность действий в одном случае, в другом он ссылается на «отсутствия фонарей освещения» для выявления невыполнения распоряжения. Данные обстоятельства позволяют именно его потенциально видеть главным организатором возможных злонамеренных действий. Отметим и римско-католическое исповедание Ляховича, теоретически возможную симпатию польской стороне в войне, которая в то время шла.

Есть и другие версии возможных причин инцидента. С. Турченко указывает на конфликт Сталина—Троцкого как возможную причину организации крушения. Действительно, конфликт имел давнюю историю, о чем свидетельствуют, в частности, исследования С. С. Войтикова [Войтиков, 2013; Войтиков, 2014; Войтиков, 2015; Войтиков, 2017]: «Ведь уже тогда были весьма напряженными взаимоотношения Сталина и Троцкого, и последний вполне мог желать экстренному поезду № 1122 недобroго пути. Тем более что именно в эти дни между “вождями” произошла очередная серьезная стычка. 2 августа 1920 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло решение передать с Южного на Западный фронт 12-ю и 14-ю армии и 1-ю Конную армию Буденного. 13 августа Stalin телеграфировал главному Вооруженных сил С. Ка-

меневу о невозможности выполнить эту задачу (он был в то время членом реввоенсовета Южфронта и явно не собирался ни с кем делиться войсками). Когда же под напором Троцкого из Москвы пришла директива, обязывающая немедленно передать три армии на польское направление, Сталин ее не подписал, а срочно выехал в столицу. Председатель реввоенсовета республики Троцкий, конечно, понимал: Сталин отправился в Москву апеллировать к Ленину, что было для Льва Давидовича явно нежелательно. В столице как раз начиналась разборка по поводу военной катастрофы на польском направлении, к которой и Сталин, и Троцкий имели причастность и были готовы свалить друг на друга вину. Если учесть, что все реввоенсоветы и ревтрибуналы Южного фронта (равно как и Западного) были тогда вполне троцкистскими, легко объяснить и вялое следствие, и затягивание его до ожидавшейся амнистии» [Турченко, 2001].

Однако, на наш взгляд, это, мягко говоря, упрощение ситуации. Достаточно указать, что Юго-Западный реввоенсовет практически возглавлял (курировал) как раз И. В. Сталин. Более вероятным представляется, хотя также очень спорно, возможное указание Троцкого как наркома железных дорог (30 марта 1920 — 10 декабря 1920 г.) местным железнодорожным деятелям о притормаживании продвижения поезда Сталина. Заинтересованность у него такая была, однако вряд ли он предпринял такие шаги.

В любом случае рассмотренный инцидент имел определенные последствия. Сталин прибыл в Москву позднее намеченного им срока. Его подозрительность по отношению к Троцкому увеличилась, да и в целом у него могло сформироваться мнение о преднамеренном действии в его отношении.

Вместе с тем не следует все сводить к «подозрительности» Сталина. В начале 1920-х гг. Сталин отделял реальную подоплеку дел от вымыслов и инсценировок. Это хорошо демонстрирует реакция Сталина на письмо зампредседателя ВЧК И. С. Уншлихта в ЦК РКП (б) В. М. Молотову о направлении последних агентурных сведений о готовящихся террористических актах на видных деятелей СССР и взрывах госсооружений с просьбой вызвать его для доклада на заседание Политбюро. 9 февраля 1922 г. Сталин оставил следующую пометку на документе «Читал. Пустяки» и «С[екретный] арх[ив]» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 27].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927. Сборник документов / Составители: А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996.

Войтиков С. С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиrrова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1.

Войтиков С. С. И. В. Сталин против Я. М. Свердлова. Осень 1918 г. // Новейшая история России. 2015. № 3.

Войтиков С. С. Новейшая историография деятельности И. В. Сталина в годы гражданской войны // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 8.

Войтиков С. С. «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1.

Военно-исторический журнал. 2013. № 8.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

Лубянка. Советская элита на сталинской Голгофе. М., 2011.

Краеведческий сайт «Щукач» от 2 сентября 2012 года // <https://www.shukach.com/ru/node/13193>.

Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1962.

Правда. 1935. 14 ноября.

Ратниковский И. С. Крушение 1 сентября 1918 г. спецпоезда Председателя Высшей Военной инспекции Н. И. Подвойского: версии событий // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018 № 6. С. 33–49.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990.

Турченко Сергей. Первое покушение на Сталина // <http://rosgeroika.ru/library/2015/august/pervoe-pokushenie-na-stalina>.

Турченко Сергей. Ввиду расстройства желудка // Труд. 2001. 30 мая.

Хлевнюк Олег. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2017.

Хименкова Наталья. Крушение воинского поезда в Шумихе. Кто перевел стрелку? // Наша Шумиха. 2014. 30 июня.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 514, 4687, 5457, 5477, 5480, 5539.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 27.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 317–319, 321.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 325, 650, 657.

РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120.

Татьяна Милошевич (Татјана Милошевић)

ЮГОСЛАВИЯ И БАЛКАНСКИЙ ПАКТ

Несмотря на то что прошло более полувека с момента образования Балканского пакта между Грецией, Турцией и Югославией (1953–1954 гг.), важно подчеркнуть, что широкая и профессиональная общественность не имела представления о некоторых аспектах, связанных с его появлением и деятельностью, как и о его настоящих целях и значении. В историографии, как сербской, так и иностранной, эта тема рассматривалась как часть более широких тематических направлений. В истории Холодной войны этот Пакт практически и не упоминается¹.

Образование Балканского союза имело для Югославии огромное значение с учетом того, что это обеспечило ей близкое сотрудничество с Западом на протяжении 50-х гг. XX в., при этом без вхождения в НАТО. В истории Югославии это была наивыс-

---

¹ Дарко Бекић. Југославија у Хладном рату (односи са Великим силама 1948–1955). Загреб, 1988; Иван Лаковић. Западна војна помоћ Југославији 1951–1958, Подгорица, 2006; Милован Ђилас. Власт и побуна, Београд 1990; Радиоџа Лубурин. Помирење Југославије и СССР 1953–1955, Подгорица 1999; Бојан Димитријевић. Југославија и НАТО, Београд, 2003; Драгољуб Живојиновић. Ватикан, католичка црква и југословенска власт 1941–1958, Београд, 1994; Лиз Лорејн. Одржавање Тита (Америка, Југославија и Хладни рат), Београд, 2003; Џон Гедис. Хладни рат, Београд, 2003; Joh Lewis. Strategies of Containment- A Critical Appraisal of American Foreign Policy, Oxford 1985, 2005; Martin Walker. The Cold War — A History, New York, 1993; John Jatrides. Balkan Triangle, Hague-Paris, 1986.

шая точка военного сотрудничества с Западом. Создание Пакта произошло в условиях запутанного международного положения: Югославия находилась в незавидном положении из-за угроз с востока и одновременно будучи идеологическим противником Запада, при этом экономическая ситуация в самой стране была тяжелой. Образование Балканского пакта как регионального союза при твердой позиции по обороне собственной независимости от обоих блоков представляло собой большой дипломатический успех Югославии, который отразился в международном признании югославского президента Й. Б. Тито и Югославии после ссоры с Советским Союзом в 1948 г. Хотя в реальности Пакт был «мертв» в момент своего образования, он все-таки имел символическое значение, которое заслуживает того, чтобы быть предметом изучения профессиональных историков и внимания всех интересующихся проблематикой международных отношений, в особенности молодых дипломатов.

НАЧАЛО НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЮГОСЛАВИИ И ЗАПАДА

После расхождения с Советским Союзом в 1948 г. Югославия оказалась в ситуации, когда она могла стать легкой добычей сразу двух соперничающих сторон Холодной войны. Одновременно она оказалась в полной изоляции со стороны международного сообщества². Югославия сумела выдержать давление СССР, но из-за этого произошло ее отдаление от Востока. Поэтому появилась необходимость строить новые, совершенно иные отношения с Западом. Свою политику поиска опоры и защиты на Западе Югославия надстроила вступлением в программу военной помощи. Этим шагом она обеспечила себе модернизацию собственных вооруженных сил и укрепление международных позиций. Программа военной помощи представляла ступень в развитии отношений с Западом, которые должны были привести к вхождению страны в НАТО. Однако идеологическая позиция Югославии не позволяла ей осуществить автоматический переход в противоположный лагерь, а США, как гегемон западного военного союза, оценивали степень полезности различных видов военно-

² Архив Югославије (AJ), Кабинет Маршала Југославије (KMJ), AJ KMJ, I-6.

го сотрудничества с Югославией³. При таком соотношении сторон американская сторона видела пользу в поддержке югославских коммунистов и применении так называемой стратегии вбивания клина: США пытались ослабить контроль Советского Союза в Восточной Европе и вызвать разделение в новообразованном блоке социалистических стран через исключение Югославии как важного регионального игрока из советской орбиты. Американская администрация рассчитывала на югославское «отпадение», результатом которого стало бы формирование «стратегического барьера» против Советского Союза, основными столпами которого были Греция, Турция и Югославия. Вхождение или приближение к Североатлантическому пакту стало приоритетным вопросом для Югославии в этот период. Однако существовали и факторы, которые во многом ограничивали или затрудняли ее приближение в НАТО. Одним из них был спорный вопрос Триеста, который разгорался все больше⁴.

Согласно этой политике Югославия была вынуждена начать постепенную нормализацию отношений со своим прозападным окружением и прежде всего с Грецией, которая тем временем стала членом НАТО. Нормализация отношений между двумя странами последовала уже в январе 1951 г. путем подписания различных договоров, касавшихся железнодорожного, почтового, телефонного и телеграфного сообщения. Однако главной проблемой в отношениях двух стран остался вопрос македонского национального меньшинства. Из-за стремления Греции войти в Атлантический блок «как равноправного партнера открылся вопрос организации командования Среднего Востока»⁵. Весной 1952 г. произошла активизация греко-югославского сотрудничества, когда отношения двух стран были подняты на уровень посольств. Вдобавок к этому состоялся визит греческой делегации в Югославию,

³ Иван Лаковић. Западна војна помоћ Југославији као увод у стварање Балканског пакта, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић) Институт за стратешка истраживања, Београд 2008, 201–205. Двустороннее соглашение о военной помощи США Югославии было подписано 14 ноября 1951 г. Подробнее об этом сегменте военного сотрудничества США см.: Татјана Милошевић. Обнова војне сарадње САД и СФРЈ 1970–1974, Војноисторијски гласник 2, Београд, 2017, 257–282.

⁴ АЈ КМЈ, I-3-6/804.

⁵ Балкански пакт 1953/1954, Зборник документа (ур: Милан Терзић, Михајло Басара, Немања Милошевић, Миљан Милкић, Дмитар Тасић и Татјана Лечић), Војноисторијски институт, Београд, 2005, 9–10.

целью которого было развитие экономического сотрудничества двух стран. Одновременно в югославской печати стали появляться публикации, которые представляли Югославию как страну, которая успешно справилась с последствиями политики Коминформа именно благодаря связям с Западом. О Югославии писали также как о примерном и уважаемом члене ООН, внесшем большой вклад в развитие западной коллективной системы безопасности⁶.

Помимо Греции, югославские дипломатические представители трудились над установлением парламентарного сотрудничества с Турцией. Югославская дипломатия продолжала внимательно следить и участвовать во всех видах балканских военных и политических переговоров с Грецией и Турцией в течение 1951 и 1952 гг. Греческое и турецкое правительства после вхождения в НАТО в феврале 1952 г. осознали необходимость сотрудничества с Югославией ради безопасности своих стран⁷.

Появление идеи о формировании регионального военного союза на территории Европы между государствами с различным общественным строем, которые принадлежали разным сторонам bipolarного мира, представляло собой исторический прецедент. Вообще сама идея о тесном сотрудничестве трех балканских стран происходила из чувства угрозы и возможной агрессии со стороны СССР и его союзников. Заинтересованность югославского руководства в формировании Балканского пакта происходила из необходимости сохранения экономического сотрудничества с Западом и потребности усиления позиции Югославии в переговорах с Италией с целью решения вопроса Триеста. В отличие от Югославии, интересы Греции и Турции в этом вопросе рождались из необходимости усиления и расширения влияния Североатлантического пакта на Балканах и устранения советского влияния в этом регионе. Однако важно подчеркнуть, что Грецию и Турцию к военному сотрудничеству с Югославией в первую очередь мотивировали их собственные интересы, направленные на усиление их позиций и престижа в самом НАТО⁸.

⁶ Лорејн Лис. Одржавање Тита. Америка, Југославија и Хладни рат, Београд, 2003, 160.

⁷ Балкански пакт 1953/1954, зд, 18.

⁸ Драган Богетић. Подстицајни и фактори ограничавања на путу савезништва Југославије, Грчке и Турске 1952–1954 године; Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић) Институт за стратегијска истраживања, Београд, 2008, 64–65.

В то время как Греция и Турция рассматривали Балканский пакт как переходный этап, обеспечивающий коллективное вхождение всех трех стран в НАТО, югославское руководство настаивало на том, чтобы не брать на себя никакие обязательства, которыми бы Пакт непосредственно связывался с НАТО. Тем не менее все более выраженное сотрудничество с Западом носило в себе опасность поставить под вопрос существующую общественно-политическую систему, как и власть коммунистической партии в Югославии. Поэтому югославские политики в соответствии с событиями на международной и отечественной арене были обязаны постоянно соизмерять степень приближения или дистанцирования от Запада и его требований. Такую политику они применяли во время сотрудничества как с Грецией, так и с Турцией⁹.

ФОРМИРОВАНИЕ БАЛКАНСКОГО ПАКТА

В начале 1952 г. начались более интенсивные контакты и сотрудничество между Грецией, Турцией и Югославией при активном участии НАТО, США и других западных стран. Важно подчеркнуть, что уже в самом начале британская элита противилась формированию какого бы то ни было, пусть и формального, договора между упомянутыми странами в случае, если они останутся вне Атлантического пакта. Итальянское правительство ввиду нерешенного вопроса Триеста также демонстрировало завидную долю опасения из-за возможного усиления Югославии при поставках вооружения. Тем не менее американская сторона практически во всем поддерживала развитие греко-турецко-югославского оборонительного сотрудничества, лишь указывая на то, что спешить с заключением такого пакта было не необходимо. Греческая и турецкая стороны полностью осознавали, что для нового вида сотрудничества между балканскими странами официальное согласие НАТО было все-таки необходимо¹⁰.

Согласно югославским замыслам новоформирующийся Балканский пакт должен был способствовать как военно-политическому сближению, так и открытию греческого и турецкого рынка для югославских промышленных товаров взамен на пшеницу и другое

⁹ Д. Богетић. Н. д., 66.

¹⁰ Војни Архив. ГШ ЈНА. Седмо одељење. К. 374. Ф. 1,208.

сырье. Для подготовки конкретных решений при первых трехсторонних переговорах в начале 1953 г. в Югославию последовал визит турецкого министра иностранных дел М. Ф. Кёпрюлю (21 января 1953 г.). В ходе визита между двумя странами было достигнуто «начальное согласие, что в интересах обеих стран необходимо дальнейшее сотрудничество путем заключения договора, который сделал бы возможным и военное сотрудничество, но в границах турецких обязательств перед НАТО»¹¹.

Затем 3 февраля 1953 г. Белград посетил греческий министр иностранных дел С. Стефанопулос. Во время визита была утверждена «совместная платформа будущего договора трех балканских стран о дружбе и ненападении, что означало отказ от имевшей место постоянной напряженности между Грецией и Турцией, и о заключении военного союза, благодаря которому уменьшилась бы опасность агрессии со стороны восточноевропейских государств»¹². Все три страны были согласны в оценке, что для их безопасности и мира необходимо политическое сотрудничество. Поэтому в западной прессе начали появляться материалы, подтверждавшие тезис о том, что формирование союза балканских государств должно усилить оборонительную систему Европы и иметь положительный эффект для НАТО. Казалось, что и само югославское руководство видело в Балканском пакте дополнительный элемент своей военно-политической безопасности. В этой расстановке сил и отношений был лишь заметен страх итальянского руководства из-за симпатий НАТО к Югославии, что могло решающим образом повлиять на решение кризиса вокруг Триеста¹³.

Накануне подписания Анкарского договора в Анкаре с 17 по 20 февраля 1953 г. были проведены первые трехсторонние переговоры военных делегаций Югославии, Греции и Турции. Во время этой конференции было предусмотрено рассмотрение восстановления сотрудничества трех стран и возможности их совместной обороны от агрессии СССР и его союзников. «Делегации согласились, что любая возможная агрессия против одной из стран может создать угрозу для обороны других, и потому, если бы она произошла в отношении всех стран одновременно или

¹¹ Балкански пакт 1953/1954, зд, 31.

¹² Исто, 35.

¹³ Дејан Ристић. О одјецима Балканског пакта у Западноевропској и америчкој штампи, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић), Институт за стратешиска истраживања, Београд, 2008, 404.

по отдельности, это рассматривалось бы как угроза и агрессия против остальных»¹⁴. На конференции была установлена повестка дня, согласно которой они должны были в первую очередь обменяться данными о вооруженных силах СССР. Второй пункт относился к возможности обороны всех трех стран с учетом представленных сил противника, а третий пункт касался рассмотрения оборонительных планов всех трех стран. В ходе конференции турецкий представитель указал на существование четырех фронтов в Турции, а именно: Фракийского, Черноморского, Восточного (со стороны Кавказа) и Южного. Цель вражеской активности на Фракийском и Черноморском фронте сводилась к занятию Проливов и Фракии, цель Восточного и Южного подразумевала выход к Средиземному морю. Исходя из этого наибольшая часть турецких сил была размещена во Фракии и Проливах. С учетом важности и значения Проливов не только для балканских союзников, но и для всего Средиземноморского региона, их необходимо было оборонять совместными силами. Югославская сторона даже предлагала совместное сотрудничество по этому вопросу, несмотря на то что Греция и Турция были членами НАТО. Турецкий министр обороны выступал за разработку планов размещения войск и совместных действий в сотрудничестве с НАТО. В отличие от турецкого, греческий представитель указал на наличие двух фронтов в Греции: первого против Албании и второго против Болгарии. Он выступал за формирование мощных сил с акцентом на горные подразделения и с учетом большой протяженности страны. Министр информировал представителей югославской и турецкой стороны о том, что греческие силы держали активную оборону в отношении Албании и Болгарии. Греческая сторона считала, что в областях, представляющих совместный интерес, необходимо держать довольно серьезные силы соответственно возможностям союзников. Югославский представитель во время конференции также говорил о существовании трех фронтов в Югославии: Западного, Центрального и Южного. При этом он подчеркнул, что все сконцентрированные силы на трех упомянутых направлениях были одинаковы. Югославская сторона считала, что любое нападение на Югославию представляло бы собой только

¹⁴ Немања Милошевић. Југославија, САД, НАТО и Балкански пакт, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић), Институт за стратешијска истраживања, Београд, 2008, 185.

прелюдию к новой войне. Также подчеркивалась важность и значение Загребско-Люблянского, Центрального и Нишско-Скопленского направления¹⁵.

Как результат переговоров в Анкаре появился Меморандум, в рамках которого три страны подчеркнули, что принимают существующие дружеские отношения и необходимость реализации военного договора с целью обороны своих стран от общего врага, для отпора агрессии на Балканах. Делегации согласились, что всякая агрессия, направленная против любой из них, одновременно означала и угрозу безопасности двух других. Они пришли к заключению, что взаимопомощь трех стран через военное сотрудничество будет иметь в качестве результата не только оборону их территорий, но и послужит обеспечению мира во всем мире¹⁶.

Несколько дней спустя, 28 февраля, в Анкаре состоялось подписание так называемого Анкарского договора (Договор о дружбе и сотрудничестве между СФРЮ, Королевством Грецией и Турецкой Республикой), который по своей форме и содержанию представлял собой широкое основание для развития и укрепление разностороннего сотрудничества на политическом, военном, культурном и экономическом поле между тремя странами¹⁷.

У ряда стран была заметна определенная доля скепсиса по отношению к крепким связям балканских стран. Так, например, итальянская сторона в объединении балканских стран видела препятствие для реализации собственных планов. Британская элита также не была воодушевлена заключением договора из опасения, что тем самым могла бы сузиться возможность ее влияния и вмешательства на Балканах. Франция разделяла британскую позицию, но оставалась пассивна. Меньше всего сомнений испытывали США. Однако, несмотря на все негативные опасения на его счет, Анкарский договор был истолкован как значительный вклад в укрепление безопасности и независимости Балкан и считался необходимым звеном в цепи коллективной безопасности¹⁸.

Постепенно происходил процесс укрепления и развития политического и военного сотрудничества между тремя странами, который подразумевал продолжение переговоров, особенно воен-

¹⁵ Балкански пакт 1953/1954, зд, 39–42.

¹⁶ ВА, ГШ-2, к.15. ф. 1. бр. 1/1.

¹⁷ Балкански пакт 1953/1954, зд, 42.

¹⁸ Ај, Кабинет председника Републике (КПР), I-5-с / Балкански савез.

ных. На этом пути сотрудничества трех балканских стран появлялись многочисленные искушения. Одним из них было желание турецкого руководства связать Балканский пакт с НАТО. Одновременно и на Западе велись переговоры о моделях связи Балканского пакта с НАТО. В этом направлении развивался и визит американского государственного секретаря А. Даллеса в Анкарку и Афины в конце мая 1953 г., темой которого была разработка отношений НАТО к Балканскому договору. «Американцы считали, что на Югославию нужно было смотреть как на военный фактор, который обеспечивает непрерывность фронта против Восточного блока, в то время как англичане подчеркивали югославское влияние в отделении союзных стран от СССР. Большинство членов в политическом комитете НАТО считали, что Югославия должна присоединиться к Североатлантическому пакту и что Трехсторонний договор представлял собой только подготовку к этому акту»¹⁹.

Вскоре после подписания Анкарского договора произошла встреча военных представителей трех стран в Афинах (3–12 июня 1953 г.). Основную тему переговоров на Второй трехсторонней конференции представляла позиция, согласно которой нападение на одного из членов считалось нападением на все три страны. На Конференции рассматривались вопросы, которые касались территорий, имевших жизненно важное значение для всех трех стран, т. е. Проливов и греко-югославского пограничья. План переговоров подразумевал отдельную работу нескольких комиссий. На общем заседании был проведен анализ Балканского фронта и его значения для обороны союзников, Европы и Среднего Востока. Детально анализировались македонский и фракийский участки и зона около Проливов с планируемыми линиями обороны, силами и образом действий. Предметом работы Развязывающей комиссии была оценка сил противника, анализ его военных планов, из которых как приоритетные выделялись оккупация северной Италии, северной Югославии, Турции и Среднего Востока. Подкомиссия изучения сил союзников занималась вопросами сил стран во время войны и мира, сроками службы в армии, призывом и обучением новобранцев, составом пехотных дивизий, вопросами помощи, оказываемой дивизиям в транспортном отношении со стороны иностранных армий и корпусов, пополнени-

---

¹⁹ Н. Милошевич. Н. д., 187.

ем сил на общих фронтах²⁰. Подкомиссия по авиации занималась анализом воздушных сил противника и союзников, координацией действий трех союзных авиаций. Подкомиссия по связи работала над установлением состояния, качества, потенциала, средств и организации связи в гражданском и военном секторе и предлагала договор по вопросам частоты, вызова, шифрования и системы работы. Перед подкомиссией по снабжению стояла задача по изучению ряда вопросов, связанных с этой проблематикой. Это подразумевало регулирование вопросов снабжения югославских и греческих баз, состояние и контроль сообщения, сотрудничество с греческими портами, снабжения югославских сил через порты в Фессалониках или альтернативным путем в случае занятия Фессалоник, принятие во внимание альтернативных путей снабжения через албанские порты Дуррес и Влера. Как конечный результат трехсторонних разговоров в Афинах состоялось появление Меморандума с пунктами (A, B, C, D, E) и краткое совместное коммюнике²¹.

Хотя в этот период возможность агрессии со стороны СССР и их союзников несколько снизилась, в ходе конференции большое внимание было посвящено Балканскому театру военных действий. В случае возможного нападения СССР на правое крыло балканского фронта Советы могли стать хозяевами всех Балкан. Поэтому союзники были вынуждены согласовать между собой и с силами НАТО свои воздушные и наземные операции. В случае Югославии подразумевалось косвенное сотрудничество через Грецию и Турцию²². Во время конференции было проявлено согласие в оценке необходимости выработки согласованных оборонительных планов сухопутных и воздушных греческих и югославских сил на территории Югославии и Греции в целях их совместной обороны. Потенциальное нападение со стороны СССР и их союзников повлияли на изменение позиции Запада в отношении Балканского пакта, особенно когда речь шла о военном сотрудничестве. С включением Западной Германии в западную оборонительную систему последовало формирование цельной оборо-

²⁰ ВА, ГШ. К. 15. Ф. 1, 2.

²¹ Балкански пакт 1953/1954, зд, 51–53.

²² Далибор Денда. Друга трипартитна конференцијавојних представника земаља чланица балканског пакта у Атини, 3–12. јуна 1953. године, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић), Институт за стратегијска истраживања, Београд 2008, 148.

ронительной линии от Советского Союза. С Югославией в Балканском пакте и Западной Германией в НАТО «европейская оборона продемонстрировала бы, что стала способна противостоять всякой агрессии вдоль всей линии европейского фронта»²³.

Вторая трехсторонняя конференция в Афинах стала значительным прогрессом в военном сотрудничестве трех стран. «Переговоры военных делегаций отражали систематический подход в разработке военного компонента и продолжение сотрудничества в духе Анкарского договора»²⁴. Уже 7 июля 1953 г. в Афинах была проведена регулярная ежегодная встреча министров иностранных дел Югославии, Греции и Турции, которая была предусмотрена решениями Балканского пакта. На встрече было принято решение о разработке конкретных планов действий со стороны Генштабов, а также достигнута договоренность о создании специальных комиссий, в задачи которых входила работа по расширению возможностей экономического и культурного сотрудничества между тремя государствами. Также появился договор об основании Постоянного секретариата, в задачи которого входило изучение и доставка правительствам предложений по всем важным вопросам политического и культурного сотрудничества. Вместе с тем во время встречи проявились большие различия в оценке перемен в СССР. Это указывало на то, что дальнейшее сотрудничество в рамках Балканского пакта будет протекать намного медленней²⁵.

В рамках стремлений великих держав, подразумевавших включение Югославии в оборонительные планы западных союзников, дело дошло до участия югославской военной делегации в Вашингтонской конференции 24–28 августа 1953 г. Присутствие югославской делегации вызвало большой интерес особенно на Западе. На этой конференции произошла встреча представителей вооруженных сил Франции, Великобритании, США и Югославии. На конференции велась дискуссия об оценках степени угрозы для Югославии со стороны СССР и возможной военной помощи, которая могла быть представлена в этом случае, о разработке югославских стратегических концепций для обороны с особым вниманием к северо-западу Югославии, а также о необходимости оказания оперативной и материальной помощи, продолжении

²³ Немања Милошевић. Н., д. 188.

²⁴ Балкански пакт 1953/1954, за., 53.

²⁵ Балкански пакт 1953/1954, за., 56–58.

дальнейших военных переговоров с югославской стороной. Западные союзники продолжали пытаться свести вклад Балканского пакта исключительно к формированию единого фронта с Грецией и Турцией, в котором задача Югославии состояла бы в препятствии операциям, направленным на выход к Эгейскому морю. Югославия обладала большим стратегическим значением как составная часть обороны Европы: речь шла о соединении австрийского фронта с греко-турецким в одну непрерывную линию²⁶. Важно подчеркнуть, что представители трех западных сил особое внимание уделили и обороне так называемого северо-западного направления или Люблянских ворот. Проблема обороны на северо-западном направлении была дополнительно затруднена неурегулированными отношениями между Югославией и Италией из-за спора о Триесте. Поэтому во время конференции западные представители дистанцировались от проблемы Триеста как политического, но не военного вопроса, и работали над нахождением наилучших решений для включения Югославии в оборонительные планы Запада²⁷.

В целях дальнейшего развития сотрудничества, в Белграде 10–20 ноября 1953 г. прошла Третья конференция членов Балканского пакта. Непосредственно перед встречей в Белграде греческий генштаб разработал проект оборонительных планов, который доставил представителям югославского и турецкого генштабов. Этот оборонительный план был разработан на случай нападения на Югославию, Грецию и Турцию со стороны Болгарии, СССР и их союзников. Так называемый Оборонительный план срочных действий был посвящен применению сил, средств и возможностей, которыми располагали три страны в начальный период войны. Проект плана состоял из трех частей: основного трехстороннего плана быстрого действия, трехстороннего плана воздушных сил, координации оперативных планов соседних командований. На встрече в Белграде делегации трех стран решили рассматривать каждый пункт этого греческого плана отдельно. Особый акцент придавался совместным участкам фронта. Греческая версия плана базировалась на наступательном характере с учетом того, что после отражения первого удара сил СССР начнутся действия в основном югославских сил в направлении Софии, затем

²⁶ ВА, ГШ. К. 16. Ф. 2, 2/1.

²⁷ Исто, 58–60.

греческих в сторону Гоце-Делчева и турецких по направлению к Пловдиву. Однако представители Югославии не верили, что балканские союзники в состоянии поддержать такой амбициозный план с учетом того, что не располагали соответствующими силами. Параллельно с работой общей комиссии на конференции начали работать и подкомиссии, в задачу которых входила разработка Оборонительного плана и Плана координации. Затем начали работу разведывательная подкомиссия и военно-воздушная комиссия. Встреча представителей генштабов закончилась выработкой Трехстороннего оборонительного плана с приложениями (А — вражеские силы, В — Наши сухопутные силы, С — Наши воздушные силы, F — Координация оперативных планов сухопутных сил), Меморандума, Сообщения для НАТО, а также Коммюнике. Таким образом, был выполнен план определения и детализации военного компонента Балканского пакта²⁸.

В Меморандуме делегации трех стран демонстрировали согласие представить своим генштабам предложения о проведении следующей конференции представителей генштабов в Анкаре, на которой были бы разработаны приложения планов: D — Наши военно-морские силы, E — Контрудары, G — Координация разведслужб, J — Тыловая служба, K — Связь. Для знакомства и сближения командиров и офицеров трех армий была предложена разработка единой программы взаимных визитов. В Сообщении для НАТО подчеркивалось, что югославские и греческие силы прикрытия имели задание задержать неприятеля на границе, в то время как главные силы должны вести совместную оборону на определенном поясе. Турецким силам было доверено задержать в своих руках контроль над Проливами и со стороны пограничного фронта, а также вести активную оборону, опираясь на линию Каталджа-Демир-Капия. Части сухопутных войск двух соседних стран было необходимо обеспечить возможность обоядного движения с территории одной страны на территорию другой. Воздушным силам трех стран, выделенным для использования в зонах совместных интересов, нужно было координировать атаки, чтобы иметь возможность бороться против общего противника в границах их возможностей. Перед военно-морскими силами стояла задача поддерживать операции собственных сухопутных сил, а в случае необходимости взаимно помогать в зонах общих

²⁸ Балкански пакт 1953/1954. Зд., 60–67.

интересов. Связи между командованиями нужно было обеспечить путем делегирования групп офицеров связи или офицерами связи под единым управлением²⁹.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БАЛКАНСКОГО ПАКТА В ВОЕННЫЙ

В начале 1954 г. отношения Югославии и Запада развивались в сторону преодоления кризиса вокруг Триеста, получения экономической помощи и попыток возвращения доверия из-за «случая Джиласа». Уже в январе начались переговоры в Лондоне об экономической помощи и решении вопроса Триеста. Турецкая сторона считала, что планы по обороне Балкан должны были координироваться с НАТО, в то время как вопрос Триеста являлся условием, без решения которого дальнейшее сотрудничество с Атлантическим пактом было невозможно. Одновременно продолжались переговоры с Грецией и Турцией о возможном превращении пакта в полноценный военно-политический союз³⁰. За это время в греческом генштабе действовала сильная проамериканская партия, работавшая над разрушением сотрудничества трех балканских стран и имевшая конечную цель в том, чтобы превратить Грецию в посредника между Югославией и США. В то же время во время многочисленных переговоров с греческими и турецкими военными представителями постоянно обсуждалась идея о вступлении Югославии в НАТО. Таким образом должны были быть удалены все препятствия для разработки полных планов обороны Балкан³¹.

Несмотря на постоянное давление со стороны НАТО и США, военные переговоры между тремя балканскими государствами с целью планирования их обороны были продолжены. В связи с этим с 24 марта до 1 апреля 1954 г. прошла Четвертая конференция в Анкаре. На конференции в Анкаре были дополнены все планы, принятые на белградской встрече. Греческий генштаб получил задание разрабатывать планы, которые были бы рассмотрены на общей комиссии. Помимо общей существовали еще и спе-

²⁹ ВА, ГШ-2. К.15. Ф. 2, 3.

³⁰ ВА, ГШ ЈНА. Седмо одељење. К. 375. Ф. 1, 24.

³¹ Немања Милошевић. Н., А, 190.

циальные подкомиссии, которые занимались отдельными планами. На повестке дня конференции оказались приложения: D — Действие флота, E — План контрнаступления, G — Координация разведывательных служб, J — Тыл, K — Связь. Как результат этой встречи появились документы: Меморандум, 5 приложений (D — План действия морских сил с двумя дополнениями, E — План применения резерва и контрнаступления, Приложение G — План координации разведывательных служб с двумя дополнениями, J — План тыла, K — Проект связи с одним добавлением), Сообщение для НАТО и Официальное коммунике³². В Меморандуме представители трех генштабов достигли согласия о проведении следующей встречи в Афинах. На этой встрече должны были быть рассмотрены темы совместной оценки ситуации, изучения и согласования оперативных планов, относившихся к Первой греческой и Третьей югославской армиям и соответствующим командованием, работы комиссии по связи, детального плана комиссии по тылу, обеспечения взаимных визитов командующих и офицеров трех армий³³.

После конференции в Анкаре последовало продолжение военных переговоров, но на этот раз исключительно двусторонних — между греческой и югославской армией (с 9 по 15 июня в Струмице, а затем с 26 июля по 4 августа в Фессалониках). На этих встречах были разработаны планы совместных действий двух соседних армий на совместных театрах военных действий. В это же время параллельно проходили переговоры турецких и греческих представителей с НАТО и США. Американская сторона выставляла условием подписания союза между балканскими странами вхождение Югославии в НАТО и решение проблемы Триеста. Появилась инициатива о преобразовании пакта в военный союз. Югославский президент поддерживал эту инициативу, но по-прежнему противился вхождению Югославии в НАТО. Однако американская политика продолжала давление с целью включения Италии в Балканский пакт. За это время состоялись два визита президента Югославии в столицы Турции и Греции: в Анкару — 12–18 апреля, в Афины — 2–6 июня 1954 г. Эти визиты Тито представляли собой только продолжение международной дипломатической активности югославского президента: «Визиты были значимыми

³² Балкански пакт 1953/1954. Зд., 71–73; ВА, ГШ-2. К. 17. Ф. 1,1/1.

³³ ВА, ГШ-2. К. 16. Ф. 4,1/1.

шагами в дальнейшей детализации и постройке Балканского пакта, в отношениях с Западом и будущих отношений с Москвой»³⁴.

Три государства продолжили переговоры о возможностях дальнейшего развития Пакта в Афинах на так называемой конференции специалистов 28 июня 1954 г. В ходе афинских переговоров самым проблематичным оказалось отношение Балканского пакта к НАТО. По этому вопросу на встрече дошло до столкновения разных концепций: греко-турецкой — с одной, и югославской — с другой стороны. Югославская сторона подразумевала особый приоритет тройственного союза, а греко-турецкая защищала тезис, что Балканский пакт должен быть лишь довеском к НАТО. Со временем был достигнут компромисс. Разработали предложение, которое ближе всего было к югославской концепции. Одновременно было принято и греческое предложение, предполагавшее проведение встречи министров иностранных дел в г. Блед (Югославия) 17 августа, которые должны были подписать договор о союзе. Однако США продолжали влиять на замедление подписания союза через Турцию. Американская сторона пыталась втянуть Югославию в НАТО через Балканский пакт, используя для этого Италию: она могла замедлить вхождение Греции и Турции в Балканский пакт без предварительного одобрения и согласия всех членов Атлантического договора³⁵.

Тем не менее 6–9 августа 1954 г. состоялась конференция министров в Бледе, результатом которой стало заключение военного союза Греции, Турции и Югославии. Заседание открыл югославский государственный секретарь иностранных дел К. Попович³⁶. Потом очень быстро последовало основание комитетов, которые имели задачу работать над согласованием текста о союзе. Затем был принято югославское предложение, связанное с пунктом 6 («На случай вооруженной агрессии на одну или более стран — членов договора они берут на себя обязательства взаимной помощи и будут консультироваться о мерах, которые необходимо предпринять в согласии с принципами ООН, чтобы противодействовать ситуации, сложившейся на их территории»), в соответствии с которым Югославия могла принять самостоятель-

³⁴ Н. Милошевић. Н. д., 192. Дарко Бекић. Југославија у хладном рату (Односи са великим силама). Загреб, 1988, 612.

³⁵ Н. Милошевић. Н. д., 193.

³⁶ Д. Бекић. Н. А., 646–648.

ное решение по своим обязательствам. Таким образом, благодаря приведенному пункту Югославия сумела добиться того, что Балканский пакт останется чисто оборонительной организацией, независимой от НАТО, но при этом соответствующей положениям ООН. Во время съезда в Бледе была проведена и встреча представителей генштабов. На встрече впервые прозвучала идея о подготовке совместных планов обороны на всей территории трех стран. Также обсуждался и вопрос сотрудничества между троиственным союзом и военной организацией НАТО. Был поднят и вопрос командования армиями Балканского пакта³⁷. Бледский договор был окончательно подписан 9 августа 1954 г. Он подразумевал заключение военного союза между тремя балканскими странами на 20 лет. С его подписанием отношения балканских союзников были подняты на самый высокий уровень. При сравнении двух договоров (Анкарского и Бледского) можно заметить заметные различия, начиная с названий до числа участников самого договора. Полное название Бледского договора звучало так: «Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи». Он содержал 14 пунктов. Бледский договор был ратифицирован югославской стороной в октябре 1954 г.³⁸

Сразу после подписания Бледского договора в западной печати все больше стали преобладать идеи, что Югославия с подписанием Балканского пакта *de facto* вошла в НАТО. В американском журнале «Тайм» Югославия была обозначена в составе европейского пояса, простиравшегося благодаря НАТО от Исландии до Арапата³⁹.

Важно подчеркнуть, что в этот период американские и итальянские планы, связанные с Балканским пактом, были практически одинаковыми. Обе стороны выступали за вхождение Югославии в НАТО или Италии в Балканский пакт, то есть за полное согласование планов Балканского пакта с НАТО или связью планов НАТО и стран Балканского пакта через согласованные планы Югославии и Италии. Ни итальянская, ни американская сторона не были довольны формированием Балканского пакта, считая его чисто региональным военным пактом. Единственная польза Пакта

³⁷ ВА, ГШ. К. 17. Ф. 2,1/1.

³⁸ Н. Милошевић. Н. д. 194–195. Балкански пакт 1953/1954. Зд., 96–97.

³⁹ Дејан Ристић. О одејсима Балканског пакта у Западноевропској и америчкој штампи, Балкански пакт 1953/1954. Зборник радова (ур: Немања Милошевић), Институт за стратешјска истраживања. Београд 2008, 412.

в глазах обеих стран заключалась в возможности связать его в перспективе с командованием Альянса⁴⁰.

После подписания Бледского договора военное сотрудничество между тремя странами продолжилось путем проведения конференции начальников генштабов Балканского пакта в Афинах с 20 по 29 сентября 1954 г. Задачей конференции было заявлено рассмотрение результатов трехстороннего военного сотрудничества и последствий Бледского договора. Турецкая сторона в качестве наиболее важных для конференции поставила вопросы совместного командования и отношений между Балканским пактом и НАТО. Во время проведения конференции югославская сторона получила впечатление, что турецкая сторона всеми силами пытается подчинить Балканский пакт НАТО. Однако стало понятно, что без адекватного политического контекста воплотить задуманное сотрудничество было невозможно. Все указывало на то, что на конференции вместо укрепления фактора военного союзничества дело фактически дошло до признаков конца военного сотрудничества трех балканских стран⁴¹.

Продолжением начатых сентябрьских переговоров считается Пятая трехсторонняя конференция, которая также прошла в Афинах с 4 по 12 ноября 1954 г. Повестка конференции мало отличалась от ранее утвержденной. Результатом конференции стало появление документа «Приложение А», касавшегося оперативных вопросов. Произошел общий обмен мнениями о применении военно-воздушных сил, работе тыла и связи. Было предложено, чтобы все нерешенные вопросы были оставлены и рассмотрены на следующей, Шестой трехсторонней конференции, которая должна была состояться в Белграде⁴². План Первой греческой и Третьей югославской армии был проработан на встрече общей комиссии. В результате были согласованы Меморандум и приложения А — Оперативные вопросы (о координации греческих и югославских армий, дополнен встречами с турецкой стороной с целью подготовки аналогичного плана совместных действий), В — Военно-воздушные вопросы, С — Вопросы тыла (в будущем предполагалось достигнуть соглашения о расчете материальных потребностей армий, оказании помощи в транспортных сред-

⁴⁰ Н. Милошевић. Н. д., 195.

⁴¹ Н. Милошевић. Н. д., 196, Балкански пакт 1953/1954. Зд., 99–101.

⁴² Н. Милошевић. Н. д., 197, Балкански пакт 1953/1954. Зд., 102–105.

ствах, организации коммуникаций и финансовой компенсации), Д — Вопросы связи армий и корпусов, система шифров, курьеров, радиорелейной связи, Е — Обмен картами⁴³. В Меморандуме делегации трех стран выразили согласие с проведением Шестой трехсторонней конференции в Белграде. На этой конференции предполагалось проработать вопросы совместной оценки сил неприятеля и планов действий противника против трех союзных держав тройственного союза, принять координированный Трехсторонний план, основанный на национальных оборонительных планах трех стран, рассмотреть вопросы авиации, тыла, связи, принять предложение югославской делегации об обмене визитами между начальниками географических институтов трех стран⁴⁴.

События конца 1954 г. показывали, что отношения между тремя балканскими союзниками становились все более холодными и не обещали многоного для перспективы дальнейшего балканского сотрудничества.

КРИЗИС ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАЛКАНСКОГО ПАКТА И ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ЕГО КОНЦА

1955 год стал годом великих перемен в международной политике. Прежде всего, произошла постепенная нормализация отношений между Югославией и СССР, затем сформировалась югославская политика невступления в блоки, а позднее возникли большие разногласия между Турцией и Грецией из-за Кипра. Тем не менее и в этом году продолжалось давление со стороны западных правительств, которые подразумевали привязывание Балканского пакта, а особенно Югославии к НАТО. Уже в начале года (с 28 февраля до 2 марта) прошла конференция министров иностранных дел в Анкаре. Она состоялась на фоне серьезного ухудшения греко-турецких отношений в связи с выдвижением перед ООН кипрского вопроса и все больших разногласий между турецкой и югославской стороной из-за турецкой активности по привязыванию Югославии как члена Балканского пакта к НАТО⁴⁵. Несмотря на все

⁴³ Балкански пакт 1953/1954, зд., 102–103.

⁴⁴ ВА, ГШ-2, к. 17, ф. 3, 1/1.

⁴⁵ Татјана Лечић. Узроци кризе у функционисању Балканског савеза, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић), Институт за стратешка истраживања. Београд, 2008. 154.

противоречия, проявившиеся в ходе работы конференции, дело дошло до подписания Договора об образовании Балканской совещательной ассамблеи, принятия решения о Балканском институте, проведении трехсторонней экономической конференции. На этой конференции к общему удовлетворению югославской стороны было отвергнуто предложение о возможной координации планов Балканского и Атлантического пактов. Согласно пункту 4 Бледского договора был создан Постоянный совет министров трех стран⁴⁶.

Разногласия между тремя балканскими странами достигли кульминации после завершения этой конференции. Своего пика они достигли во время визита турецкого премьера А. Мендереса в Белград в мае того же года. За этим визитом скрывалась попытка американской стороны осуществить непосредственное давление на Югославию с целью уменьшения ее растущего влияния в организации международного антиблокового движения. Турецкий премьер продолжал убеждать югославское руководство в необходимости связи Балканского пакта с НАТО ради всестороннего военного сотрудничества, повышения успешности совместной обороны и получения большей военной помощи от американской стороны. Однако переговоры в Белграде не оправдали турецких ожиданий, а, наоборот, ознаменовали практический крах турецких попыток втянуть Югославию в военное окружение Запада⁴⁷. Югославское руководство воспринимало турецкое правительство исключительно как проводника американской политики на Балканах. Турция в глазах общественного мнения Югославии была скомпрометирована как нелояльный союзник в Балканском пакте, чем повиляла на его ослабление⁴⁸.

В то же время перед Турцией стояла задача инициировать присоединение к Балканскому пакту Италии. После формирования Балканского пакта итальянское правительство занялось подготовкой необходимых политических инициатив по политическому и военному сотрудничеству с Югославией, то есть вхождению в Балканский пакт. Такая политика была согласована с позицией Великобритании и США. Однако часть представителей итальян-

⁴⁶ Балкански пакт 1953/1954, зд, 107–109.

⁴⁷ Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије иностраних послова (ДАМСП, РС, ПА (Политичка архива), 1955, Ф. 68, 18319, Посета турског премијера Мендереса Југославији.

⁴⁸ ДА МСП, РС, ПА. 1955. Ф. 68, 18319.

ского генштаба был против военного сотрудничества с Югославией. Такую позицию они оправдывали тем, что Балканский пакт представлял собой только чисто региональный оборонительный пакт, цель которого состояла лишь в обороне македонского сектора, что предполагало бы итальянское участие в обороне остальной части югославской территории. Самым спорным был вопрос обороны Люблянских ворот (Люблянского прохода) с учетом того фактора, что Югославия не была членом Атлантического договора. Однако другая часть итальянских дипломатических кругов в Италии стремилась к как можно скорому вступлению Италии в Балканский пакт и установлению связей между Балканским пактом и НАТО. В противном случае Италия имела задание подрывать Балканский пакт и уменьшить его значение, разоружить его и изолировать Югославию. Важность Балканского пакта была велика особенно в то время, когда из-за неуспеха плана Европейского оборонительного сообщества и паники, охватившей правительства западноевропейских стран, особенно Италии, пустота в оборонительной системе Запада в юго-восточном секторе могла быть заполнена только связью Италии с Балканским пактом. Это означало, что без Балканского пакта и связи этой оборонительной системы с системой Атлантического пакта через Италию могли попасть под угрозу все планы организации военных пактов в восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке⁴⁹.

Греческое правительство было в постоянном опасении из-за таких действий турецкой стороны. Периодические заявления турецкого правительства о возможном вступлении Италии в Балканский пакт вызывали сильное недовольство греческой стороны, которая такие попытки считала неискренними и нелояльными в отношении Греции и Югославии. Греческая сторона предполагала, что во время визита турецкого премьера Мендереса в Италию последует приглашение ее в Балканский пакт. Во время визита своего премьера Мендереса в Италию (31 января — 3 февраля 1955 г.) турецкая сторона выступила с мнением, что после решения вопроса Триеста путь для Италии в Балканский пакт становился открытым, после чего он стал бы составной частью атлантической оборонительной системы. Итальянское правительство было готово пожертвовать Триестом ради осуществления планов Запада, а вопрос вхождения в Балканский пакт рассматривало не только как

---

⁴⁹ Т. Лечич. Н. д., 156–157.

собственный интерес, но и как общий интерес НАТО. По мнению итальянского генштаба, только вхождение Италии в Балканский пакт могло стать оправданием потери Триеста. Так как Балканский пакт представлял собой важный вклад в оборону юго-восточной Европы, появилась мнение, что эта оборона не могла быть абсолютно успешной без Италии, которая представляла собой необходимую базу между балканскими странами и странами НАТО. Италии была уготована роль стабилизирующего политического фактора с учетом противоречий между тремя балканскими странами⁵⁰.

Югославская политика оставалась верна независимости и дистанцированию от обоих блоков. Югославское правительство считало, что функция Балканского пакта была строго региональной и не только военно-технической, но и политической, экономической и культурной. Югославское руководство проявило волю к сотрудничеству с Западом, но только посредством Балканского пакта, в отличие от турецкого руководства. Все очевиднее был факт, что Югославия в силу своей внутренней твердости могла стать доминирующей страной в Балканском пакте. Все очевидней была позиция, что с вхождением Италии в Балканский пакт Югославия потеряла бы многое в своем значении и могла в то же время оказаться под сильным политическим контролем Запада, поскольку оставалась бы одна против трех стран, проводивших политику Запада⁵¹.

Общее развитие событий указывало на то, что Балканский пакт постепенно все более терял свое первоначальное содержание и что его сохранение становилось чистой формальностью. Все больше противоречий проявлялось между членами, в особенности греко-турецкий спор вокруг Кипра⁵², который серьезно поставил

---

⁵⁰ Т. Милошевич. Н. д. 158–159.

⁵¹ АЈКПР, I-5-b, 1955, 9/55.

⁵² Греко-турецкий конфликт из-за Кипра разразился во второй половине 1955 г. Кульминацией стали события 15 июля 1974 г., когда военная хунта устроила переворот против правления архиепископа Макариоса. В Стамбуле переворот был назван причиной конфликта, который привел к высадке турецких войск в северной части острова 20 июля 1974 г. В ходе наступления, начатого в августе, около 40% острова было поставлено под контроль Турции, утверждавшей, что она хотела восстановить конституционный порядок и защитить своих граждан от греческой агрессии. После этого остров был разделен и произошел обмен жителями. Подробнее см.: Татјана Милошевич. Југославија и Сједињене Америчке Државе у време диктатора: Сусрети Јосипа Броза Тита и Хенрија

под вопрос сохранение Пакта. Чтобы преодолеть камень преткновения в отношениях двух членов Балканского пакта, греческое правительство 25 июля 1955 г. было вынуждено передать ООН ноту с требованием вынести кипрский вопрос на повестку дня Десятого заседания Генеральной ассамблеи ООН⁵³.

Дальнейшая эволюция кипрского вопроса, которая привела к обострению греко-турецко-британских отношений, закончилась созывом трехсторонней конференции по политическим и оборонительным вопросам, относившимся к Кипру. Конференция состоялась благодаря британской инициативе. Однако накануне проведения Лондонской конференции 29 августа 1955 г. произошло резкое обострение греко-турецких отношений. Греческая сторона игнорировала любое участие турецкой стороны, считая что турки отказались от него в 1923 г., подписав Лозаннский договор. В конце работы конференции, 7 сентября 1955 г., в Турции прошли огромные демонстрации, превратившиеся в настоящий погром греческого населения. Лондонская конференция закончилась без каких бы то ни было результатов. Одновременно проvalилось и греческое требование, чтобы кипрский вопрос встал в повестку дня Десятой генеральной ассамблеи ООН. Тем самым отношения между двумя странами настолько обострились, что привели к нападению демонстрантов и разгрому греческого павильона в Смирне. Греческое правительство было вынуждено потребовать от турецкого правительства гарантий безопасности греческого национального меньшинства в Турции⁵⁴.

Все эти события повлияли на формирование позиции греческого правительства в отношении Балканского пакта. Греческая сторона подчеркивала, что всегда считала Балканский пакт в первую очередь союзом Греции и Югославии, в то время как Турцию рассматривала лишь как проводника американской политики. Такая позиция Греции означала, в первую очередь, обиду в отношении Запада, особенно в отношении США, которые голосовали против внесения в повестку дня в ООН кипрского вопроса⁵⁵.

Кисинцера 1970. и 1974. године, Историја 20. бр. 2, Београд, Институт за савремену историју, 2018, 177–202.

⁵³ ДА МСП РС, ПА, 1955, Ф. 59, 411 408, Забелешка о разговору Милана Булајића са првим секретаром грчке амбасаде у Вашингтону Темистоклесом Хрисантопулосом 25. јула 1955. године.

⁵⁴ ДА МСП РС, ПА. 1955. Ф. 55, 412 593, Лондонска конференција.

⁵⁵ АЈ КПР, I-5-b, 414 467.

Тем не менее турецкое правительство считало Кипр своей территорией с учетом того, что в военном, экономическом и этническом смысле турки доминировали на острове уже 300 лет. Такая ситуация дала югославской стороне возможность выступить посредником в греко-турецком споре. Так, помимо положения между Востоком и Западом, Югославия оказалась в роли посредника между двумя своими союзниками, находившимися в столкновении. Югославское правительство предпринимало все меры для предотвращения греко-турецких противоречий, которые не должны были составить угрозу общим интересам, выраженным в тройственном союзе. Греко-турецкий спор привел к сближению Югославии и Греции и установлению их двухстороннего сотрудничества. Но и отношения между югославской и греческой стороной не функционировали безупречно. Между двумя странами постоянно возникали разногласия из-за македонского вопроса. Все существующие разногласия между членами Балканского пакта лишь указывали на тот факт, что только югославская сторона продолжала поддерживать видимость его существования⁵⁶.

Помимо греко-турецкого столкновения по Кипру, на ослабление Балканского пакта повлияла и нормализация отношений Югославии и СССР, а также визит советской делегации в Белград в июне 1955 г.⁵⁷ Переговоры югославских и советских представителей повлияли на усиление подозрений со стороны греков и турок в отношении намерений югославов. Одновременно появились опасения Запада, что стало возможно возвращение Югославии в восточный, коммунистический лагерь. Открытая политика в отношении новоосвобожденных стран Африки и Азии представляла собой третий элемент нового югославского внешнеполитического курса, который все больше становился не только главным фактором двухсторонних международных югославских контактов, но и важным условием многосторонней активности новой группы государств, носителей внеблоковой и антиблоковой политики в мире⁵⁸.

⁵⁶ Т. Лечић. Н. д., 164.

⁵⁷ Белградская декларация о нормализации отношений между странами на основе принципа уважения суверенитета, независимости и равенства была подписана 2 июня 1955 г. президентом СФРЮ Й. Б. Тито и председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным. Эта декларация урегулировала межгосударственные отношения между двумя странами, а межпартийное урегулирование было предусмотрено позднее. Подробнее см.: Владимир Петровић, Титова лична дипломатија. Београд, Институт за савремену историју, 2010. 70–88.

⁵⁸ Д. Богетић. Н. д., 252–253.

Однако, вопреки всем разногласиям и непониманиям, существовавшим между союзниками, сотрудничество между ними в военном плане все-таки продолжилось и в течение 1955 г. Результатом этого сотрудничества стала Шестая трехсторонняя конференция, прошедшая 5–14 апреля 1955 г. в Белграде. На шестой конференции было необходимо провести совместную оценку сил противника, плана действий противника против балканских союзников, скоординировать основной трехсторонний план, основанный на национальных оборонительных планах, в случае одновременного нападения на страны-союзницы со стороны всех соседних государств, рассмотреть вопросы авиации, тыла, связи и предложения трех делегаций относительно приложений А, В и Е. Переговоры в Белграде велись в рамках общей, разведывательной, военно-воздушной и тыловой подкомиссий. Были согласованы: Основной трехсторонний план сотрудничества, Приложение А (оценка разведанных Основного плана трехстороннего сотрудничества), дополнения к Приложению Е (План воздушной разведки и Метеорология), Приложения Ж и К. После окончания встречи был сформулирован Меморандум, Сообщение для НАТО и Коммюнике. Одновременно проходило и укрепление военного сотрудничества на уровне обмена информацией военных посланников. Военное сотрудничество выражалось и в встречах представителей Первой греческой и Третьей Югославской армий. Начальник греческого генштаба выступал за увеличение объемов путевой сети на греческой и югославской стороне из-за необходимости организации обороны в тактической зоне на Струмичском направлении (дорога Валандово–Струмица). Конференция работала по установленному плану, подразумевавшему одобрение предложенных проектов фортификационных работ на горе Балашице и Карапуле, смены 44-й югославской бригады и 2-й греческой пехотной дивизии и т. д. Единственное изменение в связи с работой конференции относилось к вариантам, включавшим контрнаступление, они были оставлены на будущую встречу. На встрече также состоялось принятие Меморандума⁵⁹.

Важно отметить, что военная часть сотрудничества между союзниками развивалась с наименьшим числом противоречий. В связи с этим в Фессалониках с 17 по 24 октября 1955 г. прошла Четвертая конференция командиров Первой греческой и Треть-

⁵⁹ Балкански пакт 1953/1954, зд., 110–112.

ей югославской армий. На повестке дня конференции был план применения резервов и ряд конкретных вопросов. В ходе конференции свои встречи провели оперативная подкомиссия, комиссия по связи, тылу и инженерии. На оперативной подкомиссии речь шла о разработке варианта вражеского нападения и обороны на совместном оперативном участке⁶⁰.

6 ноября 1955 г. состоялся визит в Югославию госсекретаря США Даллеса, что открыло возможность для дальнейшего укрепления югославской внешнеполитической позиции. Этот визит имел далеко идущие последствия для обеспечения американской поддержки новому внешнеполитическому курсу Югославии. По этому случаю известное внимание было посвящено и Балканскому пакту, и возможностям эскалации конфликта между Грецией и Турцией, и посреднической миссии Югославии в этом столкновении⁶¹.

В рамках рассмотрения деятельности Балканского пакта Тито оповестил госсекретаря о попытках Югославии ставить акцент на экономический и политический аспекты, но без игнорирования военного. Даллес особенно интересовалась посредническая роль Югославии в греко-турецком конфликте. Он считал, что энергичные действия Югославии в рамках Балканского пакта могли укрепить трехстороннее сотрудничество. Встреча Тито и Даллеса способствовала укреплению взаимного доверия между США и Югославией. Совместное коммюнике подтвердило, что разговоры прошли в спокойном и дружеском общении. О том, что югославский президент сумел поправить представление о югославской внешней политике и убедить гостя в решимости Югославии защищать свою национальную независимость, свидетельствует и отчет Даллеса, направленный американскому президенту Д. Д. Эйзенхаузеру: государственный секретарь уверял его, что у Тито нет намерений вернуться в «советские лапы»⁶². Турецкая сторона высказала недовольство исходом переговоров Тито и Даллеса, особенно американскими планами относительно посреднической роли Тито между Востоком и Западом и американской поддержкой

⁶⁰ Исто, Записник са Четврте конференције команданата (I) и (III) југословенске армије, Солун, 17–24. октобар 1955. године.

⁶¹ Драган Богетић. Југославија и Запад 1952–1955, Службени лист СР. Београд 2000. 261–266.

⁶² Исто, 263–264, АЈ КПР, I-3-а/САД. Подробнее см.: Владимира Петровић. Титова лична дипломатија. Београд, Институт за савремену историју, 2010. 88–91.

реорганизации Балканского пакта в смысле подчеркивания его аспекта культурного и экономического сотрудничества⁶³.

В результате в течение 1956 г. вся активность между членами Балканского пакта была сведена исключительно к двустороннему греко-югославскому сотрудничеству, в рамках которого состоялся визит Тито в Грецию⁶⁴. Югославский президент посетил Корфу с 24 по 30 июля 1956 г. Переговоры между Тито и премьер-министром Греции проводились ночью с 29 на 30 июля 1956 г. на корабле «Галеб». Югославский президент обсудил с премьером К. Караманлисом планы укрепления добрососедских отношений и сотрудничества между Югославией и Грецией. Тито также использовал визит как повод донести до греческого политика мнение и позицию СССР о Балканском пакте. Объясняя советскую позицию, югославский президент подчеркнул, что СССР не имел ничего против Балканского пакта как фактора мира, экономического, политического и культурного сотрудничества на Балканах, как единственного способа сотрудничества трех стран и преодоления междоусобного антагонизма. Помимо этого югославский президент обсудил с греческой стороной и столкновения на Кипре⁶⁵.

Визит Тито в Грецию вызвал турецкие подозрения в отношении югославских намерений в контексте греко-турецкого столкновения на Кипре. С другой стороны, этот визит для югославского президента представлял только продолжение усилившегося сотрудничества с Грецией, как важная часть внешнеполитической активности, связанной с визитом Тито в Индию и встречей с Н. С. Хрущевым⁶⁶.

В итоге можно заключить, что Балканский пакт начал постепенно угасать еще в 1954 г. На это указывало и замедление работы его институций, и усиление кипрского кризиса. Все проблемы, которые усложняли отношения между балканскими союзниками (вопрос Триеста и Кипрский вопрос), негативно влияли на его сохранение. Югославский президент Тито продолжал вести политику, которая удовлетворяла потребности его государства в ситуации

⁶³ ДА МСП РС, ПА, 1955, Ф. 60, 887, Телеграм упућен из Анкаре Секретаријату иностраних послова, 12. новембра 1955. године.

⁶⁴ Дарко Бекић. Југославија у Хладном рату (Односи са Великим силама 1949–1955). Глобус, Загреб, 1988. 667–734.

⁶⁵ АЈ КПР, I-2/8, Забелешка амбасадора Павичевића о разговорима између Тита и Караманлиса.

⁶⁶ Д. Бекић. Н. д., 667–734.

противостояния между великими державами. Он старался сохранить военную и экономическую помощь после уменьшения опасности с востока, но противостоял требованиям формального включения в оборонительные структуры Запада. «Постепенно Тито в ходе Холодной войны усилил этот курс, выбрав третий путь между двумя блоками. Нормализуя отношения с СССР, посетив Индию и Бирму в 1955 году, а затем встретившись с Неру и Насером в 1956 году, он сосредоточил свое внимание на неевропейском направлении»⁶⁷.

Все приведенные факты указывают на то, что Балканскому пакту был отпущен короткий век, и со временем он все больше становился похож на пустую формальность. Однако его значение было большим с учетом того, что подписание Пакта для Югославии представляло высшую точку военного сотрудничества с Западом. Об успехе Пакта говорит то, что инициатива о его образовании появилась в очень сложном международном контексте, под давлением угрозы нападения со стороны СССР и одновременно в период идеологического противостояния с Западом. Подписание Пакта несомненно повлияло на международное признание Тито и Югославии. Отсутствие постоянной координации на военно-оперативном уровне, частичная координация с Грецией, отказ поставить свою оборону под управление оборонительных планов НАТО (Люблянские ворота) приводят к выводу, что Югославия все-таки не вошла в оборонительную систему НАТО и рассматривалась как особый случай, а не как присоединившийся член этого Пакта. Если принять во внимание и политическое содержание Балканского пакта, и осторожность, с которой его воспринимали великие державы (США, Великобритания, Франция), можно также заключить, что Югославия не была частью коллективной системы безопасности Альянса.

РЕЗЮМЕ

Дистанцирование от Востока вследствие сопротивления Й. Б. Тито И. В. Сталину в 1948 г. направило Югославию к выстраиванию новых отношений с Западом. Идея об объедине-

⁶⁷ Д. Бекић, н. д., 667–673, *Милан Терзић*. Титова улога у стварању Балканског пакта 1953/1954, Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова (ур: Немања Милошевић). Институт за стратешка истраживања, Београд, 2008. 110; Т. Лечић. Н. А., 154–166.

нии трех балканских государств происходила из ощущения общей угрозы и возможной агрессии со стороны СССР и его союзников. С вхождением Турции и Греции в НАТО в 1952 г. открылся вопрос организации командования Среднего Востока, а в связи с ним и вопрос обороны Фракии и Балкан в целом в рамках оборонительной системы НАТО. Результатом стала организация Балканского пакта, созданного в 1953 г. путем подписания Анкарского договора. Новый региональный союз состоял из Югославии, Греции и Турции. Договор содержал обычные формулировки о стремлении к миру и стабильности, установлении экономического, культурного и технического сотрудничества в регионе, а также решения о институционализации этого сотрудничества. Впервые в истории дипломатии страны противоположных и противостоящих государственно-политических систем и интересов заключили союз и установили сотрудничество на региональной основе. Со временем произошло перерастание союза в пакт, что означало введение военного компонента, то есть формирование так называемого военно-оборонительного союза. Перерастание политического союза в военный произошло во время Бледской конференции 1954 г. Союз Греции, Турции и Югославии был заключен на 20 лет. Однако Запад стремился к дальнейшему военному увязыванию Югославии с Грецией и Турцией, конечной целью которого было включение Югославии в НАТО. Тем не менее Югославия сумела осуществить свои намерения, сохранить Балканский пакт исключительно как оборонительную организацию, независимую от НАТО и соответствующую принципам ООН. Для Югославии Балканский пакт был лишь дополнительным краткосрочным механизмом защиты от СССР и его союзников, в то время как Запад предполагал с помощью Пакта установить единую линию обороны против Восточного блока, которая включала бы Югославию и Западную Германию. Образование Балканского пакта означало только опосредованное включение Югославии в западную оборонительную систему. Однако многочисленные противоречия между членами Пакта (Кипрский кризис, вопрос Триеста, советско-югославская нормализация отношений и новая югославская внешнеполитическая доктрина) привели к его постепенному упразднению. После этого Пакт существовал уже только на бумаге.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Југославије (AJ), фондови: Кабинет маршала Југославије (КМЈ), Кабинет Председника Републике (КПР) 837.

Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије (ДАМСП), Политичка архива (ПА), Југославија, 1952–1956. Војни Архив (ВА), Генералштаб ЈНА.

Балкански пакт 1953/1954, Зборник докумената, Уредник: Милан Терзић, Београд : Војноисторијски институт, 2005.

Бекић, Дарко. Југославија у Хладном рату (односи са Великим сила-ма). Загреб, 1988.

Богетић, Драган. Југославија и Запад. Београд, 2000.

Богетић, Драган. „Подстицајни фактори ограничавања на путу савезништва Југославије, Грчке и Турске“. У: Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова. Уредник Немања Милошевић, 64–83. Београд : Институт за стратегијска истраживања, 2008.

Денда, Далибор. Друга трипартична конференција војних представника земаља чланица Балканског пакта у Атини, 3–12. јуна 1953. године // Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова. Уредник Немања Милошевић, 136–148. Београд : Институт за стратегијска истраживања, 2008.

Гедис, Џон. Хладни рат. Београд, 2003.

Лаковић, Иван. Западна војна помоћ Југославији као увод у стварање Балканског пакта // Балкански пакт 1953/1954“. Зборник радова, Уредник Немања Милошевић, 210–212. Београд : Институт за стратегијска истраживања, 2008.

Лечић, Татјана. „Узроци кризе у функционисању Балканског савеза // Балкански пакт 1953/1954“. Зборник радова, Уредник Немања Милошевић, 154–166. Београд : Институт за стратегијска истраживања, 2008.

Лорејн, Лиз. Одржавање Тита. Америка, Југославија и Хладни рат. Београд, 2003.

Матес, Лео. Међународни односи социјалистичке Југославије. Београд, 1976.

Милошевић, Немања. Југославија, САД, НАТО и Балкански пакт // Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова. Уредник Немања Милошевић, 176–200. Београд: Институт за стратегијска истраживања, 2008.

Милошевић, Татјана. Обнова војне сарадње САД и СФРЈ 1970–1974 // Војноисторијски гласник бр. 2 (2017). Београд : Институт за стратегијска истраживања.

Милошевић Татјана. Југославија и Сједињене Америчке Државе у време детанта: Сурети Јосипа Броза Тита и Хенрија Кисинцера 1970 и 1974 // Историја 20. века бр. 2, Београд : Институт за савремену историју, 2018.

Петровић, Владимира. Титова лична дипломатија. Београд : Институт за савремену историју, 2010.

Ристић, Дејан. О одјецима Балканског пакта у Западноевропској и америчкој штампи (са посебним нагласком на извештавање часописа Таем) // Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова. Уредник Немања Милошевић, 402–415. Београд : Институт за стратеџиска истраживања, 2008.

Терзић, Милан. Титова улога у стварању Балканског пакта // Балкански пакт 1953/1954, Зборник радова. Уредник Немања Милошевић, 96–110. Београд : Институт за стратеџиска истраживања, 2008.

Перевод с сербского иером. Игнатия (Шестакова)

Ф. А. Гайда

«ИНТЕЛИГЕНЦИЯ»: ЧУДО ВОСКРЕШЕНИЯ. ЗАМЕТКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Интеллигенция должна беспредельно углубляться в самое себя, в целях самосознания и самосозерцания, но тут же она должна наталкиваться на самое себя (ибо что же иное, как не себя, она сознает?) и тем самым ограничивать и оформлять себя как интеллигенцию. Она должна и оставаться неизменной себе, не ограниченной сверх-сущей бездной самосознания, и оставаться интеллигенцией, сознательно направленной все же не на что иное, как только на себя. Интеллигенция в своем смысловом устремлении на себя самое должна в себе самой найти препятствие к беспредельности сверх-сущей интеллигентности. Она и устремление самосознания, и препятствие для этого самосознания, препятствие для себя как интеллигенции. Она со всей строгостьюialectической необходимости должна вечно достигать себя самое же, вечно преодолевать препятствие самой себя, вечно меонизироваться и быть в распылении, ибо только распыленное может стремиться к собранному и только меонизированное может искать остро отточенных извяянностей, полноты самосознающего смысла. Другими словами, интеллигентное Одно должно постоянно стремиться к самому себе, должно постоянно влечься к самому себе, испытывать влечение к тому, чтобы стать одним.

А. Ф. Лосев. Диалектика мифа. 1930

Термин «интеллигенция» остается маркером общественного сознания в современной России — даже при всей нынешней размытости понятия и с учетом довольно популярного мнения о том, что «интеллигенции» в постсоветскую эпоху уже не существует. Однако один раз она уже пропадала — после прихода к власти большевиков. Тем не менее, в силу определенных причин произошло ее возрождение. Возродилась ли она как явление или речь могла идти лишь об игре в терминологию? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, стоит рассмотреть бытование понятия в официальной идеологии, публицистике, литературе и искусстве советского времени. Отмечу: вопрос стоит о понятии «интеллигенция», а не о явлении интеллигенции как таковом¹.

«Черта разделения». В коротком XX веке у понятия «интеллигенция» в России практически не было шансов. В начале столетия это слово стало настоящим знаменем общественной активности. Получив четкое идеологическое обоснование в народнической среде и став обозначением для служителей и мучеников идеи, оно было принято в лексикон гораздо более широких кругов. При этом политический (оппозиционный) подтекст «интеллигенции» был очевиден всем². Этим термином со времен Г. В. Плеханова активно пользовались и социал-демократы, однако в контексте своего спора с народниками о «героях и толпе» предпочитали вкладывать в понятие более традиционный смысл: «интеллигенция» рассматривалась не как идеологическое, а как социологическое явление (образованное общество). Соответственно, у такого, принципиально не поэтизированного, понятия был вполне определенный критерий: причастность к книжной культуре. При этом

---

¹ Вопрос о дефинициях в отношении «советской интеллигенции» поднимался в науке с 1920-х гг. Так или иначе, авторы отталкивались от плехановского или, позднее, сталинского понимания, о которых речь далее. Важно отметить: дискуссия шла о необходимости включения в определение данной социальной группы ее моральных особенностей. Иными словами, речь шла о необходимости лишний раз подчеркнуть принципиальное преодоление прежней классовой природы «интеллигенции». Или доказать причастность к традициям. См.: Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012. С. 35–38; Меметов В. С., Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 73–77.

² Гайдя Ф. А. Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 141–149.

«интеллигенция» не рассматривалась отдельно от того класса, к которому принадлежала³.

Будучи типичными интеллигентами в понимании начала XX в. (идеократами), лидеры большевиков отрицали самостоятельность «интеллигенции» и подходили к ней со скальпелем классового анализа. В 1919 г. В. И. Ульянов-Ленин писал М. Горькому: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г... “Интеллектуальным силам”, желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем»⁴. Эти слова широко известны, но стоит отметить их контекст. Ленин прекрасно знал отношение самого Горького к этому вопросу.

«Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создает образ двумя, тремя словами. Опасайтесь интеллигентности. Читая Антона Павловича, наслаждайтесь языком, вникайте в его магическое уменье говорить кратко и сильно — но настроению его не поддавайтесь — Боже Вас упаси! <...> Не запоминайте чужих слов — особенно интеллигентных — теперь это кислые, это затхлые, это бескровные слова», — наставлял молодежь 32-летний писатель⁵. Его понимание «интеллигенции» вполне соответствовало социал-демократическому. Известному историку русской интеллигенции Р. В. Иванову-Разумнику Горький признавался: «Что интеллигенция суть “группа внеклассовая и внесословная”, в это я никогда не верил...»⁶. «Интеллигент! — но я — тебя люблю, — я уважаю тебя, мне тебя жалко и — в конце концов — я знаю — ты не заслужил, все-таки, этого позорного прозвища», — писал Горький А. Н. Андрееву⁷. При этом Горький надеялся на «новую интеллигенцию», выходящую из на-

³ См., напр.: Плеханов Г. В. Сочинения : в 24 т. М. ; Л, 1923–1927. Т. V. С. 288–289, 345.

⁴ Ленин В. И. Письмо М. Горькому, 15 сентября 1919 г. // В. И. Ленин. Полное собр. соч. Т. 51. М., 1970. С. 48.

⁵ М. Горький — М. Г. Ярцевой, конец 1900 — начало 1901 г., Н. Новгород // М. Горький. Полное собр. соч. : письма : в 24 т. Т. 2. М., 1997. С. 88–89.

⁶ М. Горький — Р. В. Иванову-Разумнику, 13 (26) января 1912 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч. : письма : в 24 т. Т. 9. М., 2002. С. 236.

⁷ М. Горький — А. Н. Андрееву, около 14 декабря 1904 г., Рига // М. Горький Полное собр. соч. : письма : в 24 т. Т. 4. М., 1998. С. 199.

родной толщи. «Я живу у источников жизни бодрой, здоровой, вижу, как растет из земли новая интеллигенция, настроенная высоко, любящая жизнь»⁸. Или так: «Интеллигенция наша — гадка, бессильна и дрябла, да, — но на смену ей идет другая, воистину творческая сила!»⁹ И еще так: «Здесь живет один товарищ, рабочий с Урала, только что явился из России и привез прекрасные сведения о настроениях масс, о надеждах, задачах, работе. <...> Вот она, наша истинная интеллигенция!»¹⁰ Главное для «новой интеллигенции» — не утерять связи с народом: «Я хотел изобразить ту часть русской интеллигенции, которая вышла из демократических слоев и, достигнув известной высоты социального положения, потеряла связь с народом, — родным ей по крови, — забыла о его интересах, о необходимости расширить жизнь для него»¹¹.

Презрение к «интеллигенции» отнюдь не помешало Горькому с еще большим презрением отозваться о «Вехах»: «Приятно ли читали “Вехи” Струве и К°? Давно уже не было в нашей литературе книги столь фарисейской, недобросовестной иознательно невежественной»¹². Однако сборник вдохновил писателя на новый роман: «Альманах “Вехи” — мерзейшая книжка за всю историю русской литературы. Чорт знает что! Кладбище, трупы и органическое разложение. “Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX-го века” — вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях. Мне кажется, что интеллигенты навсегда потеряли свой престиж в глазах рабочих и что этот факт будет иметь прескверные последствия»¹³. Именно после выхода «Вех» Горький замыслил написать «Жизнь Климова Самгина»: «Эта книга затеяна мною давно, после первой революции пятого—шестого

⁸ М. Горький — А. В. Средину, 31 января 1901 г., Н. Новгород // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 2. М., 1997. С. 102.

⁹ М. Горький — Е. П. Пешковой, 2 (15) января 1909 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 7. М., 2001. С. 70.

¹⁰ М. Горький — Г. А. Алексинскому, 10 (23) января 1909 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 7. М., 2001. С. 77.

¹¹ М. Горький — М. Рейнгарду, около 22 декабря (ст. ст.) 1904 г., Петербург // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 4. М., 1998. С. 204.

¹² М. Горький — Е. К. Малиновской, 10 или 11 (23 или 24) апреля 1909 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 7. М., 2001. С. 119.

¹³ М. Горький — Е. П. Пешковой, 11 или 12 (24 или 25) апреля 1909 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 7. М., 2001. С. 120.

года, когда интеллигенция, считавшая себя революционной, — она и действительно принимала кое-какое фактическое участие в организации первой революции, — в седьмом—восьмом годах начала круто уходить направо. Тогда появился кадетский сборник “Вехи” и целый ряд других произведений, которые указывали и доказывали, что интеллигенции с рабочим классом и вообще с революцией не по дороге. У меня явилось желание дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но, кроме того, я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии. Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишенного каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века. < ... > Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стойности, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне»¹⁴. Можно предположить, что фамилия главного героя романа — пассивного, безвольного, парализующего себя постоянной отвлеченной рефлексией — родилась от слова «самка».

И после этого для «интеллигенции» Горький парадоксальным образом находил слова, почти точь-в-точь за несколько лет до него сказанные Д. С. Мережковским в «Грядущем хаме»: «Вообще русский бояк — явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен человек этот прежде всего и главнейше — невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни. < ... > Страна наша очень несчастна, люди в ней — пассивны, работают плохо, дела не любят, а — надо любить свое дело. Я осуждал и осуждаю интеллигенцию за то всегда, что она живет чужими мыслями, мало знает свою страну и тоже — пассивна, больше мечтает и спорит, чем работает, — это пагубно, с этим надо бороться. Но — знайте, что русская интеллигенция, исторически взятая как сила, а не как те или другие лица, — явление исключительное, чудесное почти, и нашу интеллигенцию есть за что любить, есть за что уважать. Она часто впадает в неверие, в отчаяние, но — это наша национальная черта — нигилизм, он и народу свойствен не менее, чем культурным людям,

¹⁴ Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М., 1949—1953. Т. 26. С. 93—94.

а каков приход, таков и поп, да, да!»¹⁵ Акценты явно сместились: «Русская интеллигенция — плоть от плоти русского народа, если говорить о ее недостатках; а ее достоинства, с величайшими мучениями выработанные ею, таковы, что наша интеллигенция, по героизму своему и сделанной ею работе, явление совершенно исключительное в истории Европы, и только ей Вы обязаны тем, что еще не вполне азиат»¹⁶. Новая поствеховская традиция Горького настораживала: «Демократия слишком уж громко начинает орать на интеллигенцию, Вы знаете, — я не поклонник последней, оправдывать ее во грехах — не склонен, но — когда ее травят зря — это мне не нравится и я считаю это национально вредным»¹⁷.

После большевистской революции Горький начал борьбу за спасение «интеллигенции». Он писал: «Моя задача — объединение всей интеллигенции на почве культурной работы. Момент я считаю весьма удобным, именно сейчас можно и следует звать всех честных людей на дело духовного возрождения страны»¹⁸. Возрождение мыслилось как соединение с народом: «Еще не упущено время для того, чтобы реабилитировать интеллигенцию в глазах масс и напомнить народу огромную культурную работу городской интеллектуальной силы»¹⁹. Однако конечная задача ставилась так: «Нам нужно создавать новую интеллигенцию»²⁰. В сентябре 1919 г. Горький писал Ленину: «Что такое русская интеллигенция — я знаю не хуже Вас и — если Вы помните — был одним из первых литераторов России, который отнесся к ней резко отрицательно, так же отношусь до сей поры и не вижу причин изменить мое отношение в будущем. Но, сударь мой, надо же, наконец, понять разницу между политиканствующей интеллигенцией и представителями интеллекту-

¹⁵ М. Горький — П. Х. Максимову, 10 (23) декабря 1910 г., Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 8. М., 2001. С. 211–212.

¹⁶ М. Горький — В. И. Брееву, около 10 (23) ноября 1911, Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 9. М., 2002. С. 167.

¹⁷ М. Горький — В. А. Поссе, 28 декабря 1911 г. (10 января 1912 г.), Капри // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 9. М., 2002. С. 218–219.

¹⁸ М. Горький — А. Н. Баху, 10 апреля 1918 г., Петроград // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 189.

¹⁹ М. Горький — Вл. И. Немировичу-Данченко, 19 мая 1919 г., Петроград // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 243.

²⁰ М. Горький — В. В. Воровскому, 21 мая 1919 г., Петроград // М. Горький. Полное собр. соч.: письма : в 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 245.

альных, научных сил страны, надо же провести черту разделения между жопой Павла Милюкова и головой профессора Деппа, надо же понять, что одна цена Дану, другая — Бушу, что людишки из “Бесов” Достоевского — мелко самолюбивые, завистливые, способные на всякие преступления ради честолюбия, покоя и уюта своего, не имеют ни йоты общего с проф. Туркиным, который произвел открытием своим полный переворот в деле книго- и хромопечатания. < ... > Понятно недоверчивое и даже подозрительное отношение к представителям гуманитарных наук, но отношение к людям положительного знания я считаю варварским, дурацким, крайне вредным делу революции. Это — социальная революция, стало быть, переоценка всех ценностей — ну, да, я понимаю! Но, сударь мой — ценность положительного знания для Вас, марксиста, должна быть непререкаема, и Вам должно быть памятно и ясно, что именно положительное знание являлось, является, явится силою наиболее революционной; только разум, направленный в эту сторону, энергично двигает людей вперед, организуя их желания, потребности и бесконечно расширяя их»²¹. Ответом стало выше цитированное письмо Ленина про «мозг нации». Товарищи вполне поняли друг друга.

«Трудовая интеллигенция». У И. В. Сталина понимание «интеллигенции» было сперва вполне партийным: «Мы не имеем в виду ту интеллигенцию, которая уже отрекается от своего класса и борется в рядах социал-демократов. Но такие интеллигенты — лишь исключение, они “белые вороны”»²². В 1905 г. он отметил: «В нашей партии выявились две тенденции: тенденция пролетарской стойкости и тенденция интеллигентской шаткости»²³ [курсив авт. — Ф. Г.]. В июле 1921 г. Stalin упомянул «интеллигенцию» в примечательном ряду: «Крестьянство, ремесленники, кустари, интеллигенция, отсталые народности, входящие в состав РСФСР»²⁴. Однако в 1925 г. отношение кардинально поменялось. На XIV съезде ВКП (б), знаменитом своим лозунгом «построения социализма в отдельно взятой стране», 18 декабря 1925 г. уже было сказано о советской «служилой ин-

²¹ М. Горький — В. И. Ленину, между 16 и 19 сентября 1919 г., Петроград // М. Горький. Полное собр. соч. : письма : в 24 т. Т. 13. М., 2007. С. 25–27.

²² Stalin И. В. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 30.

²³ Там же. С. 130.

²⁴ Там же. Т. 5. М., 1947. С. 83.

теллигенции»²⁵. В докладе активу ленинградской парторганизации 13 апреля 1926 г. эта мысль была развита: «Задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса, и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства»²⁶. В речи на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. Сталин уже связал судьбу социалистического государства с судьбой «интеллигенции»: «Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если он не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки»²⁷. Разумеется, речь шла лишь о правильной «интеллигенции»: «буржуазная», наоборот, обвинялась во «вредительстве» (доклад «О правом уклоне в ВКП (б)», 22 апреля 1929 г.)²⁸.

Конституция 1936 г. официально закрепила «трудовую интеллигенцию» в составе «трудящихся» наряду с «рабочим классом» и «трудящимися крестьянами» (ст. 126). В докладе 25 ноября 1936 г. о проекте конституции Сталин отождествил «интеллигенцию» и «служащих», после чего заявил: «Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталасьставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция — это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. <...> Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян.<...> Могут спросить: а трудовая интеллигенция? Интеллигенция никогда не была и не может быть классом, — она была и остается прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества. В старое время интеллигенция рекрутировала своих членов среди дворян, буржуазии, отчасти среди крестьян и лишь в самой незначительной степени среди рабочих. В наше, советское время интеллигенция рекрутирует своих членов главным образом среди рабочих и крестьян»²⁹. Стalinское понима-

²⁵ Stalin I. V. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 341.

²⁶ Там же. Т. 8. М., 1948. С. 139.

²⁷ Там же. Т. 11. М., 1949. С. 76.

²⁸ Там же. Т. 12. М., 1949. С. 14.

²⁹ Там же. Т. 14. М., 1997. С. 124.

ние «интеллигенции» было шире ленинских «интеллектуальных сил», даже шире плехановской «интеллигенции» и включало в себя весь государственный аппарат СССР. Тем самым «интеллигентом № 1» Сталин провозглашал себя. Таким образом, по сравнению с началом XX в. произошло полное переосмысление термина «интеллигенция».

Перевоспитанию «интеллигенции» в сталинском духе был посвящен роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (вторая и третья его части, написанные в 1927–1928 и 1940–1941 гг.). Тем самым «Хождение...» стало определенной антитезой «Самгину». Однако, в целом, в советском искусстве первоначальный образ «интеллигента» связывался с демагогией и бесполезностью. В романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова (1928) был изображен «кипучий лентяй» Виктор Михайлович Полесов, «слесарь-интеллигент со средним образованием». Пародией на Клима Самлина стал Васисуалий Лоханкин в «Золотом теленке» (1931). Подчеркнуто народное имя «Клим» менялось на подчеркнуто высокородное (Васисуалий (*греч.*) — царственный). Лоханкин отстаивал «значение индивидуальности и вообще интеллигенции». В романе подчеркивалась его непричастность к службе, соответственно, старорежимный характер его «интеллигентности»: «Сам Васисуалий никогда и нигде не служил. Служба помешала бы ему думать о значении русской интеллигенции, к какой социальной прослойке он причислял и себя. Так что продолжительные думы Лоханкина сводились к приятной и близкой теме: “Васисуалий Лоханкин и его значение”, “Лоханкин и трагедия русского либерализма” и “Лоханкин и его роль в русской революции”. Обо всем этом было легко и покойно думать, разгуливая по комнате в фетровых сапожках, купленных на варварины деньги, и поглядывая на любимый шкаф, где мерцали церковным золотом корешки брокгаузского энциклопедического словаря. Подолгу стаивал Васисуалий перед шкафом, переводя взоры с корешка на корешок». Бездельное создание удостоилось от собственной жены ругательства «Самец!»³⁰. «Я холост, одинок и интеллигентен», — характеризовал себя О. Бендер в «Золотом теленке»³¹, стучась в дверь коммунальной квартиры Лоханкина. Тем самым фарс получал свое логическое завершение.

³⁰ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 2000. С. 180.

³¹ Там же. С. 177.

Рассуждения об «интеллигенции» присутствовали и в таком «главном» советском искусстве, которым являлось кино. В культовом фильме «Чапаев» (1934) главный герой кричал дивизионным врачам и комиссару Фурманову: «Жаловаться пришли! Подлецы! Клистирные трубки! Шагом марш! И ты с ними? Гнилую интеллигенцию поддерживаешь?» Красноармейцы, рассматривая через прицелы идущих в психическую атаку каппелевцев, рассуждали: «Красиво идут!.. Интеллигенция!» В 1934–1936 гг. Сталин посмотрел кинокартину 38 раз и очень любил это фильм³². Ирония заключалась в том, что как раз в это время шла подготовка проекта новой конституции, где понятие «интеллигенция» на высшем государственном уровне было окончательно реабилитировано.

В 1934–1935 гг. в советской печати тема повышения культурного уровня рабочих и крестьян развивалась очень активно, причем понятия «культурный» и «интеллигентный» отождествлялись. Рабочие, приобщенные к культуре, прямо именовались «интеллигентами»³³. Однако «чапаевская» ирония сохранялась и позднее. В фильме «Весна на Заречной улице» Ф. Е. Миронера и М. М. Хуциева (1956) пролетарии выражались так: «Девушке ночевать негде. Надо ж войти в положение. Все мы люди. Что ж не сдать интеллигентному человеку? Заходите, родненькая». И так: «Весь класс над тобой смеется. Ведь ты вокруг нее, как цуцик на задних лапках бегаешь. А она на тебя, как вот... на пустое место. Вертится что-то вокруг, ну и пусть вертится. Даже выгодно: успеваемость, посещаемость повышается. А за это хвалят. Вот ведь насчет чего-то серьезного у нее есть поинтеллигентней. Нужен ей заводской. Измазаться можно». «Что за оказия — разговаривать с интеллигентами!» — воскликнул матрос Чугай в беседе с офицером Рошиной в первой экранизации «Хождения по мукам» (Г. Л. Рощаль, 1957–1959). Затем рабочая девушка Маруся говорила Рощину: «Так как же, говорю, вы, товарищи, не верите: интеллигент ошибался, ну, — хорошо, — служил своему классу, но ведь он тоже человек... Революция и не таких затягивала. Может он свой классишко паршивый променять на всемирную? Может... <...>

³² Анискин М. А. Становление советской системы кинопроизводства (1920–1930-е гг.) // Власть. 2016. № 10. С. 157.

³³ Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 108–110.

Другое дело, слушайте, что интеллигентов надо перевоспитывать... Мы и вас будем перевоспитывать... ». Рассуждения героя романа (в первую очередь, Сапожкова) о причастности большевиков к «интеллигенции», о миссии «интеллигенции» в фильме были опущены.

Если вернуться к государственной идеологии, то она оказалась весьма последовательной. В сборнике «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) об «интеллигенции» формально не говорилось. При этом отмечалось: «Совершенно другой характер имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это — новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства. <...> Какое-то различие, хотя и несущественное, безусловно останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например, шахтеров отличаются от условий работы рабочих механизированной обувной фабрики, условия работы рудокопов отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством. То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне безусловно исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих»³⁴. Таким образом, вполне прозрачно намекалось на будущее превращение рабочих и крестьян в «трудовую интеллигенцию».

Следующий шаг на пути признания «интеллигенции» был сделан в Программе КПСС 1961 г.: «При коммунизме не будет классов, исчезнут социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней.<...> С победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности лю-

³⁴ Стalin И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 27–29.

дей. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню поднимутся до уровня людей умственного труда»³⁵. Иными словами, уже не «интеллигенция», достигшая нужной сознательности, дотягивалась до рабочего класса, а наоборот. Сознательность подразумевала не только умственное развитие, но и культурное, и моральное: советское общество вооружалось «Моральным кодексом строителей коммунизма», чьи нормы вполне соответствовали народническим представлениям о «настоящей интеллигенции».

Проблемы «органического соединения». Официальная мудрость на этом и застыла. Однако ее продолжили сами интеллигенты. Самиздатовский автор С. Телегин (физик Г. И. Копылов) в 1969 г. апеллировал к «прогрессивным интеллигентам» («цвет мыслящей России», «класс высокообразованных людей, вооружённых идеями современной науки, умелых, самостоятельных, бесстрашно мыслящих, вообще привыкших и любящих думать, а не пахать землю») и предлагал «методологию физики приложить к тонкостям морали». Распространение новой культуры в народе мыслилось как главная задача, а целью становилось разложение класса «угнетателей»³⁶.

Советская гуманитарная традиция, как и «прогрессивные интеллигенты» из научно-технической среды, так же настаивала на развитии личности. Но на первое место выдвигалось не развитие умственных сил, а культурный аспект. С культурностью и толерантностью сближали «интеллигенцию» Д. С. Лихачев и Ю. М. Лотман. Индивидуализм отнюдь не отрицался: «Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. <...> Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить вокруг себя — не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и еще какой!). <...> Интеллигентность — это способность к пониманию, к восприятию,

³⁵ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт : в 3 т. Т. 3. М., 1962. С. 274.

³⁶ Телегин С. Как быть? Цит. по: Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Ярославль, 1995. Т. 1. С. 110–113.

это терпимое отношение к миру и к людям», — писал Лихачев³⁷. Лотман отождествлял интеллигенцию и культуру: «Интеллигентский дискурс есть своего рода метаязык русской культуры. <...> Интеллигентский дискурс есть функция русской культуры, а сама интеллигенция — голос этого дискурса, и она будет существовать до тех пор, пока такая потребность в самовыражении в русской культуре будет сохраняться, и отличаться от интеллектуальной элиты других народов в той же мере, в какой их культуры отличаются от русской»³⁸. Только позднее, и не без сожаления, было заявлено: «К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, — свобода как нравственная категория»³⁹.

Так или иначе, светская «интеллигентская» традиция даже в ее оппозиционной версии была лишь логичным развитием советской. Религиозное направление ставило перед «интеллигентией» новую планку, требуя дополнить разум (интеллект) духовом. Самиздатовские рассуждения Г. С. Померанца («Незавершенность», 1964–1966) начинались с критических оценок: «В интеллигенте незавершенность доходит до такой невыносимости, что, кажется, выход только в одном: перестать быть интеллигентом. Палеолитический человек, угнетаемый непонятными искорками человечности, хотел стать бобром, лисой, оленем и воплотил этот идеал в тотеме. Интеллигент, угнетаемый непонятными ему искорками интеллигентности, хотел стать семипудовой купчихой и поверить во все, во что она верит, и воплотил этот идеал в сермяжной правде, и в твердокаменном пролетарии, и в белокурой бестии, и во многих других, менее известных тотемах: лишь бы без интеллигентской расшатанности. А выход совсем с другого конца: в том, чтобы стать интеллигентом до конца, чтобы просветился не только интеллект, чтобы просветился

³⁷ Лихачев Д. С. Письма о добром. М.; СПб., 2006. С. 35–36.

³⁸ Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 149.

³⁹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3.

и дух»⁴⁰. Далее происходила неизбежная политизация проблематики: «Там, где интеллигенция свободна, всем открыт доступ к свободе. Там, где интеллигенция в рабстве, все рабы. <...> Если не решена проблема интеллигенции, страна в целом останется во тьме. Интеллигенция может быть средоточием всех земных пороков. Но только в ее среде возникает требование свободы слова. Только в ее среде живет Самиздат. Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни бюрократия не нуждаются в свободе слова так, как ученый и писатель. Поэтому люди творческого умственного труда становятся избранным народом XX века». Отсюда возникали представления о «действительной интеллигенции» и протест против того, что «всякий человек с авторучкой называется интеллигентом». Померанц возвращался к пониманию начала XX в., вполне булгаковскому (с прямыми отсылками к С. Н. Булгакову): «Это часть образованного слоя общества, в которой совершается духовное развитие, в которой рушатся старые ценности и возникают новые, в которой делается очередной шаг от зверя к Богу. И если считать, что процесс гоминизации, очеловечения человечества еще не окончился и что это важнейший процесс истории, то интеллигенция — это и есть то, что интеллигенция искала в других — в народе, в пролетариате и т. д.: фермент, движущий историю. Если ему удается вызвать брожение не только в себе. <...> Масса может заново кристаллизоваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции, создавшей в себе самой новый духовный стержень. <...> Я рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша. Интеллигенция, как и все человечество, не избежала первородного греха; и умственное развитие само по себе только увеличивает способность к злу. Но только интеллигенция способна ориентироваться в нынешнем сложном обществе» («Человек ниоткуда», 1967–1969)⁴¹.

Однако в рамках как светской, так и религиозной традиций присутствовала разоблачительная тенденция, причем связана она была с демократическим, антиэлитарным пафосом. «Размылось, исчезло монопольное положение интеллигенции, распались традиционные культурно-исторические связи, в рамках которых она существовала в классической культуре, и “просветительский абсо-

⁴⁰ Померанц Г. Выход из транса. М., 1995. С. 67.

⁴¹ Померанц Г. Выход из транса. С. 107–108, 118–122, 125, 127.

лютизм” ее лишился каких-либо корней в реальности. Современное духовное производство стало массовым, а это и многие другие обстоятельства превратили духовное производство в сферу массового труда, приобщили широкие слои людей к работе над сознательным выражением того, что происходит в обществе, к владению орудиями и инструментами такого выражения, то есть инструментами культуры. Интеллигенция уже не может претендовать на то, чтобы знать за других или мыслить за них, а затем патерналистски защищать или просвещать их, сообщая готовую абсолютную истину или гуманистическую мораль», — отмечал в докладе 1967 г. М. К. Мамардашвили⁴². В этих словах советская концепция «органического соединения» читалась вполне определенно.

Высказывались и сомнения в необходимости следовать путем «интеллигенции». В 1970 г. в парижском «Вестнике Русского студенческого христианского движения» были опубликованы статьи трех московских авторов, входивших в общины о. А. Меня. В статьях тема «интеллигенции» стала одной из центральных. О «соблазнах интеллигенции» писал О. Алтаев (философ и писатель В. Ф. Кормер), включая в их число не только революцию и социализм, но и сменовеховство, «квасной патриотизм», империализм, а также технократизм. Выход из утопизма виделся на пути веры и культуры. Публицист ссылался на веховскую статью С. Н. Булгакова, но его рецепт был, пожалуй, ближе тому, что проповедовал в «Вехах» С. Л. Франк⁴³. «Духовная работа и культурное творчество, направленное на возрождение христианства и подлинной культуры в России, есть наша первоочередная национальная задача», — писал В. Горский (искусствовед Е. В. Барабанов), увязывая ее с построением демократической политической системы и демонтажем «советской империи»⁴⁴. Более радикальных взглядов придерживался М. Челнов (историк М. Г. Меерсон-Аксенов). Основной угрозой, по его мнению, был именно технократизм: «Рост индустриализма ведет к росту значения научно-технической интеллигенции, которая несет

⁴² Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 332–333.

⁴³ Алтаев О. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1970. № 3. С. 9, 11–14, 30–32.

⁴⁴ Горский В. Русский мессианизм и новое национальное сознание // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1970. № 3. С. 67–68.

с собой узко профессионалистическое самомнение, технократическую утопию, гонор полуобразованного невежества. Пробуждению в ее среде нравственного сознания и гражданской совести препятствуют все ее качества, и главное, отсутствие общенациональной духовной культуры, разобщдающее классы и группы. Полуобразованное наукобожие способствует дальнейшему обездушению общественной жизни. < ... > Мещанский идеал уничтожил почву для рождения гражданского мужества и самопожертвования. Общенациональный дефект нравственного сознания захватил и всю интеллигенцию». Надежд на нее не оставалось, однако альтернативой выступал христианский активизм западного типа: «Нужно объединяться в братства, действовать в духе и силе религиозных орденов, со временем средневековья оказывавшихся неизменным орудием западной Церкви, силою, восстановляющей в вере и вновь собирающей отпавшие народы. Только такие ордены, отказывающиеся от политических задач, от власти и насилия, неизбежно жертвенные, утверждающие себя в качестве духовно-нравственной силы, противостоящей господствующей коммунистической лже-церкви и активно осуществляющие воплощение добра и правды Христовой, могут вывести Россию из нынешнего духовного тупика»⁴⁵.

Авторы трех статей были знакомы с публицистикой Г. П. Федотова. Бывший социал-демократ, ставший в эмиграции православным консерватором, Федотов в 1926 г. вслед за Булгаковым отмечал, что «интеллигенция» — уникальное русское явление, а ее исчерпывающее определение — идейность и беспочвенность; при этом, по его мнению, «интеллигенция» была органичным для России явлением и порождением всей русской истории. Публицист постулировал: «Большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции». Однако уничтожить интеллигенцию большевикам не удалось, и когда-нибудь в будущем она должна была слиться с народом и Церковью, в этом заключалась ее конечная задача. И в Советской России, и в эмиграции «народ пойдет путем интеллигенции» и тем самым приобщится к культуре⁴⁶. В свою очередь, ученик Булгакова и Фе-

⁴⁵ Челнов М. Как быть? // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1970. № 3. С. 73, 79–80.

⁴⁶ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 4. М., 2012. С. 28–29, 59–63.

дотова о. А. Шмеман настаивал на необходимости преодоления «интеллигенции» как единственном пути ее творческого развития: «Интеллигент — это прежде всего гипертрофия Я. <...> Интеллигент — идолопоклонник»⁴⁷. В своем дневнике о. Александр постоянно цитировал: «Дети, храните себя от идолов» (1 Ин. 5 : 21)⁴⁸.

На упомянутые статьи, появившиеся в середине 1960-х — начале 1970-х гг., накануне собственной высылки за рубеж отреагировал А. И. Солженицын. По сути, он формулировал все тот же булгаковский идеал, отрицая при этом право советской интеллигенции именоваться «интеллигенцией», пока она не начнет борьбы за «чистоту общественных отношений» и «национальное возрождение» («Образованщина», 1974)⁴⁹. Солженицын выступал не за слияние с народом, но за воссоздание «интеллигенции»: «Я вполне согласен с теми, кто хочет видеть, верить, что уже видит некое интеллигентное ядро — нашу надежду на духовное обновление. Только по другим бы признакам я узнавал и отграничивал это ядро: не по достигнутым научным званиям, не по числу выпущенных книг, не по высоте образованности “привыкших и любящих думать, а не пахать землю”, не по научности методологии, легко создающей “отраслевые подкультуры”, не по отчуждённости от государства и от народа, не по принадлежности к духовной диаспоре (“всюду не совсем свои”). Но — по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности — во имя правды и прежде всего — для этой страны, где живёшь»⁵⁰. В романе «Архипелаг ГУЛАГ» понимание «интеллигенции» даже не отличалось от стандартного «анти-веховского» (ср. «Интеллигенция в России», 1910): «Интеллигент — это тот, чьи интересы к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не покончены внешними обстоятельствами и даже вопреки им. Интеллигент — это тот, чья мысль не подражательна»⁵¹. Вскоре после прибытия на Запад Солженицын сказал о. А. Шмеману о Ленине: «У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно ан-

⁴⁷ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М., 2005. С. 527.

⁴⁸ Там же. С. 48, 273, 303.

⁴⁹ Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Ярославль, 1995. Т. 1. С. 118–119, 128–129.

⁵⁰ Шмеман А., прот. Ук. соч. С. 123–124.

⁵¹ Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. М., 2010. С. 222.

ти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела... Разве не символично: он из Цюриха — в Москву, я из Москвы — в Цюрих... »⁵². О. Александр заключал: «Солженицыну нужна “партия” ленинского типа»⁵³. Причастность Ленина к «интеллигенции» для о. А. Шмемана была очевидна⁵⁴. Таким образом, отрицая право советской «интеллигенции» на подобное именование, Солженицын предлагал начать возрождение «интеллигенции» прежнего типа для разгрома советской сталинской империи.

«Это я — интеллигенция». Обратимся вновь к массовому сознанию советских граждан и их любимому кино. В 1960-е — середине 1970-х гг. ругательство «интеллигент» в кинематографе можно было встретить лишь у отрицательных персонажей. В фильме «Шумный день» (Г. Г. Натансон, А. В. Эфрос, 1960) грубый и скаредный Лапшин говорил о главном герое: «Барабах! Цаца интеллигентная!» (в пьесе В. С. Розова «В поисках радости» (1957), по которой снят фильм, — грубо: «Сопля интеллигентная!»). «Вы, по-видимому, интеллигентный человек?» — спрашивал офицер контрразведки приват-доцента Голубкова («Бег», А. А. Алов, В. Н. Наумов, 1970). «Гениальная находка — мятущаяся интеллигенция среди народа. Глубоко...» — отмечал доморощенный театральный критик по поводу увлекаемого толпой статистов Кисы Воробьянинова («12 стульев», Л. И. Гайдай, 1971). Жена домуправа Ульяна Андреевна Бунша кричала изобретателю: «А еще очки надел, изобретатель, интеллигент несчастный!» («Иван Васильевич меняет профессию», Л. И. Гайдай, 1973; в пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич», написанной в 1934–1936 гг., это понятие звучит в совсем другом контексте и с противоположным смыслом — Ульяна Андреевна: «Помогите!... Муж интеллигентную женщину бьет!...»). Бандит Джафар Трехглазый («Не бойся, я с тобой», Ю. С. Гусман, 1981) признавался: «Вот с таким врагом приятно иметь дело. Храбрый! Ловкий! И глупый! Мог убить, а не убил. Пусть говорит. Наверно, интеллигентный человек». В его песне звучат слова: «Он безоружен, я всегда воору-

⁵² Солженицын А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 5. С. 102.

⁵³ Там же. С. 467.

⁵⁴ Там же. С. 360–361.

жен, // Сидел бы тихо. Нет, он лезет на рожон. // Он хочет переспорить пистолет, // Такой большой, а как дитя, интеллигент! // Противник — лучше не бывает. // Ты упадешь, а он не добивает. // Ударишь в спину и не ждешь ответ. // Интеллигенту от себя спасенья нет!. «Интеллигент» живет не по «понятиям»: «Не я его, так он меня — закон таков. // Барашек травку ест для сытости волков. // В законах жизни исключений нет. // Не я законам враг, а он, интеллигент!». В 1980 г. в экранизации написанной в 1967 г. пьесы М. М. Роцина «Старый Новый год» (Н. М. Ардашников, О. Н. Ефремов) все связанные с «интеллигенцией» ругательства («Конструктор, интеллигент!...»; «Ох уж эта наша творческая интеллигенция!...») уже были убраны.

Перелом в отношении «интеллигенции» произошел в 1968 г. с выходом фильма С. И. Ростоцкого «Доживем до понедельника». Главный герой — школьный учитель явно благородного происхождения (как и сам Ростоцкий) — рисует перед учениками идеальный образ лейтенанта П. П. Шмидта: «Русский интеллигент, умница, храбрый офицер, профессиональный моряк, артистическая натура. < ... > Петр Петрович Шмидт был противник кровопролития, как Иван Карамазов у Достоевского. Он отвергал всеобщую гармонию, если в основание её положен хоть один замученный ребенок. Всё не верил, не хотел верить, что язык пулеметов и картечи единственно возможный язык переговоров с царем. Бескровная гармония. Наивно? Да. Ошибочно? Да. Но я приглашаю Батищева и всех вас не рубить с плеча. А почувствовать высокую себестоимость ... этих ошибок». Речь была произнесена в ответ на ироническую характеристику Шмидта из уст ученика. Он также вспомнил о «детях лейтенанта Шмидта», но учитель тему не поддержал. Символично, что в том же 1968 г. вышел фильм «Золотой теленок» М. А. Швейцера с «детьми лейтенанта Шмидта». Однако эпизод с Васисуалием Лоханкиным (которого сыграл А. Д. Папанов) в окончательную версию так и не попал.

«Подумать только! Быть всем и стать ничем! Типичный интеллигент!» — кричала академику Сретенскому его дочь — и получила такой ответ: «Я действительно интеллигент! И твой дед — интеллигент. Я из тех, русских интеллигентов. И, как интеллигент, я говорю тебе: я очень люблю тебя, Тася, но если когда-нибудь ты или твой муж разрешите себе вмешиваться в мою жизнь или работу, то действительно вылетите отсюда, как пух!» («Монолог», И. А. Авербах, 1972). Свою жизненную задачу

Сретенский формулировал по-булгаковски: «Изменить мир». Столь старорежимная фамилия главного героя и его самоидентификация «русский интеллигент» вполне соответствовала тогдашней терминологической тенденции: в 1960-е гг. понятие «старая интеллигенция» сменилось на «настоящую интеллигенцию». При этом все же стоит отметить, что оно было столь же широким, как и «советская интеллигенция», и включала в себя всё бывшее дворянство, чиновничество, купечество и вообще всех «бывших»⁵⁵.

Возрождение высокого образа вызвало целый ряд сатирических откликов. В 1976 г. в «12 стульях» М. А. Захарова присутствовал «слесарь-интеллигент со средним образованием». В фильме Э. А. Рязанова «Гараж» (1979) аспирантка Наташа замечала: «Нам, интеллигентам, свойственно делать пакости... а потом долго-долго себя терзать». Главный герой картины «Старый Новый год» Петр Полуорлов говорил: «Стыдно... ой, стыдно... а еще называем себя потомками русской демократической интеллигенции... вещи... вещи... одно баражло на уме... душа, дух, духовность... посмотрите на себя... посмотрите... не надо этого, не надо, это же пошло! <...> У нас интеллигенция — плоть от плоти и лучшие представители!» При этом его жена Клава произносила ключевую народническую речь, которой не было в пьесе: «Это вы — интеллигенция? Да вы понятия не имеете, что такое интеллигенция. Это я — интеллигенция. Потому что я живу не для себя, я живу для вас, для других!»

Советский официоз ответил на возрождение темы «интеллигенции» юбилейными экранизациями советской литературной классики: к шестидесятилетию «Великого Октября» вышел сериал «Хождение по мукам» (Б. С. Ордынский, 1977), к семидесятилетию — «Жизнь Климова Самгина» (Б. А. Титов, 1987). Во второй киноверсии «Хождения по мукам» было воспроизведено свойственное роману двойственное отношение к «интеллигенции». В частности, присутствовала узловая речь Сапожкова: «Наша трагедия, милый друг, в том, что мы, русская интеллигенция, выросли в безмятежном лоне крепостного права и революции испугались не то что до смерти, а прямо — до мозговой рвоты. Посиживали в тиши сельской беседки, думали под

⁵⁵ Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006. С. 124–127.

пенье птичек: “А хорошо бы, в самом деле, сделать так, чтобы все люди были счастливы...” Вот откуда мы пошли... На Западе интеллигенция — это мозговики, отбор буржуазии — выполняют железное задание: двигать науку, промышленность, индустрию. Там интеллигенция знает, зачем живет... А мы? Ой, братишки!.. Кому служим? С одной стороны, мы — духовные наследники славянофилов, расейского помещичьего идеализма. С другой стороны, денежки нам платят отечественная буржуазия... А при всем том служим исключительно народу... Вот так чудаки: народу!.. И так плакали над горем народным, что слез не хватало. И когда у нас эти слезы отняли, — жить стало нечем... < ... > А народ, на семьдесят процентов неграмотный, не знает, что ему делать с его ненавистью, мечется, — в крови, в ужасе... И в нашей интеллигенции нашлась одна только кучка, коммунисты. Когда гибнет корабль, — что делают? Выкидывают все лишнее за борт... Коммунисты первым делом высыпнули за борт старые бочки с российским идеализмом... И народ сразу звериным чутьем почувствовал: это свои, не господа, эти рыдать не станут, у этих счет короткий... Вот почему, милый друг, я — с ними, хотя произрашен в кропоткинских оранжереях, под стеклом, в мечтах... ».

Ответом на появившееся в конце 1960-х гг. возвеличивание «русского интеллигента» стала фраза фильма, которая отсутствовала в романе. Деникинский посыльный Куличек предлагал Дарье Булавиной быть его связной, «рискнуть, пожертвовать многим, испытать тысячи неудобств» и в ответ на ее согласие произносил: «Вот она, истинная интеллигенция». В таком (народническом) значении этот термин для Толстого был совершенно не свойственен. В тот же год юбилейная Конституция СССР напомнила интеллигенции, что в «нерушимом союзе рабочих, крестьян и интеллигенции» (ст. 19) «ведущей силой» является именно «рабочий класс» (преамбула). В экранизации «Жизни Клimenta Самгина» о высоком значении «интеллигенции» говорили наиболее пустые и смешные персонажи (отец Климa: «Видишь ли, мы все — Исааки. Да. Например: дядя Яков, который сослан, Мария Романовна и вообще — наши знакомые. Ну, не совсем все, но большинство интеллигентов обязано приносить силы свои в жертву народу...»; мысли Томилина в пересказе Самгина: «Интеллигенция — это лучшие люди страны, которым приходится отвечать за все плохое в ней...»; Кумов: «Народ вообще живет не духом, это — не-

верно мыслится о нем. Народ — сила душевная, разумная, практическая, — жесточайшая сила, и вся — от интересов земли. Духом живет интеллигенция, потому она и числится непрактической. Тело. Плоть. Воодушевлена, но — не одухотворена — вот! Учение богомилов — знаете? Бог дал форму — сатана душу. Страшно верно! Вот почему в народе — нет духа. Дух создается избранными»).

Таким образом, возрождение понятия «интеллигенция» было связано с личным решением И. В. Сталина. При этом рамки «интеллигенции» расширялись до крайности, включая в себя всех «служащих» (работников умственного труда). Преодолевая социал-демократическую традицию, Иосиф Виссарионович решил провозгласить себя законным сыном «неистового Виссариона» Белинского. Тем самым интеллектуальные силы подвергались власти, а сама власть (в том числе бюрократия) получала «правильное», прогрессивное именование. К 1960-м гг. советская идеология пришла к тезису о слиянии народа и «интеллигенции», причем первый по своему характеру должен был подтянуться к работникам умственного труда. Понятие стало быть ругательным. В интеллектуальной среде возродились элитистские представления, отчасти восходившие к дореволюционной традиции (народники, С. Н. Булгаков). Их можно рассматривать и как продолжение официального тезиса, и как его диалектическое отрицание, вызванное стремлением научно-технических и гуманитарных «интеллигентов» к самосохранению. Иными словами, сторонники представления об элитарности «интеллигенции» предлагали народу себя на своих собственных условиях, главным из которых являлось перевоспитание народа, смена его поведенческой модели. Идея элитарного характера «интеллигенции» вызвала критику как со стороны официальной идеологии, так и со стороны христианско-демократических общественных кругов (последние также апеллировали к традиции начала XX в.). Близкий к этим кругам А. И. Солженицын тем не менее поставил вопрос о создании новой партийной «интеллигенции» как прямой альтернативы советскому (ленинско-сталинскому) проекту. Stalin и Солженицын тем самым образовывали два полюса в послереволюционном сокрушении положительного мифа об «интеллигенции».

После распада СССР, краха официальной идеологии, социальной катастрофы и деградации, сецессии чиновничества и «офис-

ного планктона» из состава «интеллигенции» она, казалось бы, получала новый шанс для самоидентификации. Ведь это, как отметил ранее процитированный А. Ф. Лосев, принципиально для ее существования: «Интеллигенция должна беспредельно углубляться в самое себя, в целях самосознания и самосозерцания, но тут же она должна наталкиваться на самое себя (ибо что же иное, как не себя, она сознает?) и тем самым ограничивать и оформлять себя как интеллигенцию»⁵⁶. Разумеется, Лосев в 1930 г. говорил о философской категории, но подразумевал он отнюдь не ее. Произошла ли эта самоидентификация — или, кроме септиционеров, никого не оказалось? Если никто не считает себя «интеллигентом», то «интеллигенции» нет. Есть «работники сферы образования», «творческий класс» и «интеллектуалы», чей топос принципиально отличается от «интеллигентского».

---

⁵⁶ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 309.

Р. Р. Вахитов¹

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕСПОТИЗМА У К. Н. ЛЕОНТЬЕВА И М. А. ЛИФШИЦА: О КОНСЕРВАТИЗМЕ «ПРАВОМ» И «ЛЕВОМ»

1. ЛЕОНТЬЕВ И ЛИФШИЦ: ПРИТЯЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

На первый взгляд, Константин Николаевич Леонтьев и Михаил Александрович Лифшиц — мыслители, которые во всем противоположны друг другу. Леонтьев — монархист, православный, даже клерикал, искренний противник прогресса, демократии, социализма и коммунизма. Лифшиц — марксист, сторонник коммунизма, прогресса, грядущего освобождения человечества от экономической и политической эксплуатации. Известно, что Лифшиц довольно прохладно оценивал философию Леонтьева, отказывался причислять его к «великим консерваторам человечества», к коим он относил Аристофана, Платона, Пушкина, Гегеля, наследие которых считал важнейшей частью «непреходящих культурных богатств» всего человечества. Думается, что и Леонтьев, будь у него возможность почитать труды Лифшица, отнесся бы к их марксистскому пафосу, по меньшей мере, со скепсисом. Тем не менее

---

¹ Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета (г. Уфа). E-mail: Rusl_R_Vahitov@mail.ru.

невозможно не отметить, что, находясь на различных политических полюсах, эти два мыслителя в чем-то удивительно напоминали друг друга.

Прежде всего, оба они просыпали консерваторами и даже ортодоксами в рамках тех традиций, к коим принадлежали. Причем их ортодоксия была столь глубока и радикальна, что вызывала неприятие и дискомфорт даже у их формальных «однопартийцев»: идеи Леонтьева были не слишком-то популярны среди его современников — монархистов, а Лифшица считали «ископаемым сталинистом» даже те, кто еще совершенно искренне в 1960—1970-х ссылался в своих трудах на Маркса, Энгельса и Ленина. В связи с этим оба мыслителя не приобрели широкого признания и не оставили после себя многолюдных школ.

Далее, оба, начав в юности с краткого увлечения либеральными идеями (Леонтьев — идеями Жорж Санд и Белинского², Лифшиц — идеями левого искусства), в дальнейшем прославились резкой критикой этих идей, причем в эпохи, когда идеи эти были мейнстримом (для Леонтьева это 60—70-е г. XIX века, для Лифшица 20-е — начало 30-х г. XX века). Оба философа, когда к власти пришли правители, покончившие с «оттепельными свободами» (в случае Леонтьева — это Александр Третий, Лифшица — Иосиф Сталин), прослыли их ярыми апологетами, хотя в действительности относились к ним осторожно и критически. Леонтьев после краткого периода восторга, разочаровался в политике Александра Третьего³, Лифшиц же видел в Сталине лидера темной мелкобуржуазной массы⁴. Однако они считали, что их авторитарное правление все же лучше гниюще-либеральной вольницы. Лифшицу удалось дожить до второй в своей жизни «оттепели» — 1960-х гг., и здесь он, как и в конце 1920 — начале 1930-х, выступил против либерально-гуманистической парадигмы, нажив себе множество врагов. Леонтьеву не довелось увидеть 1905 год,

² Ранний период творчества Леонтьева рассмотрен в монографии С. В. Хатунцева «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография» (СПб.: Алетейя, 2007). Среди современных исследователей творчества Леонтьева необходимо упомянуть А. А. Королькова, А. В. Репникова, Н. В. Сомина, С. М. Сергеева, О. Л. Фетисенко, В. А. Котельникова, М. А. Емельянова-Лукьянчикова, Ю. В. Пущаева.

³ В конце жизни Леонтьев пришел к выводу о неизбежности социализма, о чём мы поговорим в этой статье позже.

⁴ Лифшиц М. А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М., 2004. С. 44.

но можно быть уверенным, что его бы не порадовало появление в России Государственной Думы, гражданских свобод и легальных политических партий.

Наконец, оба мыслителя были эстетами и эстетиками: Леонтьев не только писал критические и литературоведческие статьи, но и сам был недюжинным беллетристом, Лифшиц учился на художника, преподавал во ВХУТЕМАСе, работал в Третьяковской галерее, прославился как искусствовед и литературовед и фактически создал систематическую марксистско-ленинскую эстетику.

Сопоставление жизненных путей и наследия Леонтьева и Лифшица — тема большой книги (которая вряд ли когда-нибудь будет написана, потому что леонтьевцы не любят марксистов, и в том числе марксиста Лифшица, а последователи Лифшица на дух не переносят «реакционера и мракобеса Леонтьева»). В этой небольшой статье я хотел бы затронуть только один аспект этого сопоставления, но самый скандальный — относительно положительную оценку деспотизма в трудах православного мыслителя и советского философа.

2. ДЕСПОТИЗМ КАК НЕОБХОДИМОЕ ЗЛО

Под деспотизмом я предлагаю понимать государственную власть, не ограниченную демократическими законами, институтами и «противовесами». Для представителей либерального сознания деспотизм представляет собой абсолютное зло, что является оборотной стороной другой особенности либерального сознания — обожествления индивидуальной человеческой свободы, причем не в христианском ее понимании — как возможности выбирать между добром и злом «в сердце своем», а как свободы внешних действий, прежде всего, участия и соучастия в управлении государством. Между тем еще блаженный Августин в полемике с манихеями отстаивал идею, что для христианского мировоззрения абсолютного зла не существует. Во всяком зле, по Августину, содержится искаженное и частичное добро, так что зло — это испорченное добро. В работе «О природе блага против манихеев» он писал: «Зло есть не что иное, как испорченность природных меры или вида, или порядка. Таким образом, злой называется испорченная природа, а неиспорченная — доброй. Но даже и сама испорченная природа, насколько остается природой, настоль-

ко является и благой, а насколько испорченной — злой»⁵. Русский народ, который глубоко воспринял в себя самую суть христианской проповеди, выразил эту диалектику добра и зла в не-мудреной, но меткой поговорке: «Нет худа без добра». И если мы вспомним об этом, то относительно положительное восприятие деспотизма у Леонтьева, как у и Лифшица, станет нам совершенно понятным, представ не парадоксальным вывертом эстетизирующих чудаков, а простым следствием из диалектического закона.

Можно ли сказать, что Леонтьев, а тем более Лифшиц были апологетами деспотизма, тирании и насилия над человеческой личностью? Леонтьев, действительно, считал «деспотизм формы» основой жизни, без которого она становится дряхлой, дряблой, и рано или поздно вырождается и гибнет⁶. Но ведь очевидно, что речь у него идет при этом о посюсторонней, земной жизни, жизни биологических и сверхбиологических социальных организмов, а во все не о высшей жизни потустороннего царства, к которому относятся слова Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Иоан. 14:46). Со всей силой своего публицистического таланта философ-консерватор обрушивается на идею розово-гуманистического христианства об утверждении любви и всеобщей правды здесь, на земле. Однако он вовсе не отрицал христианское обетование торжества любви и правды после окончания земной истории. Как христианин Леонтьев, безусловно, верил в торжество правды и любви... но потустороннее!

Всем, кто интересуется философией Леонтьева, известны его слова, что начало премудрости (которой для него была настоящая вера) — страх, а любовь — только плод. Но ведь плод есть венец развития растения, вершина раскрытия его внутренних потенций, цель, ради которой это развитие происходило. Без плодоношения корень бесполезен и не нужен, то есть без конечного обретения любви подчинение своей жизни страху также бессмысленно и не нужно. Так что Леонтьев не в меньшей мере философ любви, чем Достоевский или Соловьев.

Леонтьев не выдавал зло за добро. Он просто признавал, что та примесь зла, которая присутствует в нравственных феноменах

⁵ Блаженный Аврелий Августин. О природе зла против манихеев: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-prirode-blaga-protiv-maniheev.

⁶ Соломин В. В. О понятии «деспотизма формы» в философских построениях Константина Леонтьева // Начало. 2011. № 23. С. 190–196.

здесь, на земле, необходима для реализации Промыслы Божьего, что без страданий, деспотизма и насилия люди не смогли бы спасти: «Без страданий не будет ни веры, ни на вере в Бога основанной любви к людям; а главные страдания в жизни причиняют человеку не столько силы природы, сколько другие люди. ... Чтобы самарянину было кого пожалеть и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники ... Разумеется, тут естественно следует вопрос: «Кому же взять на себя роль разбойника, кому же олицетворять зло, если это не похвально?» Церковь отвечает на это ... одним общеисторическим пророчеством: «Будет зло!» — говорит Церковь»⁷.

Очень показательны и следующие слова Леонтьева: «Жалок тот историк, который не умет видеть, что в бесконечной сложности и глубине всемирной жизни известное зло нередко глубокими корнями связано с известным добром»⁸. Конечно, не следует забывать, что у Леонтьева ни в коем случае речь не идет об оправдании зла, а лишь о том, что оно все равно придет и, вопреки его стараниям, зло сыграет свою роль в реализации Промысла Божьего.

Конкретным примером благотворного действия деспотизма было по Леонтьеву, скажем, сохранение национального и религиозного своеобразия у греков, когда они находились под гнетом турок, выполнивших роль некоей внешней аристократии, и ощущимая потеря такового после освобождения. Вряд ли здесь нужно приводить соответствующие пассажи, ими изобилует известная работа Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции».

Что же касается Лифшица, который виртуозно показывает отличия марксизма от либерально-буржуазного гуманизма, то здесь всё еще проще. Конечно, Лифшиц тоже признавал сложность исторических путей. Лифшиц был учеником Лукача, который пришел в революцию через осмысление именно нравственных проблем. Вспомним, что первоначально венгерский философ упрекал большевизм в аморализме, и вдруг, через очень короткий срок, он сам превратился в убежденного большевика⁹. Это превраще-

⁷ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 2007. С. 578–579.

⁸ Леонтьев К. Н. Грамотность и народность // К. Н. Леонтьев. Указ. соч. С. 71.

⁹ См. об этом работу: Земляной С. Н. Георг Лукач и западный марксизм. М., 2017.

ние было связано с мыслью, на которую натолкнуло Лукача чтение Достоевского: только через зло и насилие в мир придут счастье и справедливость, и взять на себя это зло — значит, совершив величайшую моральную жертву. Коммунисты берут на себя грехи мира, становятся проводниками и исполнителями этих грехов — но только для того, чтобы спасти мир, — вот кredo «странныго большевика» Лукача, который был так не похож на марксистов-экономикоцентристов и прямо сближал себя с христианскими гностиками.

Но Лифшиц как марксист в конечном итоге — убежденный апологет демократии, свободы и равенства, торжество которых он видел, конечно, в грядущем коммунизме. Марксизм для Лифшица — прежде всего, моральная теория, а коммунисты — люди, которые реализуют в истории идеал абсолютного добра. В статье под знаковым названием «Нравственное значение Октябрьской революции» Лифшиц резко критикует низведение задач рабочего класса лишь до «материального эгоизма» и пишет: «При известных обстоятельствах насилие есть неизбежная, хотя и тяжкая необходимость. Но только с обычательской точки зрения суть революции заключается в насилии. ... Можно ли обойтись без насилия? Такой путь есть. Он состоит в осуществлении на деле товарищеской дисциплины трудящихся масс вместо казённого подавления их самодеятельности, присущего старому обществу и вызывающего ответную реакцию безразличия, злобы взаимного ожесточения. Исторически рабочий класс, по выражению Ленина, является классом-объединителем»¹⁰.

Более того, амбивалентное, давшееся Лифшицу не без внутренней борьбы и боли признание Сталина, за которое его потом поносили прыткие и ультрапрincipиальные «дети XX съезда», послевоенные советские либералы, также связано было с этим — убежденностью Лифшица, что даже коммунистический деспотизм или мелкобуржуазный бонапартизм, как без обиняков определял философ сталинский режим в своих дневниках¹¹, имел наряду со страшными и уродливыми и свои положительные черты и нес некоторые положительные последствия. Известен пронзительный комментарий Лифшица к тому месту «Одного дня Ивана Денисова

¹⁰ Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3. М., 1988. С. 254.

¹¹ Лифшиц М. А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». С. 32–33.

вича» Солженицына, где описывался труд лагерной бригады — не ради денег, премий, карьерных надежд, а просто ради самого удовольствия от труда: только лишившись всего, что имели на во-ле нормальные советские люди, оказавшись на дне гулаговского ада, заключенные могут прикоснуться к идеалу свободного, творческого труда, который восторжествует только при коммунизме!¹² Иными словами, сталинская тирания, вопреки всем ее ужасам, дарит её жертвам не только сломанные судьбы, но и пусть искаженный, но опыт коммунистического труда, и тем самым по-своему приближает человечество к коммунизму!

Итак, деспотизм, насилие в истории, страдания людей и для православного консерватора, и для консерватора-марксиста, конечно, зло. Но зло не абсолютное, а относительное, несущее в себе искаженное добро и могущее иметь добрые, хорошие результаты. Через это зло реализуется добро: в случае Леонтьева — спасение людей в Царстве Божьем, по ту сторону истории. В случае Лифшица — в царстве свободы — коммунизме, все преобразуется в добро в конце предыстории и начале подлинной человеческой истории. Однако есть и принципиальная разница: Леонтьев как мыслитель православный и церковный, признавая неизбежность зла, его не оправдывает, не считает, что его нужно принять и обелить, тогда как позиция Лукача-Лифшица с ее оправданием революционного насилия больше напоминает гностический подход.

3. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ У ЛЕОНТЬЕВА И ЛИФШИЦА

Надо ли повторять, что и Леонтьев, и Лифшиц в этом отношении были совершенно одиноки даже в среде своих единомышленников. Большинство христиан-современников Леонтьева были сторонниками «розового», либерально-гуманистического христианства, вызывавшего резкое неприятие у философа-консерватора. Согласно этому «розовому» христианству, в истории наблюдается нравственный прогресс, люди постепенно становятся мягче, добнее, они освобождаются от жестоких институтов и стереотипов «непросвещенных веков». Начиная

¹² Об этом говорил ученик М. А. Лифшица В. Г. Арсланов в своих лекциях на видеоконференции «Youtube».

ет господствовать принцип индивидуальной свободы, демократического самоуправления. Немалую роль в этом нравственном прогрессе играет христианская проповедь, провозглашающая идеал всеобщей любви и осуждающая разного рода войны, насилие, тирании. Идеал гуманизма — человечество, которое достигло полного равенства в материальном, духовном, культурном отношении. «Вот и еще две — три формы людского развития, человеческого разнообразия, психического обособления индивидуумов, — пишет об этом Леонтьев, — и нации уничтожаются. Не позволены уже более ни Бисмарки, ни Талейраны, ни Ришелье, ни Фридрихи и Наполеоны... Царей, конечно, нет и подавно. ... механик, агроном ученый могут, как сыр в масле, кататься, обращая пышный шар земной в одну скучную и шумную мастерскую...»¹³.

Обычно обращают внимание на то, что у Леонтьева такой идеал вызывает отвращение, потому что Леонтьев — эстет и ценит совершено противоположное: разнообразие, оригинальность, буйство жизненной внутренней борьбы. Дескать, он убежден, что их можно обеспечить, только при внешнем стеснении людей и установлении твердой государственной власти. Так оно и есть: «... без разнородности и антitez нет ни организации, ни движения, ни жизни вообще»¹⁴, — восклицает Леонтьев. Но не следует забывать, что Леонтьев прежде всего — религиозный мыслитель, и на первом плане у него проблема религиозного спасения человека. Леонтьев критикует буржуазную либеральную демократию и буржуазный либеральный социализм, потому что, по его мнению, для людей, типичных для обществ такого типа, затруднительно будет спастись (в церковном смысле этого слова). Люди прогрессивного, свободного, демократического общества — это индивидуумы, довольные своей жизнью, горделивые, эгоистичные, ставящие во главу угла себя, свой комфорт и свои права. «Они — с явным презрением пишет о них Леонтьев в статье «О всемирной любви» — так горды, смелы, так не смиренны, так много думают о своем мнимом личном достоинстве»¹⁵... Их вера в разум — это разновидность их веры в себя, а зна-

¹³ Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Н. Леонтьев. Указ. соч. С. 334.

¹⁴ Там же. С. 349.

¹⁵ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике // К. Н. Леонтьев. Указ. соч. С. 573.

чит, — гордости и эгоизма. Бог и церковь для них имеет значение только как способ «оказать им услуги», если же религия посягает на их комфорт и болезненное самомнение, то она начинает вызывать у них ненависть. Они не боятся ни людей, ни Бога, они не хотят жертвовать ничем ради «други своя», ради Бога. Они не хотят спасения, они и так чувствуют себя избранными и спасенными. Они коснеют в грехе и заблуждениях, думая, что обладают истиной и праведны.

Разумеется, твердый в вере православный христианин Константин Николаевич Леонтьев (инок Климент) не может приветствовать такое общественное устройство, даже если и люди, его составляющие, субъективно ощущают себя более счастливыми, чем люди прошедших веков и даже если объективно они лучше питаются, одеваются и не видят тех жестокостей и безобразий, которыми изобиловали менее прогрессивные эпохи... Может, даже они меньше страдают в силу успехов технического прогресса и роста материальной цивилизации, но «без страданий не будет ни веры, ни на вере в Бога основанной любви к людям ...»¹⁶, предупреждает философ-консерватор.

Более того, сам идеал всеобщего мира, любви, благоденствия — это, как указывает Леонтьев, антихристианский идеал. Библия утверждает противоположное: чем ближе мы к концу истории, тем больше в мире будет войн, раздоров и угнетения. «Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на этой земле обещают нам Христос и его апостолы, а, напротив того, нечто вроде кажущейся неудачи евангельской проповеди на земном шаре...» — пишет философ¹⁷.

Но точно так же буржуазная демократия вызывает отторжение не только у православного консерватора Леонтьева, но и у марксистского консерватора — Михаила Александровича Лифшица, и также, как в силу эстетических причин, так и в силу причин, так сказать, «марксистско-эсхатологических» (то есть в перспективе грядущего коммунизма, реализующего идеал гармонично, разносторонне развитого, творческого человека). Во-первых, по Лифшицу, капитализм делает людей проще, пошлее, мелочнее, он лишает их возможности создавать и понимать высокое классическое искусство. Здесь советский эстетик пря-

¹⁶ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 578.

¹⁷ Там же. С. 576.

мо ссылается на рассуждения Карла Маркса из «Тетрадей о прибавочной стоимости» о том, что капитализму соответствует не тот вид духовного труда, что создал классическое древнее искусство и что, например, возвышенный греческий эпос невозможен в эпоху чистогана и машин. Комментируя их, Лифшиц подытоживает: «Капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия»¹⁸. Как известно, в поздних своих работах, посвященных критике искусства модерн и авангарда, Лифшиц будет отстаивать мысль, что именно эти формы современного антиискусства (как их характеризует Лифшиц) в большей степени подходят к базису, построенному на рыночных отношениях, к борьбе эгоизмов и погоне за прибылью.

Причем речь у Лифшица не просто об утере чувства прекрасного людьми, которые привыкли к рыночному pragmatizmu, речь идет об общем духовном вырождении, распространении мелочности и пошлости по всему пространству культуры. «Наиболее талантливые и честные люди буржуазной эпохи давно заметили, — пишет Лифшиц, — ... успехи цивилизации прекрасно уживаются с расцветом самых разнообразных форм духовного вырождения, испорченности, пошлости, измельчания»¹⁹. Как эта эстетическая критика капитализма похожа на рассуждения Леонтьева о новоевропейском мире серости, черных цилиндров и мелких страстишек!

Упадок искусства, эстетики, духовности, по Лифшицу, — оборотная сторона капиталистического, социального и научного прогресса, который марксист Лифшиц в отличие от консерваторов-романтиков средневековья, не отрицает, но считает односторонним и внутренне-противоречивым: «... Упадок художественного творчества неотделим от общесоциального прогресса. Его высокий уровень в прошлом был, наоборот, связан с неразвитостью общественных противоречий»²⁰.

Лифшиц, таким образом, констатирует наличие диалектики социального прогресса капитализма и упадка духовности при этом

¹⁸ Лифшиц М. А. Карл Маркс и вопрос об исторических судьбах искусства // М. А. Лифшиц. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: беседы, статьи, выступления. М., 2012. С. 280.

¹⁹ Лифшиц М. А. О культуре и ее пороках: <http://www.gutov.ru/lifshitz/mesotes/zkultur-porok.htm>.

²⁰ Лифшиц М. А. Карл Маркс и вопрос об исторических судьбах искусства. С. 282.

устройстве экономики и политической надстройки. Диалектика же означает, что отрицательное и положительное не просто сосуществуют, но и реализуют себя друг посредством друга. Иначе говоря, при капитализме люди мельчают, становятся пошлее и проще именно в силу социальных успехов капитализма, а не вопреки им. Общество при капитализме сумело создать огромные материальные блага: люди (по крайней мере в метрополии глобального капитализма) стали жить сыто, зажиточно. В отношении личных желаний и страстей человек западного капитализма XX века гораздо более свободен, чем человек феодализма и античности. Но как раз физическая сытость и техническая цивилизация, вопреки ожиданиям прогрессистов и просветителей, породили духовные нищету и варварство. «...Подъём производительных сил и культуры делает средства развития не менее важными, чем средства существования. На этом историческом фоне растущая духовная нищета вполне заменяет физическую, ... если в наши дни значительный слойвольноотпущенников капитализма живёт достаточно сытно, то эти люди каждый день чувствуют своё ничтожество. Вот почему они опьяняют себя новизной потребления, гонятся за престижем и мстят другим, со-знавая своё бессилие»²¹.

И наоборот, низкое развитие производства и цивилизации и даже страдания и угнетение прежних веков — причины взлета искусства, духовной культуры античности, позднего средневековья и Ренессанса, раннего Нового времени. Так же как прогресс двойственен и противоречив, двойственно и противоречиво было традиционное общество, сопротивлявшееся прогрессу и эманципации. Это понимали апологеты этого общества, внесшие не-преходящий вклад в сокровищницу культуры — Аристофан, Гете, Бальзак, Пушкин, которых Лифшиц называл поэтому великими консерваторами человечества, и чего не понимали узкие, однобокие, восторженные буржуазные демократы и прогрессисты, которые абсолютизовали и идеализировали буржуазные идеи гуманизма, прогрессизма и демократии.

Разоблачает Лифшиц и миф о либеральной свободе, которой так гордится капитализм и которая на деле оказывается «худшей формой рабства», «свободой от всякого стеснения в деле наживы

---

²¹ Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3. М., 1988. С. 233.

за счет угнетенных... »²², то есть все той же псевдосвободой коснуться в мелочности и пошлости, алчности и скопидомства.

Другими словами, Лифшиц, как и Леонтьев, убежден, что причиной и эстетического, и нравственного, и культурного вырождения современного человека является не что иное, как переход к либеральному обществу, где все вроде бы сыты, живут в комфорте, пользуются большими личностными правами, но их комфорт, бедность, свобода — все это иллюзия. На самом деле там господствует внутреннее одичание и варваризация человека. Поэтому, по Лифшицу, путь к социализму и коммунизму, который предлагаю разного рода ревизионисты — социал-демократы, то есть путь постепенного «улучшения» капитализма, ложный. Он, наоборот, отдаляет перспективу коммунизма (который, по Лифшицу, конечно, бесконечно далек от мещанского идеала всеобщей сытости, что грезился Н. С. Хрущеву²³), разлагает трудящихся, навязывает им буржуазные ценности и настроения.

Итак, Леонтьев замечал, что розовое христианство — эта религиозная ипостась буржуазно-либеральной идеологии — обещает человечеству царство всеобщей любви, а несет лишь царство всеобщей пошлости и сырой дряблости. Лифшиц точно так же отмечает, что буржуазный либерализм и его правосоциалистические аналоги обещают прогресс, демократию и свободу, но под их видом несут нравственный и эстетический регресс, а также скрытое, но от этого не менее тяжелое рабство. То есть, и согласно православному консерватору, и согласно консерватору марксистскому, либеральный «рай на Земле» есть не что иное, как тупик, ведущий к измельчанию, вырождению и духовной гибели человечества. Этот псевдорай — препятствие на пути человечества к спасению (в Царстве Божьем ли, в коммунизме ли). Не может спастись тот, кто убежден, что он уже в Эдеме.

Какова же альтернатива либеральному тупику? Тут Леонтьев и Лифшиц видят даже не по одному, а по два пути, причем один

²² Лифшиц М. А. В чем сущность спора // Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: беседы, статьи, выступления. С. 460.

²³ Именно такой «мещанский коммунизм» критиковал Леонтьев, но и Лифшиц не согласился бы с тем, что идеал мещанского счастья — суть коммунизма. По его убеждению, наоборот, коммунизм — царство творчества, а не потребления, любви к другим, а не к себе, «деятельное сплочение большинства против паразитов, ... взаимная поддержка, братское чувство», как он заявляет в своей статье о нравственном значении Октября.

из них — светлый и предпочтительный, а второй — темный и дурной. Однако даже последний лучше, чем либеральный упадок. И оба пути не совпадают с демократией, как ее понимает тривиальное буржуазное сознание.

4. ДВА ВИДА САМОДЕРЖАВИЯ У ЛЕОНТЬЕВА И ЛИФШИЦА

Только деспотическая или, говоря по-русски, самодержавная власть может спасти людей и общество, согласно Леонтьеву. Но такая деспотия может быть разной. Леонтьев считал своим идеалом самодержавие, опирающееся на православное церковное мировоззрение, дворянство и крестьянскую общину. Однако это не было слепой и тем более — сервильной апологетикой существовавшего тогда в России режима. Леонтьев в целом был удовлетворен результатами царствования Александра Третьего, расценивал как благотворный консервативный поворот этого царя. Он ставил этого государя много выше, чем его предшественника — Александра Второго, который, по мнению философа-консерватора, повел страну по пагубному пути либерального разложения и сам погиб в результате этого разложения и радикализации общества. Известны слова Леонтьева к Фуделю из предисловия к «Национальной политике»: «В России, которую мы с вами оба так любим, в общем дела теперь идут довольно хорошо. Признаков утешительных, обещающих все большую и большую независимость духа нашего от либерального (т. е. революционного) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажет будущее, которого мне уже не увидать!»²⁴ Но уже в последней фразе чувствуется беспокойство философа. В конце же жизни мыслитель приходит к выводу, что дни традиционной русской монархии сочтены. Но еще раньше у него созрел проект «социалистического феодализма». В одном из писем Леонтьев утверждает: «Если социализм, не как нигилистический бунт и бред всеотрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, — имеет будущее, то в России создать этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, не мо-

---

²⁴ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 726.

жет никто, кроме монархического правительства»²⁵. Или, например, за два года до смерти Леонтьев говорил: «Чувство моё пророчит мне, что славянский православный Царь возьмёт когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной»²⁶.

Итак, первый путь, позволяющий избежать гибели в топи либерального вырождения, — это путь *социалистического феодализма* (этот термин, по утверждению современного исследователя Емельянова-Лукьянчикова, ввел сам К. Н. Леонтьев²⁷), общества, состоящего из крестьянских и рабочих общин, подчиняющихся государству, во главе которого стоит православный царь и православная церковь²⁸. Нет иной возможности победить болезнь, когда она превратилась в повсеместную эпидемию, кроме как привить ее в себе в легкой форме, считает Леонтьев. Ввиду неминуемого перехода Запада к либеральному эгалитарному социализму, монархическая Россия сама должна стать социалистической, но ровно настолько, насколько это нужно, чтобы сохранить и укрепить лучшее, что в ней есть, — сильную власть, религиозность, словность.

Если же этого не произойдет, то развитие России пойдет по другому пути, нежелательному для православного консерватора, но все же более предпочтительному, чем путь западного буржуазного либерализма и буржуазного социализма. Я предлагаю его назвать в противоположность социалистическому феодализму *феодальным социализмом*. Буквально такое выражение Леонтьев, правда, нигде не использует, но оно может быть логически выведено из его рассуждений о том, что грядущий социализм буд-

²⁵ Леонтьев К. Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений.

²⁶ Леонтьев К. Н. Избранные письма. М., 1993. С. 473.

²⁷ «...Леонтьев соотносил “социализм” и “феодализм”, и вводил понятие «социалистического (или “общинного”, то есть “коммунистического”) феодализма» (Емельянов-Лукьянчиков М. А. Константин Леонтьев о “социалистическом феодализме” в России: два сценария: www.portal-slovo.ru/history/39_049.php).

²⁸ Леонтьев употребляет термин «социалистический феодализм» один раз — в «Среднем европейце» и довольно двусмысленно. Я не настаиваю на том, что он бы назвал именно так социалистическое общество, которое «возглавил бы русский православный царь», но я предлагаю здесь его именовать именно так, чтоб отличить от «феодального социализма»

дет своеобразным «новым феодализмом» в «Среднем европейце как идеале и орудии всемирного разрушения»: «Социализм, по-нятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже во-все не далекого будущего. Разумея при этом слово феодализм, ко-нечно, не в тесном и специальном его значении романо-герман-ского рыцарства или общественного строя именно времени этого рыцарства, а в самом широком его смысле, т. е. в смысле глубокой неравноправности классов и групп... в смысле нового закрепоще-ния лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних об-щин другим общинам, несравненно сильнейшим или чем-нибудь облагороженным»²⁹.

Следует заметить, что этот «новый феодализм» или «феодаль-ный социализм» Леонтьев отличал от того, что бы мы сейчас на-звали *буржуазным социализмом* — медленного перерождения ка-питалистического Запада в еще более однородное, серое, расслаб-ленное и горделивое общество, возможно, даже без эксцессов, крови, героизма и смертей (т. е. от современного, «цивилизован-ного капитализма», «демократического социализма», «евросо-циализма» в противоположность «дикому капитализму» эпохи Маркса и Диккенса).

России без царя, по Леонтьеву, уготована другая судьба. Ее без-божный и революционный социализм, при всех своих ужасах и ко-щунствах, больше будет напоминать пусть искаженное, но от-ражение первого, монархического пути, то есть не буржуазный, а *феодальный социализм*. Леонтьев пишет: «Если бы русский на-род доведен был преступными замыслами, дальнейшим подражанием Западу или мягкоксердечным повторством до состояния вре-менного беззначания, то именно те крайности и те ужасы, до кото-рых он дошел бы со свойственным ему молодечеством ... разре-шились бы опять по его же собственной воле такими суровыми порядками, каких мы еще и не видывали»³⁰. Анархия неизбежно превратится в свою противоположность — строгий принудитель-ный государственный порядок и «будет новый феодализм — фео-дализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных», «коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равенства должен рядом различных сочетаний с другими началами».

²⁹ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 156–157.

³⁰ Емельянов-Лукьянчиков М. А. Указ. соч.

ми привести постепенно ... к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы .... вероятно даже, к новым формам личного рабства или закрепощения (хотя бы косвенного, иначе названного)»³¹.

И тут снова Леонтьев оказался провидцем. Он предвидел русский государственный социализм, сталинизм (который и былleonтьевским «феодальным социализмом»). Очевидно, Леонтьев не был бы его сторонником и апологетом, как грезится некоторым современным поклонникам философа-консерватора, но также очевидно, что философ говорит о нем не без сочувствия, и уж без всяких сомнений предпочитал своей Родине пойти по этому пути, хоть немного задерживающему либеральное всемесмешение, чем сразу по пути либерального, тихого, сытого нравственно-духовного разложения и одичания. Нельзя не согласиться с современным исследователем творчества Леонтьева Ю. В. Пущаевым как в том, что на вопрос «хотел ли он (Леонтьев. — Р. В.) победы коммунистической революции и в России? отрицательный ответ ... очевиден»³², так и в том, что «он (Леонтьев. — Р. В.) возлагал на них (на коммунистов и социалистов. — Р. В.) свои надежды на приостановку энтропийного всеуравнивания и вторичного, смесительного упрощения общества, которые несли с собой, с его точки зрения, европейский либерализм и демократия»³³.

Кроме того, самодержавие красного диктатора несет с собой если не страх Божий, то страх человеческий, а это по Леонтьеву лучше, чем самодовольство буржуа, поскольку страх и страдания сами по себе неизбежны и благотворны в плане духовном. Красный деспотизм по-своему создает условия для спасения людей, хотя сами вожди этого деспотизма к этому не стремились, поскольку являлись убежденными и горячими гонителями церкви, поэтому идеи Леонтьева не означают нравственного оправдания гонителей.

---

³¹ Там же.

³² Пущаев Ю. В. Отношение К. Н. Леонтьева к коммунизму / социализму. О несостоявшемся «союзе социализма ... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 81. С. 74. Следует во избежание путаницы заметить, что в той статье Ю. В. Пущаев употребляет термин «новый феодализм» в том смысле, в котором я употребляю термин «социалистический феодализм», то есть общества, в котором православие, самодержавие и социализм образовали союз.

³³ Пущаев Ю. В. Указ. соч. С. 75.

Теперь обратимся к «консерватору слева» — Лифшицу. У него мы тоже видим два пути советского государства — светлый и темный, или, как обозначил их Лифшиц, ленинский и сталинский. Оба они ведут мимо пропасти буржуазного либерализма и капитализма, но по-своему.

Как ни странно, ленинский путь Лифшиц также определяет как «самодержавие», только «самодержавие революционеров, которое может найти себе оправдание лишь в организованном движении снизу»³⁴. Понятно, что слово «самодержавие» здесь употребляется не в буквальном, а в переносном смысле, Лифшиц, естественно, не был монархистом. Но такое словоупотребление все равно показательно. Ведь самодержавие — это власть, не ограниченная демократическим законом, власть диктаторская. Итак, идеал Лифшица — вовсе не демократия в привычном буржуазном ее понимании — власть представителей народа как электората, оснащенная сдержками, противовесами, юридическими процедурами и разного рода формальностями. Это, правда, и не власть отдельного лица — диктатора. Это, по всей видимости, — диктатура пролетариата в ее ленинской трактовке, то есть фактически диктатура руководителей партии революционеров, пришедшей к власти вооруженным путем. Таким и был СССР вплоть до середины 1930-х гг.

Революционеры при этом опираются, по Лифшицу, на пролетариат, который учится социальному творчеству и самоорганизации в рамках Советов депутатов, партийных, профсоюзных организаций; это Лифшиц называет демократией, но, разумеется, имея в виду не буржуазную «четыреххвостку» с парламентом, а иное — «советскую демократию», «самодеятельное участие масс», которое, как ни парадоксально, не исключает диктатуру, своеобразное «самодержавие», а существует в рамках его.

Историческая задача сознательного пролетариата — сдерживать страшную силу «уравнительности», скопившуюся в среде крестьянства («мелкой буржуазии», как характеризует его Лифшиц вслед за Лениным) за столетия угнетения и грозящую сместью тонкий слой культуры³⁵.

Другой, темный путь — это путь, по которому пошла наша страна в 30-е, — путь «сталинского бонапартизма», деспотии

³⁴ Лифшиц М. А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». С. 48.

³⁵ Там же.

всесильного вождя, который подчинил себе партию, лишил пролетариат социальных механизмов самодеятельности и правил, опираясь на темную мелкобуржуазную массу «пригорода и деревни». Масса эта была охвачена идеей уравнительности, и Сталин, по словам Лифшица, временами обуздал ее, временами — выпускал «наружу в виде пароксизмов террора»³⁶.

Лифшиц не был сторонником сталинизма (от которого он даже пострадал в годы борьбы против «космополитизма», потеряв работу и чуть не оказавшись в тюрьме стараниями своего врача — писателя Фадеева). Но еще меньше его устраивал путь возвращения капитализма и либерально-буржуазной культуры и даже смягченный вариант его — победа мелкобуржуазной программы Бухарина и иже с ними, которая, по Лифшицу, была гораздо ближе к меньшевизму и ревизионистскому евроМарксизму, чем вырожденный, мелкобуржуазный большевизм Сталина. В сталинизме были хотя бы почвенность и тот дикий и темный демократизм «от земли», каковой Ленин усматривал в черносотенстве. И в то же время сталинизм, по мнению марксистского консерватора, в отличие от фашизма — это реализация «просвещенного деспотизма». Отсюда признание философа, что он в 1937-м был в конечном итоге «условно за Родину и за Сталина».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пора подвести итоги. И Леонтьев, и Лифшиц выступали против либерально-буржуазной идеологии и капитализма, правда, с разных позиций: православный мыслитель — с позиции спасения в потустороннем Царстве Божьем, а марксистский — с позиции перспектив посюстороннего земного коммунизма. Причем для Леонтьева эта идеология была воплощена в розово-гуманистическом христианстве, а для Лифшица — в политическом либерализме, а также в ревизионистском евроСоциализме и абстрактных, меньшевистствующих версиях марксизма. Оба философа считали, что буржуазный либерализм ведет к духовному обнищанию и вырождению цивилизации, эстетическому и нравственному регрессу. Оба они видели выход в своего рода «самодержавии», но Леонтьев — в самодержавии православного царя, а Лифшиц —

³⁶ Лифшиц М. А. Указ. соч. С. 33.

в «самодержавии революционеров». Оба предполагали, что возможен и иной путь — «феодального деспотического социализма», и хотя они явно ему не сочувствовали, но считали, что он предпочтительнее погружения в либеральное мещанство.

Единомышленниками они от этого не становятся, но перекличка «консерватора справа» и «консерватора слева» знаковая. Мир устроен диалектически, и прогресс также внутренне противоречив и тесно связан с регрессом. В связи с этим левый идеал может реализовываться через путь консерватизма, а правый идеал — через специфичную вариацию социализма. Умный традиционалист и умный марксист это будут понимать и даже в каком-то смысле окажутся, хоть и на время, на одной стороне, при всех их принципиальных разногласиях в идеологии и нравственных оценках.

Ю. В. Пущаев

ФИЛОСОФИЯ НА ЛИНИИ ФРОНТА, КОТОРЫЙ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

Философия на линии фронта. Материалы заседания секции, «Философия на линии фронта», проведенной в рамках Донецких чтений 2018. М. : Объединенное движение «Русская философия», 2019.

Удивительная вещь: целая последовательность главных событий нашей истории за последние 15–20 лет (киевский Майдан и новая, враждебная Украина, присоединение Крыма и Русская весна, война на Донбассе) не вызвала почти никого отклика в современной русской философии. Острая фаза цивилизационного конфликта и новый западный *Drang nach Osten*, осуществляемый новыми методами и средствами — руками националистической прозападной Украины — не стали у нас значимыми философскими историософскими темами.

Да есть ли тогда сегодня сама русская философия как нечто реально присутствующее и общественно значимое, если для нее не существует, или почти не существует, главных событий русской истории последнего времени?

Это раньше отечественные философы писали о борьбе за Логос, откликались на мировые войны и революции, помогали постигать их смысл и формулировали его. Сейчас же главное геополитическое событие русской истории почти не тематизируется в философии. Что это? Следствие ее окончательного ухода в область чисто академических штудий? Или это само время, сама история уже не запрашивает мысль, философию, не нуждается в ней, и филосо-

фы даже не дерзают на настоящую актуальность, заранее сознавая бесплодность своих попыток помочь истории и народу понять себя? Или в таком осмыслении (пока?) не заинтересована власть, а философия послушно ей следует? Но и в последнем случае — чего она тогда вообще стоит?

Тем не менее «война, которая ведется за Донбасс как за часть Русского мира, во многом является философской войной. Это столкновение не только армий, но и столкновение идей. Итог этой войны соответственно будет иметь не только геополитические и социальные, но и философские последствия, с которыми нельзя будет не считаться будущему человечеству. Русская философия сегодня — на линии фронта» (с. 85–86).

Это я процитировал слова из сборника статей «Философия на линии фронта» из одноименной статьи А. Ю. Коробова-Латынцева в этом сборнике. Последний на фоне современного отечественного безмыслия на эту важнейшую тему является отрадным явлением уже хотя бы самим фактом своего выхода и существования.

Формально вышедшая книга с энергичной красной обложкой представляет собой материалы заседания секции «Философия на линии фронта», проведенной в рамках Донецких чтений-2018. Изначально планировалась отдельная конференция с таким названием. Идею ее проведения поддержал первый глава Донецкой Народной Республики Александр Владимирович Захарченко. Уже из этого видно, как Донбасс, участники войны за Россию и прорусскую Украину запрашивают философское осмысление того, за что они сражаются. Как написано в предисловии к книге, «масштабная философская конференция должна была на несколько дней превратить Донецк в центр русской философии, эдакий русский Фрайбург» (с. 3). Однако из-за предательского убийства А. В. Захарченко 31 августа 2018 года собственно конференцию пришлось отменить. Организаторам пришлось ограничиться проведением секции в рамках традиционных для местного университета Донецких чтений.

В итоге в работе секции приняли участие философы, историки, политологи и филологи из Донецка, Луганска, Москвы, Воронежа, Ростова-на-Дону. Однако в силу финансовых ограничений для большинства это участие носило заочный характер. Тем не менее, даже заочно, участие в этом сборнике для многих авторов — это в том числе жест поддержки и возможность проявить солидар-

ность с воюющим Донбассом. Пусть очень скромный, но личный способ принять участие уже в философской войне идей.

Однако надо честно признать: непосредственный наличный результат (данная книга) одной из первых попыток философского осмыслиения украинского конфликта и стоящей за ним новой, гибридно-холодной войны Запада и России получился, увы, в целом малоудовлетворительный. Причем надо сразу оговорить, что это произошло не по вине устроителей конфликта и составителей сборника. Они-то как раз сделали всё что могли, и надо отдать дань признательности их мужеству делать то, что можешь и должен. Но нельзя прыгнуть выше головы, если не обладаешь государственной поддержкой, прежде всего Российской Федерации, и не вписан в ее академические структуры.

Итак, в силу крайней ограниченности составителей сборника финансовыми и иными ресурсами мы имеем, во-первых, то, что эта книга не собственно сборник статей, а скорее сборник тезисов. Почти каждая работа не превышает 2–4 страниц. Во многих заголовках темы заявлены серьезные, но их раскрытие из-за тезистности изложения на неудовлетворительном уровне.

Во-вторых, из-за чрезмерного множества опубликованных статей-тезисов нет какой-то единой линии для сборника. Это скорее мозаика из скучных по содержанию работ, часто имеющих при этом узкоспециальный характер. В итоге практически невозможно сказать, какие именно идеи данная книга четко может предложить для участия в предполагаемом философском бою с *идейной агрессией современного Запада*. Отдельные фразы и суждения на эту тему приходится выуживать самому, наугад, среди, в общем-то, не обязательного для чтения материала. Хотя, надо отметить, в сборнике попадаются и отдельные более или менее цельные работы, вызывающие интерес. Это, например, статья С. П. Поцелуева «Образ России в философии молодого Д. Лукача: актуальные сюжеты», статья М. А. Колерова «Март 1918: Советская Россия учится жить без Донбасса» и некоторые другие.

Трудно не согласиться с авторами Предисловия, что «Русское Бытие сосредоточено сегодня в Донбассе», что «именно в Донбассе сегодня Русский Мир встречает врага лицом к лицу» (с. 4). Но тем более скандальным и вызывающим является то, что русская философия обходит молчанием то место, где сегодня сосредоточено русское бытие и где на поле боя решается судьба России.

Возможно, причиной этому нынешняя политика властей, которые намеренно хотят притушить конфликт на Донбассе и сделать невидимым этот фронт. Но любая заморозка будет временной, и, даже если конфликт потушат, Запад на этом не успокоится, это совершенно очевидно по идущей уже 20 лет по всему миру непрерывной серии революций и войн.

Но неужели самостоятельная мысль ничего не должна делать и в отсутствии госзаказа?

Идущая война, идущий конфликт — это война смыслов, война за смыслы. Прежде всего, идеиная война. На стороне Запада тут идеология либерализма, так называемых прав человека и бума потребления. Все это имеет пусть лживую, но привлекательную обертку.

А что на нашей стороне? Что мы тут можем противопоставить? Мы должны спрашивать и пытаться отвечать на следующие вопросы:

- За какую Россию идет война на Донбассе?
- В чем Россия противостоит современной западной цивилизации (**«Сверх-Запад»**) и каковы метафизические и историософские основания этого противостояния?
- И есть ли на это противостояние у нас силы и ресурсы, в том числе идеиные? Каковы наши перспективы?
- Почему Украина успешно превратилась в резко враждебное государство?
- Почему либерализм и национализм выступают единым фронтом в этой войне?
- Какое реальное содержание имеет сегодня понятие «русский мир»?
- Почему Украина оказалась такой токсичной территорией, что в связи с ней всерьез говорят о начале Третьей мировой войны и из-за нее произошел раскол в мировом Православии, который в средневзятой перспективе может иметь самые непредсказуемые последствия?

Время не ждет. Думать и отвечать на эти вопросы надо, чтобы с нами не получилось так, как сказано в Евангелии: «И не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Мф. 24:39).

Андрей Тесля¹

М. Фуко. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983) / Изд. и критич. аппарат А.-П. Фрюшо и Д. Лоренцини ; предисл. Фр. Гро ; пер. с фр. Д. Кралечкина под науч. ред. М. Маяцкого.
М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.

Публикация лекционного наследия Мишеля Фуко, интенсивно начавшаяся с 1990-х годов и теперь в своей основной части подходящая к концу, фактически представила широкой публике «второго Фуко» — не менее интересного, чем Фуко книг и интервью, можно сказать — более доступного, такого, чья мысль, по крайней мере на первом шаге, кажется или является более легкой для понимания и усвоения — стремящегося объяснять и пояснить зачастую не столько слушателям, сколько самому себе.

Ценность публикаций поздних лекционных курсов Фуко самоочевидна: это работа, оставшаяся незавершенной. В отличие от более ранних курсов, которые затем оформились в книги — напрямую или путем метаморфозы, когда представленная в курсе линия рассуждений была сочтена самим автором ошибочной или, по крайней мере, далеко не столько продуктивной, как казалась при первом приближении — и в этом плане они интересны скорее как черновики, варианты будущей работы, последние курсы оста-

¹ Андрей Тесля — к. ф. н., с. н. с. ИГНБФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта meistr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

ются без авторского завершения. Это движение мысли, не финализированное самим автором, размышление в процессе. В этом, кстати сказать, пожалуй, особая притягательность, распространяющаяся на курсы 1970-х гг. В своих книгах Фуко еще и выдающийся художник — что может привлекать или отталкивать, в зависимости от того, близка или чужда читателю ценившаяся автором барочная стилистика, — но независимо от пристрастий, он создает замкнутое целое, книгу как целостное произведение в том числе и эстетически. «Историю безумия...» или «Надзирать и наказывать» можно читать с наслаждением, даже не принимая авторских взглядов, чуждаясь его концепций — как прекрасные повествования, странные истории, которые рассказывает Фуко. Лекции лишены этого совершенства, законченности — и от того способны интенсивнее вовлекать в систему мысли Фуко.

В новом издании (во Франции оно вышло в 2016 г.) — семь лекций: лекция 18 мая 1982 г. в университете Гренобля («Паррессия») и шесть лекций, прочитанных в Беркли в октябре и ноябре 1983 г. («Речь и истина»). Содержательно первая, гренобльская лекция располагается между курсами «Герменевтика субъекта» и «Управление собой и другими», прочитанными в Коллеж де Франс, а курс «Речь и истина», соответственно, предшествует последнему курсу Фуко в Коллеж де Франс — «Мужество истины». В них можно наблюдать, как разворачивается интерес Фуко к паррессии и меняется ее трактовка: от первоначального нащупывания в гренобльской лекции, где паррессия² понимается достаточно узко и акцент сделан на те тексты, где сама *parresia* упоминается непосредственно, и вплоть до ее широкой трактовки. Тогда паррессия превращается в концепт, позволяющий включать в качестве вариантов и Сократа, и киников, хотя первоначально, напротив, сократические речи исключаются из паррессии, как несовместимой с иронией. В случае с киниками движение продолжится в последнем курсе — если в Беркли Фуко еще делает акцент именно на кинических речах и в первую очередь трактует речь Диона Хризострома, то спустя несколько месяцев в Париже для него к кинической паррессии будет относиться именно сам кинический жест, поступок. Объясняя природу своего первоначального интереса к паррессии, Фуко говорит в Гренобле:

² Вслед за последними лекциями курса «Герменевтика субъекта» (см. лекции от 3 и 10 марта 1982 г.).

«Первое, что меня поразило, — это что само слово “парресия”, которое встречается прежде всего в христианской духовной традиции, где оно означает, что ученик обязан полностью раскрыть свое сердце перед наставником, показывая ему движение своих мыслей, так вот: это понятие парресии можно встретить и в греко-римской философии имперского периода, с тем существенным отличием, что в этом случае парресия — это обязанность не ученика, а, напротив, учителя» (с. 30–31).

Дальнейшее движение оказывается связано с раскрытием трех аспектов парресии: политического — как права гражданина, и при этом связанного с его качеством, политической добродетелью — ведь это право одновременно требует и мужества, поскольку предполагает риск, говорение истины перед теми, кому это может не понравиться, может навлечь беды на сообщающего истину, что затем обернется в проблему советника государя. Вторым аспектом предстает этический — связанный с практиками «наставничества» и ведущий уже к философскому аспекту — о модусах субъективности. Последний связан прежде всего с переворачиванием обязанности парресии, но затем все в большей степени — с самим пониманием философии. Здесь Фуко обращается уже к прояснению того, чем занимается сам, определяя его как анализ проблематизаций. В заключительной лекции из цикла «Речь истина» он говорит: «Почти во всех работах я брался анализировать не поведение людей, принадлежащее области социальной истории, и не идеи в их репрезентативном значении. С самого начала я старался анализировать проблематизацию, то есть то, как и почему некоторые вещи, некоторые типы поведения, некоторые феномены и процессы становятся проблемой» (с. 370). И далее поясняет: «Мы должны, я думаю, очень четко понимать, что проблематизация не является следствием контекста или ситуации, составляющей контекст этой проблематизации; это не эффект, не следствие, это ответ. <...> В процессе проблематизации устанавливается оригинальное отношение между мыслью и реальностью. И именно такого рода оригинальные, специфические, единичные отношения между истиной и реальностью я пытаюсь анализировать в проблематизациях такого типа» (с. 372, 373).

Непроизнесенными, оставшимися в рукописи, являются слова, поясняющие суть позиции Фуко и как исследователя, и как наставника:

«И мы можем тогда вернуться к вопросу критики. Цель критики — изменение проблематизации. Нет ни [“диатрибы”], ни [деконструкции]. Только неизменная задача репроблематизации» (с. 373, прим.).

Проясняя отличие «истории мышления»³ от «истории идей» (и от «истории понятий»), Фуко говорит в лекции 7 ноября 1983 г.: «Обычно историки идей желают определить момент, когда появляется та или иная идея, и часто они связывают этот момент с появлением нового слова. Я же, занимаясь историей мышления, пытаюсь сделать нечто другое. Задача в том, чтобы проанализировать то, каким образом вещи, практики, привычки, разные виды поведения становятся проблемой для людей, которые ведут себя именно таким образом, у которых такие именно привычки, которые используют такие именно практики и действуют в таких именно институтах. <...> История идей — это анализ понятия с момента его рождения и по мере его развития в системе других понятий, составляющих его контекст. История мышления должна быть, по-моему, чем-то другим, а именно анализом того, как поле опыта, совокупность практик, которые считались само собой разумеющимися, которые были знакомыми и не вызывали вопросов, или по крайней мере не создавали места для дискуссий, как это поле опыта становится проблемой и порождает споры, обсуждения, вызывая новые реакции, что, в свою очередь, приводит к кризису в привычках, практиках и институтах. История мышления, понимаемая подобным образом и четко отличенная от истории идей, — это история того способа, каким люди беспокоятся о том или ином, каким они интересуются тем или иным, например, безумием, преступлением, полом или же самими собой и истиной» (с. 204–205). И, соответственно, роль критики — генеалогической — увидеть это устройство беспокойства и тем самым давать возможность других ответов. История здесь, вполне Ницшеанским образом, — способ избавления от истории как слепого бремени, а история мысли оборачивается вариантом духовных упражнений.

---

³ Кафедра Фуко в Коллеж де Франс, учрежденная 30 ноября 1969 г., носила название «Истории систем мысли».

Андрей Тесля

Й. Радкау. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / Пер. с нем.
Н. Штильмарк ; под науч. ред. С. Ташкенова ;
вступ. слово С. Ташкенова. М. : Изд. дом
Высшей школы экономики, 2017. 552 с. (серия:
«Исследования культуры»)¹

Еще полвека назад была широко распространена точка зрения, согласно которой психические расстройства весьма изменчивы с социальной и исторической точки зрения, однако современный взгляд вынуждает существенно скорректировать этот подход: уровень тяжелых психических расстройств, тяжких психозов в разных обществах оказывается близким.

Но если на этом уровне, тем самым, приходится говорить непосредственно о биологическом, то на уровне менее серьезных заболеваний, напротив, наблюдается существенный разброс. В еще большей степени это относится к истории медицины и к «культурной истории» болезней — здесь историческое, социальное оказывается мощным фактором, побуждающим внимание к одному и оставляющему за рамками другое — или же определяющим, как именно, в какой перспективе будет осмысляться проблема.

Так, обращаясь к культурной карьере «стресса», вытеснившего «неврастению», Радкау язвительно замечает:

¹ Андрей Тесля — к. ф. н., с. н. с. ИГНБФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта; mestr81@gmail.com. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

«цель была поставлена очень конкретно: она состояла не в способности к счастью, а в способности к исполнению функции» (с. 440).

Предмет исследования Йоахима Радкау, вышедшего на языке оригинала в 1998 г. в Мюнхене, история нервов в Германии, прежде всего через историю «неврастении». Диагноз этот тем примечателен, что, как показывает Радкау, возникший в Америке в начале 1880-х, он отнюдь не равномерно распределился в европейской культуре. Вслед за Америкой это заболевание оказалось в фокусе внимания в Германии, в то время как в Англии оно так и осталось на периферии, а Франция оказалась страной «истерии».

При этом сам Радкау далек от того, чтобы представлять историю «nevрастении» и, шире, историю «нервов» как сугубо «культурную». Напротив, на его взгляд — перед нами сложное переплетение реальности и ее осмыслиения. Когда люди сталкиваются с новыми проблемами или старые проблемы в новых условиях приобретают новые формы — и вместе с тем сам язык времени оказывается рамкой, которая накладывается на массу самых разных ситуаций и состояний. Опознаваемые как «проблемы с нервами», они тем самым предполагают определенный набор логик реагирования — равно как сам индивид, определяя себя, например, как страдающего от нервов, не только соответствующим образом осмыслияет себя (в том числе обращая заболевание, как это нередко бывает, в ключевой элемент своей идентичности), но и действует на основании этого самопонимания.

Хронологически охватывая совсем небольшой период времени — с 1870–1880-х гг. до Первой мировой войны — работа Радкау интересна не только совмещением массы ракурсов, от истории медицины до политической истории, но едва ли не в первую очередь — неоднозначностью, многоплановостью трактовок, которую демонстрирует уникальный по плотности материал. Так, Радкау демонстрирует, что сама трактовка нервозности в эту эпоху двусмысленна — от «слабых» нервов до «перенапряжения», при этом «нервный» субъект — тот, кто обладает повышенной возбудимостью (или приобрел ее). Тем самым в культурном пространстве эпохи эта характеристика оказывается лишенной однозначно-негативного значения:

- во-первых, «нервы» — характеристика утонченной натуры. Соответственно, свобода от «нервов», например,

- в окружении Вильгельма II, вызывает и восхищение — способностью к настойчивости, прямой животной силе — и вместе с тем именно по тем же основаниям, как симптом неубежденности, а тупоумия, упрямства, свидетельство животной силы, лишенной сознания, — презрение;
- во-вторых, эта черта больших городов, нового темпа жизни — болеть «нервами» может лишь тот, кто включен в новый порядок. От нее избавлены «бюргеры» и «филисты» — именно те, с кем в наименьшей степени стремится ассоциироваться немец, ориентированный на современность.

Здесь и другая двойственность, присущая эпохе — что выступает в качестве идеала: собственно быть свободным от «нервов», или быть способным к мобилизации, волевому действию — и расслаблению, способность управлять своим возбуждением. Эту двойственность Радкау обнаруживает в том числе и в лечении неврастеников — в то время, как врачи в одних санаториях видят путь к излечению в отказе пациента от своей воли, в гипнозе, полном подчинении врачу, для других изечение — в укреплении воли, сбрить себя воедино.

Соответственно, «современный» человек, идеальный обитатель большого города — во многом именно тот, кто обладает «нервами»: движется в быстром темпе, стремителен, чтобы не упустить момент — «американец», в расхожих типологиях эпохи. Тем самым большой «нервами» индивид оказывается как тем, кто не справляется с напряжением — не приспособлен к новой жизни (что в свою очередь может вести к критике современности), так и тем, кто слишком торопится, взял на себя больше, чем велит разум. Отсюда характерное отношение к «неврастении», которая лишена постыдности — врачи диагностируют у своих обеспеченных пациентов, склонных воспринимать свой недуг как свидетельство собственных усилий, добросовестности.

И тем не менее — в движении времени Радкау обнаруживает общее тяготение к восприятию «нервов» как негативного, не подобающего идеалу маскулинности. Уже в дебатах начала века аргументом против стигматизации неврастеников со стороны врачей служит, например, ссылка на Бисмарка — с его хорошо известными приступами безволия, напряжением, разряжающимся слезами и т. п. Однако преобладающий культурный образ сдвигается в сторону новых идеалов — как телесных, так и психологических: теперь

это атлетические формы, ясный взгляд, целеустремленность, избавленная от болезненной рефлексии. Мало кто желает быть похожим на образ немецкого студента недавних времен — одутловатого, красномордого, с пивным животом, горланищего с товарищами сентиментальные и/или патриотические песни, равно как совсем недолговечной окажется и эстетика тонкости, изломанности, трепетности конца века, которая сольется воедино с образами гендерной неразборчивости, одного из стереотипов Германии XIX.

Подробно анализируя на фоне истории нервов внешнюю политику Германии 1890–1914 гг., Радкау показывает, сколь велико там значение перебрасываемых сторонами в «безволии», «нервозности», образов «игры нервов» и т. п. Император, опасающийся, что его сочтут пацифистом, канцлер и депутаты Рейхстага, мыслящие в логике нервов, — все это и многое другое выступает фоном принимаемых решений, сама война — как избавление от тягостной неопределенности раздерганных слабых людей, стальная гроза, призванная их оживить и укрепить.

Главная сила работы Радкау — именно в ее сложности, переплетении и детализации, избавлении от простых схем и образов. Например, работа с многочисленными картами пациентов неврологических санаториев демонстрирует, насколько зачастую далекими от «патриархальных» образов были отношения отцов и детей в Германии конца XIX века, или как динамично меняется сексуальная культура в связи с новым пониманием инфекционной природы и распространения сифилиса, или как велосипед первоначально оказывается связан с сильными сексуальными переживаниями, чтобы затем, войдя в обыденность, многое утратить в силе и яркости. Так что в итоге — это в первую очередь книга о сложности прошлого, об ином и одновременно знакомом, когда многое в представлениях и привычках конца XIX века оказывается ближе к современности, чем к периоду Мировых войн, — и о том, как сквозь призму последующего мы склонны переставлять акценты, например, в первую очередь видя в вильгельмовской Германии антисемитизм или евгенику. Это, как отмечает Радкау, действительно есть, но, именно зная о последующем, удивляет обратное: сколь оно далеко от превалирования в то время и, следовательно, сколь быстрый и мощный рост такого рода идей и представлений случится в ближайшем будущем. То есть о том, сколь быстр и изменчив культурный ландшафт, который, оглядываясь в прошлое, мы склонны выравнивать.

Фёдор Синицын

Паоло Сартори, Павел Шаблей. Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019

Книга «Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи», которую написали историки П. Сартори и П. Шаблей, посвящена исследованию сложной проблемы — возможности одновременного применения в условиях одного государства разных правовых систем — «централизованного» законодательства, традиционного права какого-либо региона и права, основанного на религиозном учении.

Авторы рассматривают эту проблему в контексте одного из крупнейших этнических регионов Российской империи — Казахских степей. Ситуация в этих землях была непростой. Вхождение Казахстана в состав России растянулось на долгий период — с первой трети XVIII до второй половины XIX вв. Казахское население вело, в основном, кочевой образ жизни, находясь как бы в разных «измерениях» с «оседлым» Российским государством. Законодательство России было основано на европейских правовых принципах, тогда как казахское традиционное право имело центральноазиатские корни, а религиозное — исходило из исламского учения. Таким образом, здесь была острой проблема столкновения и «сотрудничества» сразу нескольких правовых систем.

Уже на первом этапе вхождения казахских земель в состав России проявилось недопонимание между сторонами в юридической сфере. Так, оказалось, что принятие российского подданства казахским Младшим жузом в 1731 г. трактовалось сторонами совер-

шенно по-разному. Для России это было безоговорочным «вхождением» казахских земель в состав страны, а для казахов — свободной и практически ни к чему не обязывающей «ассоциацией», позволявшей им вести независимую политику или даже быть в подданстве у других стран (например, у Китая), в зависимости от политической конъюнктуры.

Проблему сосуществования европейского права, адата и шариата историки изучают достаточно давно. Одной из наиболее монументальных работ по этой теме считается докторская диссертация известного советского правоведа С. Л. Фукса, в которой были проанализированы казахское обычное право и шариат, отмечены различия между ними, выявлено влияние шариата на адат¹. Это поистине фундаментальный труд, однако в условиях того времени С. Л. Фукс не мог избежать «классового» подхода. В частности, он писал, что нормы адата «грозили на каждом шагу смертью преступнику-бедняку», а шариат был «“орудием подавления”» «трудящихся», которые поднялись «на борьбу против своих эксплуататоров» (причем более сильным, чем адат)². Конечно, это, мягко говоря, не совсем так. Кроме того, можно отметить книгу американского историка Вирджинии Мартин «Закон и обычай в степи: Казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX в.», в которой в основном проанализированы взгляды и деятельность казахского населения в этом аспекте³. Книга П. Сартори и П. Шаблея, в свою очередь, посвящена восприятию адата и шариата чиновниками Российской империи.

Выходы о политике России в казахских степях, сделанные в книге, представляют большой интерес. В этом регионе многие десятилетия поддерживалось правовое разнообразие. П. Сартори и П. Шаблей сделали вывод, что казахи не имели адат в виде исторически устойчивой и территориально целостной традиции. Он развивался и видоизменялся вместе с обществом и, следовательно, включал в себя старые и новые представления о функциях и легитимности тех или иных институтов. При этом казахское обычное право испытало сильное влияние мусульманских норм.

¹ См.: Фукс С. А. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана — СПб., 2008. С. 9, 21.

² Там же. С. 132, 141.

³ См.: Martin, Virginia. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London — New York, 2001.

В книге рассказывается, как российские власти столкнулись с этой достаточно сложной ситуацией и пытались в ней разобраться, чтобы наладить управление и судопроизводство в Казахских степях. Важным этапом на пути реализации этого замысла была кодификация обычного права, которое, как правило, вытесняло в устной форме. Для его применения в рамках российского судопроизводства нужно было удалить из адата «все противное с точки зрения европейской морали и политически нежелательное». Затем чиновники должны были использовать подготовленные сборники адата для разбора исковых дел, повышая тем самым доверие населения Казахской степи к российским присутственным местам.

Процесс кодификации местного права был долгим. В конце XVIII — начале XIX в. российские власти переосмысливали значение сосуществования «обычая» и «закона» в праве, обсуждали вопрос об использовании казахского обычного права в имперском судопроизводстве. В начале 1820-х гг. было принято решение приступить к кодификации адата. Этот процесс затянулся на десятилетия.

Как указывают авторы книги, налицо были проблемы понимания российскими чиновниками местных условий Казахских степей. Так, они не понимали, что обычное право более эффективно справляется с конфликтами в мелких группах, чем в больших. Кроме того, чиновники часто путали адат и шариат, объявляя последний, как правило, «внешним фактором» в духе расхожего мнения о поверхностной исламизации казахов. Кроме того, правительство допустило большую ошибку, пытаясь использовать одни и те же программы для кодификации обычного права в Восточной Сибири и Казахской степи. Подобного рода просчеты были одним из ключевых факторов, обеспечивших провал кодификационных усилий, которые в результате становились продуктом еще более сложного конструирования имперского знания о своих новых подданных, чем опыт некоторых европейских держав.

Пожалуй, одним из наиболее интересных сюжетов книги является история деятельности российских чиновников и ученых И. Я. Осмоловского и В. В. Григорьева, которые занимались кодификацией казахского обычного права. Осмоловский в 1849–1851 гг. совершил несколько поездок в Казахскую степь. Был в Восточной, Средней и Западной частях Зауральской Орды, а также

посетил Внутреннюю Орду. Итогом проделанной работы стал «Сборник киргизских⁴ обычаев, имеющих в орде силу закона».

Назначенный в 1854 г. новым главой Оренбургской пограничной комиссии известный востоковед В. В. Григорьев не был противником кодификации казахского обычного права — более того, считал, что необходимо вернуть казахам судопроизводство в полном объеме, и именно на основании адата. Однако, сочетая идею цивилизационной миссии Российской империи и веру в «естественную предрасположенность» каждого народа к определенным культурно-правовым формам, Григорьев воспринимал духовную основу казахского обычного права (адат и шариат) крайне политизированно. Он рассматривал шариат как главное препятствие, нарушающее связь казахов со своими «подлинными» обычаями и мешающее цивилизаторской миссии России. Григорьев не сомневался, что шариат — это временное явление в местной правовой культуре.

В 1857 г. В. В. Григорьеву было поручено довести до конца работу специальной комиссии, изучавшей материалы И. Я. Осмоловского. Рассмотрев содержание сборника, Григорьев не только выступил против его публикации, но и раскритиковал работу людей, приложивших усилия к проверке материалов. Считая, что сборник противоречит текущим правительственным задачам, так как отражает не «исконно киргизские обычаи», а положения «магометанского шариата», Григорьев настаивал на фундаментальности разграничения адата и шариата.

В. В. Григорьев в 1862 г. перешел на научную работу в Санкт-Петербург. Однако, не сумев отредактировать сборник Осмоловского в желательном идеологическом ключе, он не пожелал выпустить его из-под своего контроля. Вероятно, опасаясь, что в его отсутствие новая администрация в Оренбурге может реанимировать идею публикации сборника, Григорьев захватил его в Санкт-Петербург вместе с другими бумагами и хранил вдали от посторонних глаз (здесь авторами описана почти детективная история).

В итоге оказалось, что осуществить кодификацию казахского адата по разным причинам было невозможно. Поэтому материал в подготовленных сборниках в значительной степени совершенно произвольно компилировался и классифицировался местными чиновниками. Одни обычай они приравнивали к преступлению, другие объ-

---

⁴ Т. е. казахских.

являли «дикими». Те же, на которые можно было опереться исходя из pragматических соображений, нередко попадали в категорию «имеющих силу закона». Ни один из кодификационных проектов, над которыми работали чиновники, не был признан успешным.

Кроме того, как выявили авторы книги, ни представители колониальной администрации, ни сами казахи не могли провести ясную границу между адатом и шариатом, а если и пытались их разделить, то результат был не самым обнадеживающим.

В последующем в Казахской степи продолжала сохраняться правовая гибридность, основанная на тесном переплетении разных правовых практик и традиций. Например, выражая недоверие бию (главе рода) как правовому эксперту, казахи обращались к русской администрации, в русские суды или шли к кади (мусульманскому судье).

Как отмечают авторы, причиной того, почему ни один из кодификационных сборников, составленных русскими чиновниками, не стал частью практического правового регулирования в Казахской степи, было отсутствие диалога или пассивное сопротивление кодификационным проектам. Кодификация традиционного права имела форсированный характер, связанный с реакцией на крупные реформы как в Российской империи в целом, так и в Казахской степи в частности. Многие чиновники, испытывая административное давление, продемонстрировали бюрократический подход к подготовке сборников — они не стремились к аналитическому осмыслению особенностей местного права (адат, шариат), а решали тактические задачи, считая, что качество их работы будет напрямую связано с количеством предоставленного материала.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Книга наводит на важные размышления о методологии и терминологии. В ней затрагиваются многие темы — и «старые», и «новые», которые сравнительно недавно стали фигурировать в историографии. Эти проблемы либо остаются спорными, либо их необходимо еще прорабатывать и обсуждать.

Во-первых, вопрос о «российском колониализме». Авторы книги строят свое исследование на «представлении об истории Казахской степи в колониальном контексте». Такой, «колониаль-

ный», дискурс по отношению к присоединенным к России территориям особенно активно использовался с 1920-х гг., когда в отечественной исторической науке превалировали подходы «главного историка-марксиста» М. Н. Покровского, который считал дореволюционную Россию практически «исчадием ада». Правовед С. Л. Фукс также характеризовал период присоединения Казахстана к России как «колониальный»⁵. Дискуссия о политике России в Казахской степи обострилась после выхода в 1943 г. книги «История Казахской ССР», в создании которой принимала участие А. М. Панкратова — известный историк и ученица М. Н. Покровского (в период эвакуации она работала в Казахстане). Хотя Панкратова считала, что присоединение Казахстана к России — это «меньшее зло», чем если бы он попал под власть среднеазиатских ханств или Китая, этот труд тогдашнее руководство страны подвергло разгрому, объявив, что это вообще было не «зло» (методология Покровского к этому времени уже была признана властями негодной и вредной).

Тем не менее дискуссии относительно «колониальности» присоединенных к России территорий продолжаются.

Как известно, колония — это зависимая территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), без самостоятельной политической и экономической власти, управляемая на основе особого режима. Зачастую колониальный режим не предоставляет права граждан населению контролируемой территории, сравнимые с правами граждан метрополии. При этом граждане метрополии пользуются в колониальных территориях большей властью и привилегиями, по сравнению с коренным населением. Подходят ли эти условия для территорий, присоединенных к России? Может быть, стоит говорить о казахских жузах как не о колониях, а скорее об «ассоциированных территориях», которые позднее стали управляться на равных условиях со всей территорией Российской империи?

Является ли колонизация, т. е. заселение территории кем-либо (в случае Казахских степей — казаками и затем крестьянами), признаком колониального статуса этой территории? Ведь так же были заселены и Сибирь, и Дальний Восток, которые вряд ли кто-то станет считать «колониями» России. Многие страны были созданы за счет расширения, освоения новых, в том числе иноэтнических, тер-

---

⁵ Фукс С. Л. Указ. соч. С. 8.

риторий, которые вливались в их состав и становились непосредственной частью страны. Является ли Финмарк колонией Норвегии и Швеции, а штаты Техас и Калифорния — колониями США?

Кроме того, есть интересный подход А. Эткинда, который считает, что в XIX веке Россия была колониальной империей, как Британия или Австрия, и одновременно колонизованной территорией, как Конго или Вест-Индия. Расширяясь и охватывая огромные пространства, Россия колонизовала свой народ. Это был процесс внутренней колонизации, вторичной колонизации собственной территории⁶.

Есть также аккультурационная модель понимания империи. Российский историк С. В. Любичанковский отмечает, что эта модель является примером реализации «гибридной парадигмы», позволяющей увидеть в истории не только дихотомию «метрополия — колония», но и целый ряд промежуточных форм, выделенных по иным принципам. Для континентальных империй, каковой была Россия, дихотомия «метрополия — колонии» является чрезмерно упрощенной, и поэтому здесь уместнее пользоваться трехчленным делением: «центр — внутренняя периферия — окраины». Сущность такой империи заключается во внутреннем расширении, заключающемся в постепенном расширении стандартов «ядра империи» на периферийные территории, а политика аккультурации в этом движении — один из важнейших рычагов⁷.

Сами авторы книги относительно включения Казахской степи в состав Российской империи употребляют термин «вхождение», а не «захват» (которого, в основном, и не было на самом деле, если не считать самых южных казахских земель, отвоеванных у Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств).

С темой «колониализма» связан вопрос о «политике русификации», которая упоминается в книге. Очевидно, имеется в виду «политическая русификация», т. е. интеграция новых территорий в состав страны? Нельзя говорить об «этнически» русификационной политике. Во-первых, у правительства России не было ни сил, ни возможностей русифицировать, например, такой огромный регион, как Казахстан. Тем более, что само кочевое население было

⁶ Эткинд А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М., 2013. С. 383–384.

⁷ См.: Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // ЭНОЖ «История». 2019. № 8. [Эл. ресурс]

фактически «неуловимым» для властей, и это сводило возможности культурного воздействия на него к минимуму, если не к нулю. Во-вторых, усиление интеграции российские власти проводили при участии местных жителей, с учетом их мнения и пожеланий — так, например, было в Туркестане.

Вопросы вызывает приведенное в книге указание на то, что казачья колонизация Казахских степей «включала в себя... убийство мирного населения». (Авторы здесь дают ссылку на книгу: Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI — начале XX в.). Астана, 2000.) Не слишком ли это чрезмерное обобщение? Понятно, что конфликты и взаимные убийства случаются между рядом живущими этническими группами. Но можно ли говорить об «убийствах мирного населения» чуть ли не как о характеристике процесса казачьей колонизации? Казахский историк К. Нуров отмечал, что, наоборот, между казаками и казахами не было жесткого антагонизма и поддерживались контакты, в том числе браки⁸. Характерно, что в 1875 г. атаман Н. Г. Казнаков в своем отчете генерал-губернатору Западной Сибири писал, что местные казаки «научились поголовно киргизскому⁹ наречию и переняли некоторые... привычки кочевого народа»¹⁰.

Еще одна проблема, которая затронута в книге, — «ориентализм» — весьма популярная тема на Западе, где ученые с помощью этого термина пытаются объяснить восприятие «белыми» представителями европейских колониальных держав населения, культуры, быта колоний. Однако употребление этого термина кажется неоднозначным в условиях России. Так, А. Эткинд в рамках своего подхода считает, что русская культура в разные периоды и в разных аспектах была и субъектом, и объектом «ориентализма»¹¹.

Авторы книги, пишут, например, что «в тех случаях, когда И. Я. Осмоловскому не хватало знания предмета для анализа, он прибегал к типично имперскому (ориенталистскому) противопоставлению “невежества” и “образованности”». Но почему это имен-

⁸ Нуров К. Трудная история // Термиргалиев Р. Д. Казахи и Россия. М., 2013. С. 330–331.

⁹ Т. е. казахскому.

¹⁰ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1895. С. 6–7.

¹¹ Эткинд А. Указ. соч. С. 383.

но имперское и «ориенталистское» проявление? Разве, например, японцы не считали всех европейцев «варварами»? На наш взгляд, это весьма распространенное проявление недоверия и дистанцирования между народами, которые мало знают друг друга.

В книге приведен текст, написанный И. Я. Осмоловским: «Живя в форте Перовский, так недалеко от Бухары, с которой наше правительство в таких хороших дружественных отношениях, мне было [бы] весьма приятно побывать в Бухаре; к этому меня побуждает великая слава этого города, высокое образование ее обитателей и такие прекрасные мадресе — учебные заведения. Мне, тоже учившемуся на своем веку кой-чему, хотелось бы воспользоваться удобным случаем познакомиться с людьми образованными и учеными, закупить книги, а также запастись и материальными средствами для своего домашнего обихода». Авторы считают, что этот текст не только «изобилует ориенталистскими вариациями», но и «является разновидностью колониального дискурса, в рамках которого разные способы описания Востока предстают в качестве инструментов контроля, манипулирования или инкорпорирования того, что выступает как явно иной мир». Но разве восторженное мнение о Бухаре, любопытство человека и интерес ученого к ней имеют какое-либо отношение к «колониализму»? Тем более, что Осмоловский прямо указывает на независимый статус Бухары как государства, к тому же имеющего дружественные отношения с Россией.

Авторы книги пишут, что «ислам представлял угрозу на пути реализации реформ Российской империи в Казахской степи». Однако следовало бы отметить, что в начале процесса интеграции этого региона в состав России ислам весьма приветствовалася властями империи. Екатерина II считала, что ислам должен был быть поставлен на службу России. Производился набор лояльных татарских мулл для работы в Казахстане, которые могли усилить лояльность казахов и обеспечить их мирные намерения¹². Оренбургский военный губернатор О. А. Игельстром добился создания в Уфе муфтията, к ведению которого были отнесены и казахи¹³. Хотя российские власти издавали указы о назначении мулл для казахского населения¹⁴, в целом они проводили политику невмеша-

¹² Khodarkovsky, Michael. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002. P. 217.

¹³ Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003. С. 50.

¹⁴ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 38.

тельства во внутренние духовные дела мусульман. Доктрина ограниченной веротерпимости была введена только во второй половине XIX в. — но ислам и тогда допускался, хотя власти препятствовали его распространению и укреплению¹⁵.

Вопросы вызывает и «оценка татар в качестве культурных и политических соперников русских в Казахской степи (особенно с середины 1850-х гг.)». В книге дана ссылка на статью К. Мацузато «Генерал-губернаторство в Российской империи: от этнического к пространственному подходу». Автор этой статьи пишет: «В Туркестане и казахской Степи... активно действовал один из “уважаемых врагов” — татары»¹⁶. Если здесь имеются в виду поволжские татары, то крайне сомнительно, что в XIX в. кто-то в России мог считать их «врагами». Татары уже давно были интегрированы в российское государство. Важнейшим фактом доверия к ним со стороны властей и невосприятия их как врагов было то, что татары подлежали призыву в Русскую армию — наряду с башкирами. Они были единственными мусульманскими народами, подлежащими призыву¹⁷.

И напротив, авторы пишут: «Что касается основного населения Средней Азии, а именно сартов (узбеков) и киргизов (казаков), то правительство их не боялось». Однако в докладе Военного министерства от 1914 г. казахи были признаны «неблагонадежными в политическом отношении». Было отмечено, что интеграция казахских степей в Россию сопровождалась сопротивлением в течение почти ста лет и что мирным этот непокорный народ стал лишь после завоевания Россией в 1860-х и 1870-х гг. среднеазиатских ханств, «когда... стало уже некуда уходить от русской власти». Военные эксперты считали, что «православная вера и русское отчество киргизу¹⁸ чужды, если не враждебны». Такие же выводы были сделаны о каракалпаках, а также об оседлых народах Средней Азии — узбеках и таджиках¹⁹.

¹⁵ Комокова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель — Observer. 2011. № 8. С. 100–101.

¹⁶ Мацузато К. Генерал-губернаторство в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 451.

¹⁷ Безугольный А. Ю. Опыт строительства Вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): Дис. ... д. и. н. М., 2019. С. 239.

¹⁸ Т. е. казаху.

¹⁹ Захаров М. Национальное строительство в Красной армии. М., 1927. С. 17.

В книге, к сожалению, уделено мало внимания кочевому образу жизни казахов — как он влиял на их отношения с Российским государством и правом, как он влиял на их собственное право? Кроме того, авторы пишут: «Считая, что казахи — “дети природы”, а политическая организация кочевников не способствовала образованию государства… русские этнографы впадали в соблазны географического детерминизма». Но ведь действительно кочевой образ жизни категорическим образом влиял на политическую, экономическую и социальную жизнь соответствующих народов, в том числе делая проблемным устойчивое существование кочевых государств, о чём много написано в исторических трудах.

Спорным является и утверждение авторов книги, что «переселенческая политика была действенным инструментом в утверждении русского влияния в различных регионах империи». Так было далеко не всегда и не всегда. — Известно, что сначала (как минимум, в 1860-х гг.) российские власти прямо противодействовали переселенцам, вплоть до выселения их из степей обратно.

Следует также отметить, что авторы в причинах завоевания Россией Центральной Азии не указали на соперничество с Великобританией, которое было одной из главных причин этого процесса, а может быть, и вообще самой главной причиной.

К сожалению, в текст книги вкрадась досадная ошибка: авторы пишут, что в 1846 г. «вдоль русла» Амудары было возведено «Новопетровское укрепление (с 1939 г. — форт Шевченко)». Здесь возникла путаница: Новопетровское укрепление (Форт-Шевченко) находится весьма далеко от Амудары, на берегу Каспийского моря. Возможно, путаница возникла из-за того, что в 1862 г. город Ак-Мечеть на Сырдарье (а не на Амударье) был переименован в Форт Перовский (современная Кзыл-Орда).

Кроме того, авторы противопоставляют систематизацию и кодификацию права, тогда как кодификация — это одна из форм систематизации.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Прочтение книги натолкнуло на мысль о том, что историкам еще нужно дополнительно обсудить использование новой терминологии, которая часто является калькой с англо- или других иноязычных терминов. Эти термины, безусловно, важны, и вообще

необходимо обновление, модернизация терминологии. Но важно и звучание этих терминов на русском языке. Как говорят юристы, здесь каждая буква важна. Очевидно, что нельзя термины просто калькировать.

Так, неоднозначными являются широко используемые в книге термины «колониальное знание» и «туземное знание». Термин «колониальное знание» — это калька с английского «colonial knowledge», который употребляется в многочисленных трудах зарубежных историков²⁰. Однако, как известно, английское слово «knowledge» не тождественно только лишь слову «знание» и имеет много вариантов перевода на русский язык: «знание, познания, понимание, сведения, осведомленность, информированность». В иностранных трудах этот термин и употребляется не как аналог русского слова «знание», а как «система информации» (стратегической, географической, политической, этнографической)²¹, «корпус (свод, собрание) информации»²², «знание не только в его дискурсивном смысле... но и как институционализированные практики»²³. Сами авторы книги под «системой колониальных знаний» понимают «русский язык, русское образование, имперские законы и др.».

Термины «колониальное» и «туземное знание» могут быть неудачны и в плане наличия в них некоторого шовинизма — что у колонизаторов как бы свой тип мышления и «знания», а у «туземцев» — свой. Так, Бернард Кон писал, что «в Индии британцы попали в новый мир, который они пытались понять, используя свои собственные формы знания и мышления»²⁴. При этом О. С. Эль-Шахри отмечала, что «колониальные отличия» обычно понимались как «расовые отличия»²⁵.

Термин «производство знаний», вынесенный в название книги, употребляется, в том числе философами. Но не пора ли поду-

²⁰ См., напр.: Hopkins B. D. The Power of Colonial Knowledge // The Making of Modern Afghanistan. [Palgrave Macmillan], 2008. P. 11–33.

²¹ Hevia, James. The Imperial Security State: British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012. (Аннотация к книге.)

²² Hopkins B. D. The Making of Modern Afghanistan. New York, 2008. P. 13.

²³ Knowledge Production, Pedagogy, and Institutions in Colonial India. / Ed. by Indra Sengupta and Daud Ali. New York, 2011. P. 7.

²⁴ Cohn, Bernard S. The British in India: Colonialism and Its Forms of Knowledge. Princeton, 1996. P. 4.

²⁵ El Shakry, Omnia S. The Great Social Laboratory: Subjects of Knowledge in Colonial and Postcolonial Egypt. Stanford, 2007. P. 5.

матер, насколько он удачен? Согласно словарю русского языка, слово «производство» имеет такие значения: «действие», «выработка, изготовление», «работа по непосредственному изготовлению продукции», «отрасль, вид промышленности», «фабрика, завод» и дореволюционное выражение «производство в офицеры». Подходит ли этот термин к знаниям?

LOST IN TRANSLATION

Возможно, эти вопросы нужно задать переводчику книги (кажется, что, как минимум, часть ее была написана на иностранном языке — скорее всего, на английском).

Во-первых, весьма затруднительно читаются такие фразы: «В теоретическом плане такой подход, как правовая гибридность, дополняется концепцией ориентализма, герменевтическим анализом, теорией фронтира, позволяющими почувствовать динамику колониальной истории, разобраться в ее дискурсивных и контекстуальных особенностях»; «Они указывают на прошлые конфликты, в центре которых находятся интересы разных групп, желающих описать действительность через понятия автохтонности, аборигенности и т. п.»; «Корректно ли такой подход, предполагающий, что колониальные империи могли создавать и в выгодном свете использовать связную систему понятий и точных определений, считать эффективным, иначе говоря, находить его полезным для понимания того, как империя могла соизмерять свои познавательные возможности и интеллектуальные ресурсы, а также многообразие исторического контекста с логикой административных преобразований?».

Как писал Сергей Довлатов, «такие передачи и глушить не надо, все равно их понимают только аспиранты МГУ». Да и то вряд ли.

Во-вторых, калька с английского языка либо не совсем удачный перевод:

«Бюрократические и политические изменения» — слово «changes» на русский язык лучше было бы перевести как «перемены».

«Академическая карьера» — очевидно, калька с «academic career». На русский это переводится как «карьера в сфере преподавательской деятельности», которой, собственно, и занялся

В. В. Григорьев, о котором идет речь, заняв в 1862 г. кафедру истории Востока в Санкт-Петербургском университете.

«Сосредоточиться на вопросах местной рутины». По-русски говорят «повседневная жизнь» или «повседневность», а «рутина» имеет другое значение («консервативный распорядок, рабское следование заведенному шаблону, боязнь перемен, нового»).

Не совсем корректным представляется термин «имперская ситуация / ситуации», скорее всего тоже плохо переведенный. Почему слово «генерализовать» не дано в переводе («обобщать»)? «Фронтirующие группы» — возможно, что термин «границающие» не совсем охватывает то, что нужно сказать про эти группы, но правомерно и благозвучно ли слово «фронтirующие»?

Не совсем верно применен термин «комплексные судебные практики» в смысле одновременного применения нормы и адаты, и шариата. «Судебная практика» у нас имеет другое значение — это совокупность судебных актов, образуемых в процессе деятельности судебных органов (решения, приговоры, определения суда и пр.). Здесь, возможно, опять-таки была применена калька с термина «legal practice», который лучше было бы перевести как «правовые практики».

С. Н. Тарасов

*В. М. Муханов. Кавказ в переломную эпоху:
1917–1921 годы. М., 2019*

Так уж складывается ситуация, что на протяжении только одного XX века Закавказье несколько раз оказывалось на геополитическом разломе, проходя по-разному, но в целом один и тот же, процесс, связанный с проблемами национально-государственно-го строительства ставших независимыми Азербайджана, Армении и Грузии.

И сейчас вновь, как в 1917–1921 годах, эти страны столкнулись с многочисленными проблемами и противоречиями, что проявляется в этнических конфликтах, пограничных спорах, отношении к бывшей метрополии — России, и позиционированию себя на международной арене. При том что за плечами у этих государств был опыт «первых республик», когда они оказались в ловушке серьезнейших внутриполитических и внешнеполитических проблем, во многом предопределивших ход событий.

Даже в период советизации Закавказья и дальнейшего социалистического строительства его республик советские историки как на союзном, так и на республиканском уровнях уделяли повышенное внимание изучению политического и иного опыта закавказских республик, что диктовалось не только одними академическими соображениями. Именно в рамках советского национального проекта были определены закавказские межреспубликанские границы, ставшие после распада СССР межгосударственными рубе-

жами, а также сформированы атрибуты будущей постсоветской государственности.

После раз渲ла СССР в новых закавказских республиках стала писаться новая «своя история» с акцентами на собственную идентичность через утверждение приоритета национализма, начали формироваться представления о «своей земле», «идеальных границах» и «врагах нации», шло конструирование образов суверенного будущего. Однако интерес со стороны российских историков к региону заметно снизился, несмотря на актуальность острых проблем, возникших в силу того, что независимым государствам Закавказья не удается создать эффективных механизмов обеспечения национального мира и безопасности в условиях появления угрозы переноса дестабилизации из региона даже на территорию России — на Северный Кавказ. «Оптика» исследовательских подходов проявляется при выявлении и обозначении событий 1917–1921 годов в Закавказье как специфического продолжения процессов, связанных с Великой российской революцией, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. Это методологически не только выбивает российскую историографию из некогда существовавшего с Закавказьем единого историографического пространства. Это ведет к политическому противостоянию с закавказской национальной историографией, которая «только учится летать», часто осуществляя механическую перестановку плюсов на минусы, как правило игнорируя накопленный исторической наукой массив данных о событиях в регионе в период с 1917 по 1921-е годы.

Эта небольшая вводная необходима для того, чтобы определить место в обозначенном историческом раскладе новой монографии известного российского историка Вадима Муханова «Кавказ в переломную эпоху: 1917–1921 годы» (Москва, 2019). Уникальность этой книги в том, что автор сосредоточил внимание на наиболее ярких эпизодах 1917–1921 годов, определивших политическую судьбу Закавказья в XX веке, предпринял попытку не только научного осмысления происходивших в регионе в тот период политических и других процессов, но и обозначил ресурсные границы местной политической элиты в строительстве национальных государств, потенциальную институциональную и идеологическую трансформацию элиты через формирование после Февраль-

ской революции сначала общерегиональных, а затем национальных органов власти.

Историк использует проблемно-хронологический метод изложения, поскольку это позволяет более емко и разносторонне представить выявленные и обобщенные материалы монографии. В частности, он обоснованно выделяет этот период — с февраля 1917 года по май 1918 года — когда был распущен Закавказский сейм, а национальные партии объявили о создании национальных государств и произошел качественный перелом хода событий в масштабах всего региона. Он избегает описательных приемов в изложении тех или иных исторических сюжетов, стремится выявлять и демонстрировать причинно-следственные связи развития событий как со стороны их уникальности и неповторимости, так и со стороны содержания исторического процесса, широко использует как опубликованные, так и архивные материалы, характеризующие основные параметры политических субъектов того времени.

Используется небольшая, но значимая мемуарная литература политических деятелей изучаемого периода, которая позволяет дать анализ субъективной стороны процесса закавказской жизни 1917–1921-х годов, мотивы, ценности и принципы действовавших тогда основных политических фигур и направлений. Автор также демонстрирует хорошее знакомство и с периодической центральной (московской) и местной печатью, что создает ощущение полноты и глубины исследования, особенно по части выстраивания хронологии избранного для исследования исторического периода, в котором имел место сложный калейдоскоп событий: межэтнические столкновения, иностранная интервенция, войны между молодыми закавказскими странами. Тематика исследования обусловлена до сих пор недостаточно глубоким и детальным изучением довольно сложного периода закавказской и Российской истории в нашей научной литературе.

Еще одна особенность монографии Муханова состоит в том, что он избегает широких политических и других выводов и суждений, только контурно показывает причины, которые объективно, а где-то и субъективно, не позволяли местным национальным партиям и политическим силам реализовать потенциал государственного строительства. Тогда они столкнулись сразу с тремя силами: иностранная интервенция, силы, выступавшие под лозунгом «великой и неделимой» (Деникин), а также идеи и практики миро-

вой революции, с чем в регион шли большевики. Две исходящие из России силы объединял один фактор: в рассматриваемый период проблемы национально-государственного строительства Азербайджана, Армении и Грузии фактически их не интересовали. При этом большевики имели на этот счет свое собственное представление, хотя на первых порах сотрудничали с национальными партиями — грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками и мусаватистами в Азербайджане. В целом автору удалось не только воссоздать объемную единую историческую панораму, но и вычленить сюжеты или проблемы, которые являются основой для продолжения конкретно-исторического изучения различных сторон конкретных важных событий, связанных с многообразием национальных властных комбинаций.

На некоторых из них мы остановим свое внимание, поскольку относительно их в закавказской национальной историографии имеет место различная трактовка событий, связанных с политической ситуацией 1917–1918 годов, и восстановление объективной картины прошлого входит в задачу историков.

«Лидирующие позиции грузинские меньшевики занимали во всех организациях и управлеченческих структурах Закавказья, — пишет Муханов. — Со временем они эволюционировали в правительство независимой Закавказской республики, а потом смогли вырвать Грузию в самостоятельное политическое плавание под своим управлением. Грузинская элита была готова к решительным шагам, и стремительное наступление турецких войск оказалось тем самым спусковым крючком, который только ускорил необратимый процесс по разделу Закавказья на отдельные друг от друга республики».

Однако процесс не выглядит столь прямолинейно, как его описывает автор.

Да, в момент объявления независимости Грузия из трех закавказских республик обладала самыми выгодными государствообразующими условиями. Тифлис являлся административным центром Закавказья, там находились все центральные учреждения и штат административных работников (Баку контролировала Бакинская коммуна, а Ереван был скорее захолустным губернским городом). Помимо этого территории, которые в итоге составили основу Грузинской республики, были гораздо более однородны в этническом плане (в особенности Кутаисская и — в несколько меньшей степени — Тифлисская губернии), нежели те территории, на которые

претендовали Армения и Азербайджан. В плане коммуникаций Грузия выглядела гораздо лучше своих соседей: железная дорога, соединявшая грузинские черноморские порты с нефтяным Баку, выгодно отличала Грузию от остававшейся в тупике Армении. Грузия контролировала поставки бакинской нефти на международный рынок. Тем не менее конкретный исторический материал, характеризующий события 1917–1921 годов, не подтверждает представления о вызревании каких-то неумолимых объективных предпосылок отпадения от России всех крупных национальных окраин. Мощные сепаратистские устремления существовали далеко не везде, отнюдь не во всех будущих самостоятельных государствах, возникших на руинах Российской империи.

Процесс вызревания предпосылок отпадения Закавказья был более сложным. Единственной партией в Закавказье, которая имела проект создания национального государства, была армянская «Дашнакцутюн». Образованная в 1890 году в Тифлисе, она действовала в России как «партия в эмиграции». В ее первом манифесте декларировалось, что «Дашнакцутюн» будет стремиться объединить все силы, связать с собой все центры, имея целью политическую и экономическую свободу Турецкой Армении. В одном из документов, оказавшимся в распоряжении царской военной разведки в Париже, была приложена карта «Великой Армении от моря до моря». Реализация этого geopolитического проекта связывалась с поражением Османской империи в Первой мировой войне. В Азербайджане партия «Мусават» появилась в 1911–1912-х годах. После Февральской революции 1917 года эта сила выступила за «Российскую демократическую республику» без требований национально-территориальной автономии, а в июне 1917-го объединилась с «Тюркской партией федералистов», что было закреплено на 1-м съезде «Мусават» 26 октября (8 ноября) 1917 года. Так возникла «Тюркская демократическая партия федералистов-мусаватистов». Съезд с незначительными изменениями принял программу партии федералистов, по которой будущий государственный строй России представлялся «в форме федеративной демократической республики на началах национально-территориальной автономии». Территория и границы этой автономии тогда не были обозначены.

Что касается грузинских меньшевиков, то до 1919 года, хотя уже и формально, они входили в партию российских социал-демократов и связывали свое «временное» отделение от России

только подписанием в марте 1918 года Брестского договора. При определении территории своего государства они взяли на вооружение проект «идеальной Грузии» — средневекового Абхазо-Грузинского царства периода его максимального расцвета.

«Это было трагедией, — писал в этой связи один из виднейших деятелей партии “Дашнакцутюн” профессор Ованес Качазнуни. — У провозгласивших независимость Азербайджана, Грузии и Армении не было взаимопризнанных государственных границ, и политики руководствовались только своей “исторической памятью”. Я говорил об этом грузину Ною Жордания. Он даже прослезился, заявив, что предвидит в крае новые трагедии, которые остановит только “третья сила”. Но он не знает, откуда явится эта “сила” — с юга или севера».

Мусаватисты делали ставку на Османскую империю, могли сыграть после Брестского договора марта 1918 года на стороне Германии и московских большевиков. Грузинские меньшевики, наоборот, изначально сделавшие ставку на Германию, потом оказались под фактической оккупацией англичан. Принципиально иной выбор сделали армяне, сотрудничая с Антантой. Предпосылки для включения «кавказского вопроса» в сферу международных отношений объективно сложились в ходе Первой мировой войны, изменившей геостратегическую обстановку в регионе, что выводит исследователей и на «русский вопрос».

Эти эпизоды старательно обходили советские историки, их предпочитают не касаться и нынешние российские исследователи по причине еще не сформированной источниковой базы. Поэтому рассматриваемая проблема еще не успела окончательно сформироваться, но это не умаляет важности и значимости исследования Муханова. Он продемонстрировал, что историки будут еще много раз возвращаться к событиям в Закавказье в 1917–1921 годы, оставившим видный и сегодня след в памяти народов Закавказья и в их политической, экономической и духовной сферах.

Для России значимость исследования определяется проблемами существования российской государственности в кризисных условиях, позволяет расширить границы научного знания относительно одного из наиболее проблемных и острых сюжетов отечественной истории новейшего времени в период гражданской войны. Поиск достоверных источников, процесс переосмысливания фактов, выработка объективных оценок событий на Кавказе в годы гражданской войны продолжается.

Борис Толчинский

А. М. Эткинд. Природа зла. Сырьё и государство.
М., 2019

«Природа зла» — очень удачное и многозначное название для книги о сырье и государстве. Её автор А. М. Эткинд — психолог, историк, культуролог, всё чаще выступающий как социолог, политолог и экономист. Он не любит природу и сырьё как производное от природы. Но ещё больше он не любит государство. О том, как складываются отношения сырья и государства, как зло тяготится ко злу, как увлекает народы в пучины ещё большего зла и ведёт мир к глобальной катастрофе, рассказывает эта книга. «Природа зла» — великолепная игра ума, интеллектуальный опыт в духе лучших энциклопедистов эпохи Просвещения. Но просвещает ли она? Попробуем разобраться.

Впервые я услышал имя Александра Эткинда более 30 лет назад, в самый разгар горбачёвской перестройки, когда он вместе с Леонидом Гозманом, ныне широко известным праволиберальным политиком, опубликовал в журнале «Нева» статью «От культа власти к власти людей». Чётко, по пунктам описывая различия между тоталитарным, авторитарным, либеральным и демократическим режимами, статья Гозмана и Эткинда стала настоящим прорывом для своего времени. Да и теперь она читается на одном дыхании.

Но уже в этой ранней работе заметна склонность упрощать и исказить реальность в пользу заранее заданных схем. В «Природе зла» эта проблема ключевая. Читая книгу, вы не можете быть

уверены, что факты, на которых возводит свои построения автор, соответствуют действительности. А значит, не можете быть уверены и в том, что его выводы состоятельны и адекватны.

«У этой книги необычные герои, — предупреждает Эткинд в предисловии, — торф и конопля, сахар и железо, треска и нефть. Разные виды сырья — части природы, элементы экономики, двигатели культуры. Из них создана цивилизованная жизнь; их особенности объясняют поведение и опыт исторических обществ; они находятся в особых отношениях с государством. В этом и состоит мой главный сюжет».

Сырьё у автора выступают и лес, и зерно, и «останки чужих тел» (от мяса и рыбы до шкурок зверей), соль, опиум, шёлк, лён и хлопок, металлы, торф, а также уголь и нефть — собственно, ради них, ископаемых карбонов, и написана книга. Они у Эткинда главное зло, но об этом ниже. Причину подъёма Голландии в Новое время он видит в торфе; «Картофель и севообороты объясняют взрывной рост населения Европы в XIX веке, без картофеля не было бы ни урбанизации, ни промышленной революции»; «зерно создало крестьянина, текстиль создал пролетария, буржуза был сотворён чаем с сахаром»; а Россия потому так велика, что русские мужики всегда шли с запада на восток в поисках пушкины; и так далее в таком же духе. Весь огромный мир, в котором живут люди, всё многообразие их мотиваций, все сложнейшие перипетии мировой истории Эткинд объясняет единственным фактором — сырьём, динамикой его потоков. Классики марксизма-ленинизма назвали бы такой архаичный «сюжет» ресурсным детерминизмом. Но в нашем информационном веке он смотрится несколько странно, если не сказать — пугающе.

Тем более удивительно, как при настолько широком подходе к сырьевым ресурсам в их числе вовсе не упоминается вода, хотя именно с неё начинаются и жизнь, и государство. Древний Египет — первая и величайшая из мировых цивилизаций, она была сотворена водами Нила, его плодоносным илом. Но в книге Эткинда нет главы про Египет; нет главы и об Элладе, чьим ключевым «природным ресурсом» было солнце. Главы о древней Персии, создавшей первую в историю мировую державу, преуспевающую и веротерпимую империю Ахеменидов, вы также в книге не найдёте, она даже не упоминается. Случайно ли? Может быть, всё потому, что ни Египет, ни Греция, ни Персия не укладываются в концепцию автора о сырье как природном зле?

Он начинает сразу с Рима и тут же, в предисловии, показывает нам, как намерен обращаться с фактами истории. Говоря о финансовом кризисе 33-го года, Эткинд пишет, что «через несколько лет в аналогичном кризисе оказался новый император, Калигула. Испанские рудники уже были конфискованы, зерновые склады Рима истощались, и гвардия предпочла убить императора, чем драться с разъярённым народом за остатки хлебных запасов. Новый император, Веспасиан, обложил налогом сортиры».

На самом деле между Калигулой и Веспасианом — пять императоров и почти тридцать лет насыщенной истории Древнего Рима. А причины, приведшие к убийству Калигулы преторианцем Кассием Херейей, если и связаны с дефицитом хлеба, то очень опосредованно. Калигула был убит, потому что настроил против себя сенат и гвардию. У богатых и влиятельных сенаторов было достаточно хлеба, но не было ощущения личной безопасности; опасаясь за свою жизнь, они предпочли забрать жизнь у императора. Полвека спустя точно так же погибнет сын Веспасиана Домициан, намного более толковый и успешный правитель, чем Калигула.

Римским императорам и империи в целом в книге Эткинда не повезло. «Римская империя расширялась подобно амёбе, пуская отростки то в одну, то в другую сторону. [...] Главным мотивом этих движений был поиск металлов. Целью колонизации Южной Италии была медь, Англии — олово, Испании — серебро. К привычному списку металлов римляне прибавили мягкий, легкоплавкий свинец, который был им нужен для строительства водопроводов и бань». И далее: «Согласно одному исследованию, две трети римских императоров умерли в результате свинцовой интоксикации».

Между тем причины расширения империи куда сложнее, они не сводятся к какому-то одному фактору. Например, отечественный исследователь А. В. Громов убедительно доказывает, что сначала римская держава расширялась, стремясь обеспечить безопасность своим гражданам; затем — чтобы снабдить их землёй для пропитания и сохранить боеспособную армию, достигшую к тому времени численности в десятки и сотни тысяч воинов. Уменьшение армии было чревато мятежами, которые свергали императоров, и всё теми же проблемами с безопасностью граждан Рима. Империя расширялась, пока совокупные выгоды расширения превышали всевозможные риски. Потом она стала размываться и со-

кращаться, хотя потребности римлян в металлах не только не снизились, но даже возросли.

Что касается «одного исследования», согласно которому «две трети римских императоров умерли в результате свинцовой интоксикации», очевидно, имеется в виду статья 1965 года, напечатанная в американском медицинском (не историческом!) журнале. В наши дни «гипотеза свинцового отравления» выглядит как антинаучный фейк и не может рассматриваться всерьёз. Годы жизни императоров Рима документированы с точностью до месяца, недели, часто даже дня. Из 69 правителей империи от Октавиана Августа до Феодосия Великого 43, то есть те же две трети, погибли насильственной смертью. Не из-за отравления свинцом, а в результате самоубийства, в бою или были убиты заговорщиками. Всё это известные факты; не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать: жизнь императоров в жестоком Риме была такова, что большинство из них не доживали до своей «свинцовой интоксикации». Зачем распространять заведомые фейки, чья недостоверность ясна уже на уровне здравого смысла?

Но такова вся книга Эткинда. Она содержит множество логических и фактических ошибок, анахронизмов и передёргиваний, одни лишь их перечисление заняло бы несколько страниц. Так, автор дважды упоминает короля Англии Якова (1603–1625) как «умелого строителя империи», присоединившего Шотландию и разбившего испанскую армаду на море. Но Якову, сыну Марии Стюарт, не нужно было «присоединять» Шотландию: ведь до восшествия на английский престол он сам 36 лет занимал шотландский! А испанскую «Непобедимую армаду» разбили англичане, не шотландцы, при королеве Елизавете Тюдор, за 15 лет до воцарения Якова в Англии.

Ляпы и анахронизмы сочетаются у Эткинда с замечательными по глубине и точности наблюдениями. Например: «Ресурсно-зависимое государство всегда боится истощения сырья, но больше страдает от новых технологий, делающих его ненужным». Текст «Природы зла» необычайно плотный, в нём вовсе нет словесной воды, чем нередко грешит наш non-fiction. «Разные виды сырья имели богатые судьбы, — указывает Эткинд. — Вместе с людьми они тоже были творцами истории, её субъектами». Сам подход, прослеживающий связи между природой и историей, политикой, социальными процессами, необычайно продуктивен. Но он заслуживает более уважительного, доказательного отношения. Изла-

гая более-менее достоверные факты и гипотезы, которые укладываются в авторскую концепцию «Природы зла», Эткинд охотно ссылается на конкретных авторов, цитирует их работы. А продвигая фейки, чаще ограничивается безликими «историками», «экономистами» или просто «учёными». Альтернативные же концепции, обладающие собственной доказательной базой, такие как «ресурсное государство» С. Г. Кордонского, не упоминает вовсе, словно их и нет.

Здесь мы подходим к самому интересному и важному вопросу, вернее, серии взаимосвязанных вопросов. Как сырьё влияет на историю и политику на самом деле? Зло ли сырьё? Или зло в ином, но в чём тогда? Оправданно ли, выступая в роли учёного, рассматривать историю, политику и экономику с позиций морали? Причём морали, однозначно трактуемой в понятиях современного нам леволиберального дискурса? Зачем в действительности написана эта книга? Какой аудитории она адресована? И кем может быть востребована? Стоит ли читать её всем остальным?

Восторженные рецензенты «Природы зла» с удовольствием цитируют выкладки автора о сырье и практически не обращают внимания на политическую программу, открыто заявленную в последних главах книги. А ведь именно ради неё всё и писалось. Как вышеупомянутая статья 1989 года показывала советским интеллектуалам ужасы тоталитаризма (которого в то время уже не было, он растаял сам сначала от хрущёвской «оттепели», затем в брежневском «застое») и достоинства демократии (которые до сих пор остаются для большинства наших сограждан скорее виртуальными), точно так же 30 лет спустя «Природа зла» призвана решить три задачи.

Во-первых, предъявить зримые образы мирового зла. У Эткинда это сырьё и государство; первое — как источник зла, второе — как субъект. «Сырьевая зависимость, — пишет автор, — формирует третий тип государства, я называю его паразитическим. [Оно] собирает свои средства не в виде налогов с населения, а в виде прямой ренты, поступающей от добычи и торговли естественным ресурсом. В паразитическом государстве население становится избыточным». Затем эта идея неоднократно повторяется и усиливается: «Петрогосударство зависит не от налогов с людей, а от пошлин или прямой ренты с торговли сырьём. Поскольку государство извлекает своё богатство не из налогов, налогоплательщики не могут контролировать правительство».

Понятно, речь идёт не о Норвегии, которую автор хвалит за различительное сбережение нефтедолларов в пользу будущих поколений. Речь прежде всего о России, она, на его взгляд, стала жертвой пресловутого «ресурсного проклятия» и не научилась правильно распоряжаться своими природными богатствами.

Далее Эткинд пишет: «Сырьевую зависимость часто сравнивают с наркотической, проводя аналогию между непродуктивной экономикой, от которой страдают миллионы, и индивидуальной патологией. В Америке президент Буш сказал в 1996 году: «Нефть стала зависимостью» (на самом деле президентом США в 1996 году был Клинтон, а Буш-младший сказал это в 2006-м. — Б. Т.). В России критики сырьевой зависимости говорят о “нефтяной игле”, на которую села страна».

Всё это могло бы быть отчасти справедливо, если бы описывалось Эткинлом как тенденция, как один из множества неоднозначных факторов и рисков. Но ресурсный детерминизм подчинаяет себе автора полностью; ничего иного, кроме «наркотической» зависимости от нефти, он не видит. «Природа зла» определяет Россию как паразитическое петрогосударство, которое «собирает свои средства не в виде налогов с населения, а в виде прямой ренты». В действительности только третья своих доходов бюджет РФ получает от нефтегазовой деятельности и экспорта нефтепродуктов, а две трети — это налоги, акцизы и внутренние поступления. Даже наблюдаемое нами падение цен на нефть отражается на жизни общества в неизмеримо меньшей степени, нежели кризис, вызванный пандемией коронавируса. Падение цен на нефть представляется национальной катастрофой лишь в головах аффилированных предпринимателей и тех интеллектуалов, кому теоретические схемы ближе и милее живой, многообразной реальности.

Во-вторых, образы зла существуют у Эткинда не сами по себе. Миру, где доминируют паразитические петрогосударства,грозит по их вине глобальная катастрофа. И эта катастрофа — климатическая: «Отказ от нефти случится потому, что засорится воздух». Ужасы грядущей катастрофы описываются так, как в начале прошлого века представляли себе Лондон, погребённый под горами конского навоза. Только теперь всё несоизмеримо хуже, так как из-за «эмиссии карбонов» погибнет весь мир: «Потепление на полтора градуса приведёт к разрушению коралловых рифов, затоплению островных государств и портовых городов, всеобщему

продовольственному кризису и многомилионным миграциям населения. В десятках малых, больших и самых больших стран мира будет объявлено чрезвычайное положение», — и так далее. Новые анонимные «учёные озабочены исчезновением насекомых: их общая биомасса уменьшается на 2,5% в год, и к концу века насекомых просто не будет. Больше половины пчёл в США уже вымерли. Тысячи видов рыб и птиц питаются насекомыми, они опыляют мириады растений, значит, исчезнут и они».

На самом деле во время величайшего массового вымирания всех времён (The Greatest Mass Extinction of All Time) на рубеже палеозоя и мезозоя исчезли 83% видов насекомых. Это случилось ~250 миллионов лет назад и стало следствием сложного сочетания глобальных катастроф, постигших нашу Землю. Но даже и тогда насекомые и рыбы выжили, а птицы стали эволюционировать из рептилий.

Аргументация «Природы зла» под стать её страшилкам. «Мы знаем, к примеру, что для предотвращения катастрофы отказ от мяса важнее отказа от бензина». Кто эти «мы»? Кому и почему важен отказ от бензина? Почему отказ от мяса ещё важнее? И почему вообще нам нужно принимать на веру, что миру грозит климатическая катастрофа?!

Ответов на все эти и подобные вопросы нет. В той парадигме, которую исповедует и продвигает автор, они и не нужны, они излишни. Истово верующий, по Тертуллиану, верует, ибо абсурдно. А заинтересованный, критически настроенный читатель, добросовестно преодолев все испытания и искушения «Природы зла», в конце книги внезапно оказывается у врат Церкви Глобального Потепления.

Game over. Да, ради этого и писалась вся книга. Автор привёл нас туда, куда вёл с самого её начала, — в секту гретопоклонников и климатических катастрофистов. То, что начиналось как лес и зерно, продолжалось как сахар и хлопок, в конце концов привело, по Эткинду, к углю и нефти, к авторитарным «петрогосударствам», которые уже не просто неэффективны сами по себе — теперь эти «паразиты» человечества угрожают всему миру, самой жизни на Земле.

Но подлинный российский интеллектуал не может прямо объявить себя последователем шведской девочки, которая учёбе в школе предпочитает трибуны ООН и Давоса: на Родине такого интеллектуала не поймут. Чтобы стать Гретой Тунберг для За-

пада, достаточно выйти с плакатом к парламенту; чтобы стать ею в России, нужно написать книгу, о которой будут говорить и спорить. Нужно вызывать рефлексию, апеллировать к коллективному бессознательному, явным и тайным страхам, к несправедливостям, которые испытывают люди, к правде, которую от них старательно скрывают.

Но и это ещё не всё. Если образы зла названы, если есть глобальная угроза и «паразитические петрогосударства», которые её усугубляют, приближая мир к ужасному концу, тогда нужна и позитивная программа, как предотвратить конец. Эту программу Александр Эткинд не придумывает сам, а заимствует у своей тёзки Александрии Окасио-Кортес и других молодых леваков из Демпартии США. Она называется Зелёный новый курс (Green New Deal).

«Зелёный новый курс, — я вновь цитирую «Природу зла», — предполагает радикальное увеличение государственных расходов, субсидирование возобновляемой энергии, строительство инфраструктуры и массовую помощь безработным и бедным. Деньги будут получены от налогообложения сверхбогатых, и в частности от лишения тех, кто производит нефть и эмиссии, их налоговых льгот. [...] Перераспределение расходов между человеком и природой, перераспределение доходов между классами и перераспределение эмиссий между народами».

И это называется — приехали. Выдающийся интеллектуал либеральных убеждений, начавший с жёсткой критики тоталитаризма, ныне предлагает уповать на силу государства, чтобы всё «отнять и поделить». Сознаёт ли он при этом, что перераспределение всего и вся в XXI веке будет означать конец глобальной рыночной экономике, какой мы её знаем, конец прогрессу, новым технологиям, конец пусть и худому, но всё-таки миру на Земле?

Да, он сознаёт. «Ограничения в добыче и потреблении иско-паемого горючего не будут иметь рыночного характера, — пишет Эткинд. — Они могут исходить только от государств, или скорее от их объединений». И далее: «Международной системе государств придётся заняться новым просвещением, а при необходимости рационированием. Левиафан должен стать зелёным или его просто не станет».

В переводе с языка эвфемизмов на человеческий сказанное означает: для продвижения «Зелёного нового курса» необходима мировая диктатура, она установит контроль над «паразитически-

ми петрогосударствами» и их природными ресурсами, после чего займётся «рационированием» отсталых народов.

Если всё это не тоталитаризм, тогда что? Мы уже проходили такое в XX веке, но в меньших масштабах; зелёный же Левиафан собирается переделывать под себя всю планету. И поскольку люди по доброй воле ни за что не захотят лишаться свободы выбора, своих денег, качественных животных продуктов и скрестных самолётов — Эткинд это признаёт — мировой Левиафан их будет жёстко принуждать. Какая горькая ирония: чтобы спасти всех нас от воображаемой «климатической катастрофы», нам предлагают путь реальных, неизбежных катастроф — военных, социальных и технологических, которые будут означать крах привычного нам мира и откат в глубокую архаику, какой человечество не знало тысячи лет, со времён «катастрофы бронзового века».

Автор позиционируется в качестве учёного, но его «Природа зла» — ни в коей мере не научная работа, это опыт в жанре спекулятивного научпопа, набирающего популярность на волне интереса к non-fiction, документальной прозе. Суть спекулятивного научпопа в том, чтобы оседлать этот интерес и под видом разработки какой-либо значимой, вызывающей всеобщее внимание темы продвинуть в мир сомнительные, малосимпатичные идеи, которые сами по себе были бы сразу же опровергнуты и решительно отвергнуты. Но книга Эткинда документальна лишь отчасти и не в главном; скорее, перед нами заготовка новой библии для леволиберальной тусовки, испытывающей в наши дни и особенно в нашей стране беспощадный кризис идей. Хотел автор того или нет, но его «Природа зла» способна стать настольной книгой не только для них, но и для всех неофитов новой мировой секты климатических катастрофистов.

Отрицать глобальное потепление нелепо, оно происходит на наших глазах, и «год без зимы» 2019/2020 тому самый наглядный пример. Но столь же нелепо принимать естественное и циклическое изменение климата планеты за мировую катастрофу. Что это, как не гордыня? Человек велик, но слишком мал; да, он может уничтожить мир ядерным оружием, но он не властен менять климат на Земле, сжигая углеводороды. Климат — сложнейшая система связей и закономерностей; антропогенный фактор в ней ничтожен в сравнении с множеством природных и космических. Одно-единственное извержение вулкана, которое не-

возможно предотвратить, влечёт для климата планеты больше рисков, чем вся «эмиссия карбонов» за всю историю цивилизации людей. Эту эмиссию она переживает, а вот насчёт колективного безумия — я сомневаюсь. Настоящая природа зла — не в сырье и не в государстве, она всё там же, где разруха: в головах людей.

Искажённая и упрощённая картина мира, которую навязывает секта климатических катастрофистов, угнетает взгляд исследователя, сужает его творческие горизонты и подводит к идеям, недостойным настолько ёмкого, глубокого и мощного труда. «Природа зла» — прививка не от зла, а от левачества и оправдания, но выдержать её способен только сильный знанием и духом организм. Книга Эткинда прекрасна и опасна, своеобразна и ангажирована; чтобы разобраться в ней как можно лучше, нужно знать больше, чем знает сам автор, а понимать — ещё больше. Читать её не только можно — нужно! Но читать критически. Хотел автор того или нет, его спекулятивный научнопоп адресует думающего читателя к множеству других достойных, актуальных книг, к серьёзной исторической и научно-популярной литературе как способу познания реальности человеком цифровой эпохи. Эта книга бросает вызов, и её вызов стоит принимать.

И последнее. Энциклопедисты эпохи Просвещения прониклись духом времени и навсегда изменили мир. Их труды пережили столетия лишь потому, что для настоящих просветителей тяга к истине была важнее идеологии и конъюнктуры. «Природа зла» вышла из печати недавно, но уже обласкана поклонниками и опровергнута жизнью. Среди кошмаров и напастей, которыми пугал читателей автор, нет ни слова, ни полслова про коронавирус, пандемии, угрозы биологического заражения. Зло пришло откуда его не ждали, и подлинная природа зла застала врасплох мир побеждающего глобализма. Популярные ещё вчера герои новостей не пережили этого удара. Исчезла с экранов вездесущая Гreta Тунберг, не слышно вечного Джорджа Сороса, никто более не вопиет с трибуны об опасности метана от коров и угрозах засорения воздуха нефтью. Всё, чем пичкали умы людей, чтобы сделать их податливыми к истерии климатических катастрофистов, вмиг стало пусто, пошло и неактуально. Прекрасный город Флоренция, где обитает и преподаёт проф. А. М. Эткинд, находится в Италии, в эпицентре всамделишной, а не виртуальной катастрофы. Автор может наблюдать вживую, насколько далеки от истины фантасма-

гории «Природы зла». И вот уже ЕС малодушно отворачивается от Италии, а Россия, по Эткинду, то самое «паразитическое петрогосударство», посыпает помощь. Весь мир в прямом эфире наблюдает, какие общества оказываются эффективнее в борьбе с труднейшим за последние десятилетия вызовом цивилизации и какова в этой борьбе действительная роль сырья и государства.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| нау ч н о е   о б о з р е н и е |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Юрий Пущаев,
Кирилл Шевченко*

Ответственный редактор *Модест Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *А. В. Мартынов*

ISBN 978-5-905040-63-4

9 785905 040634 >

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16
ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 17.05.2020. Формат 60×90 ½.
Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»
150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2
тел.: (4852) 200-121. www.yarcmyk.ru